
Λ - 21

СЕРБІЯ

И

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ПРОВИНЦІИ АВСТРІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

сочиненіе

Владиміра Ламанскаго.

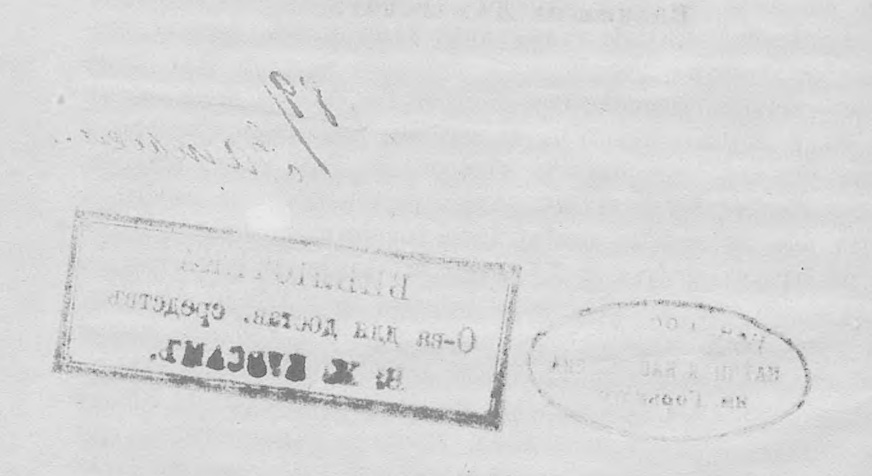

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38).

1864.

Дозволено цензурою, 8 октября 1864.

Изъ «Отеч. Записокъ» 1864 г. №№ II и V.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи.

Результаты моихъ наблюденій во время путешествія по Сербіи и южнымъ славянскимъ провинціямъ Австріи.—Княжество Сербское. — Южно-славянское движеніе въ Австріи. — Свѣтлыя и темныя его стороны. — Отношеніе австрійскихъ южныхъ славянъ и Сербіи къ Россіи.

Лѣтомъ 1862-го г., послѣ іюньскихъ происшествій въ Бѣлградѣ, Сербія обращала на себя всеобщее вниманіе, въ однихъ возбуждая нетерпѣливыя ожиданія и радостныя надежды, въ другихъ, собственно въ туркахъ и австрійцахъ — страшныя опасенія. При всемъ горячемъ желаніи огромнѣйшаго большинства сербовъ оправдать на дѣлѣ тѣ и другія, правительство сербское нашлось вынужденнымъ принять рѣшеніе цареградскихъ конференцій. Если можно осуждать правительство сербское за его лѣтнія распоряженія, то именно за то, что оно не съумѣло предъугадать іюньскихъ столкновеній сербовъ съ турками-ерліями въ Бѣлградѣ и заранѣе не озаботилось о сосредоточеніи войска, ибо, *быть можетъ*, во всеобщую суматоху, когда турки, всюду отбитые, бѣжали изъ города въ крѣпость, войску можно бы было ворваться въ нее по слѣдамъ убѣгавшихъ турокъ. Еще легче можно бы было овладѣть турецкими крѣпостями въ Шабцѣ и Смедеревѣ. Тогда бы дипломаціи оставалось только признать fait accompli. Въ настоящее же время турки такъ укрѣпились въ этихъ крѣпостяхъ, что овладѣть теперь бѣлградскою сербамъ едва-ли возможно, а двумя другими будетъ стоить огромныхъ усилій и потерь, а между тѣмъ эти три города едва-ли не самые важные въ Сербіи, какъ по относительному богатству, такъ и по удобству сообщеній, по Савѣ. Эта непредусмотрительность сербскаго правительства, ко-

нечно, большая ошибка съ его стороны, есть послѣдствіе того ложнаго положенія, въ которое поставилъ себя князь Михаилъ Обреновичъ съ своими министрами въ отношеніи къ народу. Они, къ сожалѣнію, держатъ себя слишкомъ далеко отъ народа, больше вѣрятъ въ силу своихъ безпрестанно измѣняемыхъ, вновь сочиняемыхъ и копируемыхъ законовъ и уставовъ со множествомъ параграфовъ, больше полагаются на искусство своей мишурной государственности и дипломаціи, нежели на силы и доблесть народа. Пренебрегая его голосомъ, искажая, по возможности, своими переводными законами и подражательными учрежденіями народный бытъ сербовъ, правительство естественно мало пользуется народнымъ довѣріемъ. Оттого и произошло, что оно ничего не знало заранѣе о томъ, что̀ затѣвалъ народъ.

Упустивъ удобный случай, правительство должно было покориться приговору европейскихъ державъ. Въ этомъ случаѣ оно руководилось благоразуміемъ, которое помѣшало ему ввергнуть страну въ напрасное кровопролитіе и страшныя несчастія, подобныя, быть можетъ, тѣмъ, отъ которыхъ не могли или не умѣли избавить Черную Гору князь Николай съ Миркомъ. Сербія вообще въ то время была слабо приготовлена къ войнѣ, имѣла большой недостатокъ въ оружіи, большіе запасы котораго ей нужны, въ случаѣ войны, для приготовленія правильнаго возстанія въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ, Старой Сербіи и Македоніи. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что нынѣшняя задача сербовъ гораздо труднѣе и сложнѣе, чѣмъ при Георгіѣ Черномъ. Тогда шло дѣло собственно объ изгнаніи турокъ-спаіевъ, мусульманъ - помѣщиковъ изъ Сербіи; теперь идетъ вопросъ чисто-на-чисто о паденіи владычества турокъ въ Европѣ, о возмущеніи болгаръ, о присоединеніи къ княжеству Сербскому Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи. Словомъ, нынѣшнее возстаніе сербовъ должно повести за собою рѣшеніе восточнаго вопроса, а въ немъ заинтересованы всѣ европейскія державы, всего же болѣе Австрія, которая уже давно всячески интригуетъ въ Босніи и Герцеговинѣ и сильно работаетъ въ пользу тамошней католической пропаганды. Императоры австрійскіе, какъ короли венгерскіе (апостолическіе), имѣютъ въ своемъ титлѣ *Раму* (Боснію), Сербію, Болгарію. Австрія въ своихъ притязаніяхъ на Боснію и т. д. находитъ опору въ нѣкоторыхъ патріотахъ мадьярскихъ и особенно хорватскихъ, которые въ своемъ разгоряченномъ воображеніи богъ-знаетъ какіе чудные составляютъ себѣ планы о будущемъ величіи чудотворныхъ коронъ св. Стефана или Звонимира. Даже въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ Австріи, напримѣръ въ че-

хахъ, патріотамъ славянскимъ улыбается мысль объ увеличеніи Австріи насчетъ славянскихъ провинцій Турціи. Нечего говорить, что Англія всегда скорѣе будетъ за, чѣмъ противъ такого рѣшенія турецко-славянскаго вопроса. Австрійско-славянскіе патріоты-фантасты воображаютъ, что такимъ образомъ Австрія сдѣлается государствомъ чисто-славянскимъ, тогда-какъ это увеличеніе можетъ послужить только къ укрѣпленію имперіи Габсбурговъ, имѣющей призваніемъ своихъ подданныхъ не-католиковъ, особенно православныхъ, католичить или приводить въ унію и нѣмечить всѣ народности не-нѣмецкія. Славянскіе патріоты, мечтающіе о сильной и славянской Австріи, слишкомъ преувеличиваютъ свое собственное значеніе, недостаточно цѣнятъ силу нѣмецкаго элемента самой Австріи и вліяніе германской образованности, на которую онъ опирается, вовсе забываютъ, что многонаселенная Германія легко можетъ колонизировать малонаселенныя восточныя и южныя провинціи Австріи. Всякій безпристрастный наблюдатель, знакомый съ взаимными отношеніями различныхъ народностей и племенъ Австріи, не можетъ не сознаваться, что нѣмецкій элементъ Австріи, несмотря на свою малочисленность, все-таки въ ней самый сильный, какъ своею исторіею, такъ и современною образованностью; онъ всегда служилъ опорою и основаніемъ имперіи Габсбурговъ и всегда господствовалъ надъ другими племенами, особенно же славянскими, пользуясь ихъ матеріальною силою и употребляя ее на свои потребы. Конечно, этимъ обязанъ нѣмецкій элементъ въ Австріи нетолько своимъ личнымъ достоинствамъ, но и римской іерархіи и іезуитамъ, и богатой нѣмецкой образованности и литературѣ, созданной преимущественно сѣверными протестантскими нѣмцами, а также многочисленному еврейскому элементу Австріи, который уже давно съ успѣхомъ распространяетъ германизацію въ Австріи. Возьмемъ ли австрійскую торговлю, промышленость, науку, искусства, литературу, журналистику—вездѣ евреи занимаютъ первыя или довольно видныя мѣста и такимъ образомъ способствуютъ процвѣтанію габсбургской имперіи. Славяне въ Австріи (съ XVI в.), должно признаться, всегда въ сущности играли роль довольно жалкую: были, такъ сказать, ингредіэнтомъ или служебнымъ элементомъ нѣмецкой народности, въ родѣ того, какъ у насъ въ Россіи наши инородцы, въ Англіи и Франціи—кельты и баски. Это несчастное положеніе славянъ въ Австріи должно приписывать не слабѣйшимъ дарованіямъ славянскаго племени сравнительно съ нѣмецкимъ, а тѣмъ особеннымъ историческимъ обстоятельствамъ, при которыхъ они вошли въ составъ нынѣшней Австріи. Несмотря на свою многочислен-

ность, славяне въ Австріи чрезвычайно слабы въ смыслѣ положительномъ и дѣятельномъ. Они многочисленны, но раздѣлены на нѣсколько различныхъ народностей, рѣзко отличающихся между собою и историческими преданіями, и современнымъ бытомъ, имѣющихъ каждая свой особый литературный языкъ, свою словесность; рѣдкая еще не враждуетъ между собою. Такъ, повидимому, грозная цифра 15 мил. слишкомъ славянъ обращается въ очень скромныя цифры: 4 милліона съ небольшимъ *чеховъ* въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, 2 милліона слишкомъ *словаковъ* въ Моравіи, Венгріи и пр., 2 милліона съ небольшимъ *поляковъ* въ Галиціи, 3 милліона съ небольшимъ *русскихъ* (малороссовъ) въ восточной Галиціи, Венгріи и Буковинѣ, 1,200,000 *словинцевъ* въ Стиріи, Крайнѣ, Истріи и пр., 1,300,000 съ небольшимъ *хорватовъ*, въ Хорваціи, Военной Границѣ, Крайнѣ, Истріи и Приморьи съ Кварнерскими островами, въ Венгріи и пр., 1,400,000 *сербовъ* съ небольшимъ, въ Венгріи, Славоніи, Военной Границѣ и Далмаціи, 20 тысячъ съ небольшимъ *болгаръ* въ Банатѣ и Седмиградіи. Такимъ образомъ эти 15 милліоновъ славянъ распадаются на 7 народностей, изъ коихъ только чехи, словаки, словинцы и отчасти хорваты представляютъ собою цѣльные народы, а остальные суть обломки вѣтви народовъ, главный стволъ которыхъ находится внѣ Австріи. Тѣ и другіе представляютъ собою организмы больные, нецѣльные, ибо чехи и словинцы сильно онѣмечены и кромѣ языка мало сохранили характеристическихъ особенностей славянскихъ; всѣ же прочіе славянскіе народы Австріи, какъ русскіе и поляки, сербы и хорваты, раздѣлены между собою взаимною непріязнью, которою искусно пользуется нѣмецкій и правительственный элементъ, употребляющій сверхъ того мадьяръ въ Венгріи, итальянцевъ въ Истріи и Далмаціи, румынъ въ Банатѣ и Седмиградіи, какъ орудіе для ослабленія и подчиненія себѣ словаковъ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ и русскихъ. Отказавшись отъ такой политики, австрійская монархія пришла бы неминуемо къ распаденію, ибо только одинъ нѣмецкій элементъ можетъ быть въ ней заправляющимъ. Прибавкою же къ 15 милліонамъ еще нѣсколькихъ сотенъ тысячъ славянъ турецкихъ Австрія не можетъ стать славянскою державою, ибо и теперь въ Австріи славяне слабы, а нѣмцы сильны не числомъ душъ. Итакъ присоединеніе турецко - славянскихъ провинцій никоимъ образомъ не можетъ улучшить очень незавиднаго служебнаго положенія славянъ въ Австріи, а между тѣмъ отняло бы всякую возможность будущаго, самостоятельнаго развитія южно - славянскихъ народностей. Отъ этого присоединенія должно страшно пострадать все правосла-

віе, весь міръ славянскій. Въ противномъ же случаѣ, то-есть съ усиленіемъ Сербіи насчетъ турецкихъ провинцій, на которыя посягаетъ Австрія, для самихъ славянъ австрійскихъ открывается иное, свѣтлое будущее. Стремясь овладѣть Босніею, Герцеговиною, Австрія повинуется и своимъ историческимъ преданіямъ и чувству самосохраненія: такъ еще въ 1730-мъ г. императоръ Карлъ VI давалъ дипломъ герцеговинцамъ, въ которомъ, въ случаѣ присоединенія ихъ къ Австріи, обѣщалъ имъ полную вѣротерпимость, право выбора своего воеводы или князя, свое самоуправленіе и т. д. О присоединеніи Босніи и Герцеговины помышлялъ императоръ Іосифъ II, когда вступилъ въ союзъ съ Россіею противъ Турціи, передъ второю нашею турецкою войною при императрицѣ Екатеринѣ II. Съ тѣхъ поръ австрійскій кабинетъ никогда не разставался съ мыслью объ этомъ. Въ настоящее же время стремиться къ тому заставляетъ Австрію естественное чувство самосохраненія, ибо съ усиленіемъ княжества Сербскаго насчетъ Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи, вѣнское правительство всегда и справедливо можетъ опасаться безпорядковъ и возстаній между своими сербами, а въ случаѣ войны съ какою нибудь великою державою, особенно съ покровительствующею Сербіи, даже отложенія Срема, Бачки, Военной Границы и Далмаціи. Все это, при нынѣшнихъ натянутыхъ отношеніяхъ Вѣны къ Венгріи и при современномъ положеніи Италіи, желающей нетолько Рима, но и Венеціи, и самой Германіи, въ которой, какъ бы ни было, все-таки Пруссія и стремленія National Verein'а имѣютъ наибольшую будущность, все это, говоримъ, было бы равнозначительно съ распаденіемъ единой, цѣльной Австріи. Вотъ почему такъ испугалась она іюньскихъ происшествій въ Бѣлградѣ. Она даже задумала-было, съ согласія Англіи, занять Бѣлградъ своими войсками, чтобы потушить въ Сербіи, по ея словамъ, революціонное движеніе. По счастью, эта штука ей не удалась, какъ ни ловко была разсчитана. При первомъ будущемъ движеніи противъ турокъ, Сербія должна встрѣтить въ Австріи самое рѣшительное сопротивленіе. Такимъ образомъ сербское правительство поступило очень благоразумно, принявши условія конференцій, ибо не разсчитывая на помощь большой европейской державы, даже и хорошо вооруженная, Сербія не можетъ съ успѣхомъ вести войны противъ Турціи. Такую помощь Сербіи можно оказать прямо или посредственно, движеніемъ на Австрію, въ войнѣ съ которой Италія или другая держава найдутъ въ Сербіи очень полезнаго союзника.

Упрекая князя Михаила за принятіе цареградскихъ условій въ недостаткѣ энергіи, славянскіе журналы обнаружили въ этомъ случаѣ

свое непониманіе истинныхъ отношеній Австріи къ Сербіи, и даже матеріальныхъ и внутреннихъ силъ этой послѣдней. Про княжество сербское существуетъ мнѣніе, что это—страна очень богатая, удивительно либеральная, и даже очень развитая, въ подтвержденіе чего обыкновенно ссылаются на отсутствіе въ ней сословій, полное равенство гражданъ, равномѣрное распредѣленіе поземельной собственности, указываютъ, наконецъ, на относительное множество въ ней школъ и на развитую въ ней грамотность. Это мнѣніе, крайне преувеличенное, основано на отрывочно-схваченныхъ данныхъ, односторонне понятыхъ. Это мнѣніе повторяется на разные лады нетолько въ брошюрахъ, писанныхъ самими сербами на иностранныхъ языкахъ, но и нѣкоторыми французскими публицистами, вообще рѣдко знающими мѣру какъ въ порицаніяхъ, такъ и похвалахъ. Быть можетъ, тутъ руководитъ ими и желаніе щегольнуть и порисоваться своею симпатіею къ разнымъ *народностямъ* и поощрить сербскихъ *политиковъ и-французомановъ* почаще и подобострастнѣе относиться съ просьбами и совѣтами въ Парижъ. Сочувствіе русскихъ къ Сербіи основано на единокровіи и единовѣріи — началахъ, которыхъ не поколеблетъ никакая политика, и русскій можетъ говорить о сербахъ безъ всякой утайки, ибо они не могутъ предполагать въ насъ нежеланія имъ добра или тѣмъ болѣе зависти. И такъ, совершенно справедливо, что, по климату своему, Сербія принадлежитъ къ одной изъ благословенныхъ земель; но не надо забывать, что населена она слабо—приходится около 1,250 душъ на милю—и народомъ болѣе храбрымъ, воинственнымъ, нежели трудолюбивымъ и промышленнымъ, сосѣдитъ съ такими землями, какъ Банатъ, Срѣмъ, Славонія, Боснія и Болгарія, которыя еще богаче Сербіи тѣми же, что и она, естественными произведеніями, лишена хорошихъ путей сообщеній: есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорошія шоссейныя дороги, но нѣтъ ни мостовъ порядочныхъ, ни каналовъ. Такимъ образомъ въ экономическомъ отношеніи Сербія есть страна очень бѣдная, что доказывается и цифрами ея ежегодныхъ расходовъ и приходовъ. Въ теченіе 1834—45 г. доходы Сербіи состояли изъ 910,000 талеровъ, а расходы изъ 836,358 т., въ 1846-57-мъ г. дох.—1,150,590 т., расх.—1,150,348 т. По бюджету на 1862-й г., доходы простирались до 18,822,685 грошей (нашихъ серебрянныхъ гривенниковъ), а расходъ — 22,016,773 гр. Вслѣдствіе іюньскихъ происшествій онъ значительно возросъ, почему и была потомъ увеличена подать, которая въ Сербіи, какъ вообще всякая личная, распредѣлена очень неравномѣрно. Въ политическомъ отношеніи отсутствіе сословій имѣетъ безспорно ту прекрасную сто-

рону, что въ сербскомъ народѣ крѣпко живетъ духъ равенства и независимости. Это равенство утверждается на томъ, что огромнѣйшее большинство сербовъ владѣетъ поземельною собственностью, и притомъ очень равномѣрно, но отъ этого же, при отсутствіи въ Сербіи общиннаго землевладѣнія съ одной, и большихъ собственниковъ съ другой стороны, земледѣліе и вообще хозяйство находятся на очень низкой степени развитія. Главные богачи и капиталисты Сербіи: князь Обреновичъ, Миша Анастасевичъ и Симичъ имѣютъ большія помѣстья, но только въ Молдавіи. Отъ этого же обстоятельства проистекаетъ другое явленіе, очень вредное для настоящаго развитія Сербіи, именно недостатокъ людей образованныхъ и независимыхъ отъ правительства. Въ Сербіи всякій мало-мальски образованный человѣкъ уже непремѣнно чиновникъ. Вмѣсто различныхъ классовъ или сословій земледѣльческихъ, есть въ Сербіи цѣлое служилое сословіе, которое и по своимъ понятіямъ и по своимъ правамъ таки-довольно отдѣляется отъ земства. Такъ называемое общество состоитъ изъ однихъ чиновниковъ, посему не можетъ служить вѣрнымъ представителемъ народныхъ и земскихъ потребностей. Правительство не имѣетъ надъ собою свободнаго общественнаго контроля; оппозиція ему обыкновенно выражается въ осужденіяхъ чиновниковъ же, которые въ свою борьбу, обыкновенно противъ своихъ начальниковъ, вносятъ свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чистоземскіе интересы. Къ сожалѣнію, и народная скупштина подпадала въ послѣднее время подъ терроризмъ или сильное руководство чиновниковъ же, какъ *консерваторовъ*, довольныхъ , такъ и *прогресистовъ*, недовольныхъ statu-quo , то-есть занимающихъ мѣста попечителей или министровъ, или только еще желающихъ ихъ занять. Что еще хуже, между чиновниками-тузами, совѣтниками (сенаторами) или министрами всегда почти есть личные враги князю, которые при Обреновичѣ интригуютъ въ пользу Карагеоргіевича , при Карагеоргіевичѣ въ пользу Обреновича, или мечтаютъ съ помощью какого нибудь консула самимъ быть княземъ, или сдѣлать имъ своего сына. Простые умные сербы очень вѣрно выражаютъ эту общественную болѣзнь Сербіи, говоря: «у насъ та бѣда, что каждый сербъ хочетъ быть министромъ, а каждый министръ княземъ». Государственный сербскій организмъ, всѣ почти учрежденія законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія сложились въ Сербіи несоотвѣтственно народному быту, скорѣе наложены и навязаны ему извнѣ. Народъ, освободившись отъ турокъ, желалъ покоя и мирнаго развитія, съ полнымъ довѣріемъ повиновался Милошу, который съ своимъ не-

обыкновеннымъ умомъ и удивительнымъ знаніемъ народа дѣйствительно много сдѣлалъ добра для Сербіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и главнымъ виновникомъ послѣдующихъ несчастныхъ безпорядковъ, ибо своею жизнью, своимъ корыстолюбіемъ и жестокостью самъ подавалъ поводы къ заговорамъ противъ себя и къ чуждому, постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Сербіи. Молодые патріоты сербскіе судятъ очень узко и односторонне, когда обвиняютъ за всю свою государственную безтолочь однихъ только швабовъ и вмѣшательство Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сербы австрійскіе, то-есть швабы, нахлынувшіе въ Сербію по ея освобожденіи, внесли въ нее много дурныхъ элементовъ, такъ сказать собственный австрійскій запахъ; нельзя точно такъ же защищать и дурнаго вмѣшательства Бушманна, Ващенкова и т. д., но справедливость требуетъ сказать, что и между такъ называемыми швабами были люди съ чистыми намѣреніями, напримѣръ, Давидовичъ, и Россія принуждена была вмѣшаться во внутреннія дѣла Сербіи самими же сербами, противниками Милоша, въ жалобахъ которыхъ было много справедливаго. Патріоты сербскіе опускаютъ изъ виду третье обстоятельство, очень важное: грубое невѣжество, въ которомъ находилась Сербія, по освобожденіи отъ турокъ, и испорченность нравовъ самихъ сербовъ, ибо Милошъ, Вучичъ, всѣ ихъ сподвижники, всѣ послѣдующіе заговорщики до Бати включительно, были характеры народные, типически сербскіе, а ихъ жизнь и разные подвиги во многомъ напоминаютъ нравы турецкіе или хивинскіе. Вмѣстѣ со многими добродѣтелями, сербы, особенно въ 30-хъ годахъ, имѣли и пороки, естественно развившіеся въ народѣ, бывшемъ слишкомъ 400 лѣтъ подъ ярмомъ турецкимъ. Да и самый гайдуцкій бытъ, какъ и казаческій, отличался разными дикими, совершенно нехристіанскими особенностями. Доблестный, юнацкій духъ нынѣшнихъ сербовъ былъ бы еще достойнѣе уваженія, еслибы онъ не затемнялся страстью къ грабежу (*плячканью*), которую проявили сербы съ своимъ Кничаниномъ въ послѣднюю войну съ мадьярами въ 1849-мъ г. Какъ бы то ни было, но всѣ толки о Сербіи, какъ о странѣ либеральной въ смыслѣ западно-европейскомъ, конституціонной и т. д., крайне смѣшны и обличаютъ непониманіе ея исторіи и современнаго положенія. Что касается грамотности въ Сербіи, то дѣйствительно она хорошо развивается и отношеніе народныхъ школъ и учащихся къ народонаселенію очень благопріятное.

Объ этомъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	Въ $185^6/_7$	$185^7/_8$	$185^8/_9$	$18^{59}/_{60}$	$186^0/_1$ гг.
Основн. школъ муж. и женск.	345	350	351	342	359
Учащихся. . . .	11,229	10,679	11,622	11,138	12,079
Учителей. . . .	342	346	348	338	246
Содержаніе ихъ .	39,050 т.	40,930 т.	42,740 т.	42,620 т.	43,420 т.

Въ основныхъ школахъ преподаются законъ божій, сербскій языкъ, ариѳметика, краткое землеописаніе Сербіи и Европейской Турціи, краткая сербская исторія. Число женскихъ школъ несравненно меньше; такъ ихъ было: въ $185^6/_7$ г.—24, а въ нихъ ученицъ—903, въ $185^7/_8$—30, учен.—894, въ $185^8/_9$—34, учен. 1060, въ $18^{59}/_{60}$—36, учен. 1411, въ $186^0/_1$—41, учен. 1596.

Кромѣ этихъ основныхъ школъ, еще находятся въ Сербіи слѣдующія среднія и высшія заведенія: два коммерческихъ училища, одно въ Пожаревцѣ, другое въ Бѣлградѣ; пять полугимназій, одна гимназія, военная школа, семинарія, лицей. Въ $186^0/_1$ г. въ этихъ 11 заведеніяхъ было учащихся 1,360, преподавателей—76, содержаніе ихъ—53,425 тал.; сверхъ того, въ иностранныхъ государствахъ было 37 питомцевъ, на коихъ издержано 13,494 тал. Въ послѣднія пять лѣтъ прибавилось 23 новыхъ заведенія съ 2,158 учащимися. По отношенію къ народонаселенію, среднимъ числомъ приходится по одной школѣ на 2,935 д. и по одному ученику на 81 жителя. Всѣ эти заведенія содержатся на счетъ такъ называемаго главнаго школьнаго фонда, основный капиталъ котораго долженъ быть неприкосновеннымъ. Онъ составленъ изъ частныхъ пожертвованій и особой подати по 2 цванцигера (40 коп.), отъ которой не изъяты и лица, свободныя отъ податей, то-есть чиновники, духовенство. Фондъ этотъ постоянно возрасталъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1856 г. капиталъ его состоялъ изъ	157,130 тал.	22 гр.	22 паръ
» 1857 »	191,145 »	12 »	— »
» 1858 »	229,678 »	10 »	— »
» 1859 »	278,288 »	— »	25 »
» 1860 »	327,732 »	— »	25 »
» 1861 » . , ...	380,626 »	22 »	36 »

Особенный комитетъ изъ 14 членовъ (безъ жалованья) при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ названіемъ «Школьска коммиссія», наблюдаетъ за изданіемъ учебниковъ, которыхъ въ первыя 8 лѣтъ существованія комитета до 1857-го г. издано было 80 книгъ.

Лицей имѣетъ 2 факультета—юридическій и естественный; курсъ въ немъ продолжается 3 года. Лучшіе воспитанники лицея и военной школы, по окончаніи курса, отправляются на нѣсколько лѣтъ, на счетъ правительства, во Францію и Германію для усовершенствованія въ наукахъ. Лучшіе изъ семинаристовъ ѣдутъ въ Россію, обыкновенно въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, упомянутая коммиссія составила проектъ объ основаніи университета въ Бѣлградѣ. Этотъ проектъ такъ и остался на бумагѣ, въ чемъ, какъ намъ кажется, бѣды большой нѣтъ, ибо улучшеніе существующаго порядка, составленіе порядочныхъ руководствъ, вообще умноженіе учебныхъ пособій, введеніе нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ въ кругъ преподаванія и особенно образованіе хорошихъ женскихъ гимназій были бы въ Сербіи гораздо желательнѣе и своевременнѣе, чѣмъ основаніе университета. Все это, конечно, не такъ громко, но было бы, кажется, существенно полезнѣе для страны, въ которой такъ называемая интеллигенція вообще нѣсколько грѣшитъ своею привязанностью ко всякаго рода громкимъ названіямъ. Быть можетъ, простому взгляду покажется и самое министерство просвѣщенія въ Сербіи совершенно излишнимъ, и ректору лицея съ совѣтомъ могъ бы быть легко предоставленъ надзоръ за школами и гимназіями. Но тутъ уже трудно остановиться: такъ, пожалуй, окажутся излишними въ Сербіи и военный министръ при особомъ начальникѣ войска, и особый товарищъ министра юстиціи, и многія другія мѣста, которыя одному иностранцу, бывшему въ Сербіи, внушили однажды остроумный вопросъ: «отчего нѣтъ въ Сербіи морскаго министерства?» Думать теперь объ университетѣ въ Сербіи, едва-ли умѣстно, ибо при современной спеціализаціи наукъ не можетъ быть порядочный университетъ, притомъ совершенно новый, въ странѣ съ мильономъ народонаселенія, а тѣмъ болѣе въ Сербіи, гдѣ и нынѣшній, далеко неблестящій, лицей не имѣетъ профессоровъ на всѣ нужныя каѳедры. Бо̀льшая часть преподавателей или остаются на ученой службѣ недолго, переходя на гражданскую, или соединяютъ обѣ вмѣстѣ, что̀, при скудости ученыхъ пособій въ Бѣлградѣ, и при отсутствіи образованной читающей публики, очень много мѣшаетъ успѣшному развитію образованности и литературы. Класса чисто-ученаго или литературнаго въ Сербіи вовсе нѣтъ, да и быть не можетъ, ибо при всей многочисленности школъ и учащихся, любовь къ чтенію развита въ Сербіи очень слабо. Въ годъ выходитъ отъ 20 до 30 книгъ въ 150-200 печатныхъ листовъ. Единственное повременное изданіе *Гласникъ*, выходящее въ годъ одною или двумя книгами, печатается на счетъ пра-

вительства и, несмотря на крайне дешевую цѣну, раскупается очень и очень слабо. Въ прошломъ году выходили въ Бѣлградѣ 4 газеты, изъ коихъ двѣ: *Србске Званичне Новине* и *Видов Дан* издаются на счетъ правительства, а прочія двѣ, жидкія и плохенькія до нельзя, едва насчитывали каждая до 500 подписчиковъ. Одна изъ нихъ *Трговачке Новине*, заглавіе которыхъ нисколько не соотвѣтствовало содержанію, въ концѣ года прекратила свое существованіе за недостаткомъ средствъ. Вообще свобода печати и гласность (ибо въ Сербіи цензура очень строга, да и вообще полицейскій произволъ господствуетъ), которыхъ требуютъ нѣсколько молодыхъ сербовъ-либераловъ, воспитанныхъ въ Россіи или за границею, останутся неосуществимою мечтою, пока не образуется сербскаго общества и любви къ чтенію въ народѣ. Мы старались привести къ настоящему виду нѣкоторыя данныя о княжествѣ сербскомъ, которыя, схваченныя отрывочно, порождали богъ-знаетъ какія преувеличенныя о немъ сужденія. Вѣрное представленіе внѣшнихъ и внутреннихъ силъ Сербіи и отношеній къ ней Австріи не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она одна, предоставленная самой себѣ, не можетъ съ успѣхомъ возстать противъ Турціи и непремѣнно должна разсчитывать и опираться на помощь какой нибудь великой державы, которая бы рѣшилась дѣйствовать противъ Австріи. При такихъ же условіяхъ Сербія съ своимъ храбрымъ и даровитымъ народонаселеніемъ является очень важнымъ дѣятелемъ въ предстоящемъ рѣшеніи восточнаго вопроса, ибо при всѣхъ слабостяхъ и недостаткахъ ея правительства, оно все-таки народное, служитъ родному славянскому дѣлу, и въ этомъ отношеніи всѣ славяне австрійские безъ исключенія, а тѣмъ болѣе сербы же въ Австріи, справедливо могутъ завидовать Сербіи. Даже и относительно просвѣщенія, сербы въ княжествѣ имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ своими земляками и вообще соплеменниками въ Австріи. Чувство свободы и независимости, одушевляющее каждаго простаго серба, присущая ему мысль, что онъ живетъ въ своемъ родномъ государствѣ, управляется своимъ сербскимъ княземъ, рѣзко отличаютъ сербскаго крестьянина отъ всякаго славянскаго крестьянина въ Австріи, не исключая и чеха. Мы нарочно взяли послѣдняго, ибо чешскіе патріоты (властенцы) любятъ гордиться образованностью своихъ крестьянъ. Правда, что чешскій мужикъ гораздо трудолюбивѣе, промышленнѣе, образованнѣе крестьянина серба, но развитость народа, какъ и отдѣльнаго лица, измѣряется не суммою обладаемыхъ имъ свѣдѣній, а свободою взгляда, самостоятельностью ума и независимостью характера, а въ этихъ отношеніяхъ мужикъ

сербъ въ княжествѣ развитіе всякаго мужика славянскаго въ Австріи, между прочимъ и чеха, который все-таки убитъ духомъ, какъ всякой покоренный народъ, ибо смутно чувствуетъ, что есть у него родина, а *своего отечества* нѣтъ. То же отличіе проявляется еще въ большихъ размѣрахъ на сербскомъ и австрійскомъ славянинѣ-солдатѣ и чиновникѣ. Если представимъ себѣ, что въ Чехіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ въ Австріи, надписи на вывѣскахъ, рецеписсы въ почтамтѣ, серьёзно волнуютъ умы и составляютъ предметы національныхъ агитацій, то легко поймемъ, что и самая такъ называемая интеллигенція въ Сербіи имѣетъ преимущества передъ всѣми австрійско-славянскими интеллигенціями. Образованный сербъ, съ дѣтства учившійся на родномъ языкѣ, какъ гражданинъ, можетъ шире и свободнѣе глядѣть на вещи любаго образованнаго чеха, которому приходится либеральничать, доказывая, что въ чешской гимназіи надобно преподавать почешски. Образованные сербы княжества превосходятъ образованныхъ славянъ австрійскихъ еще въ двухъ отношеніяхъ. Они ясно могутъ видѣть всю нелѣпость мысли объ Австріи, какъ о державѣ славянской, сознавать ту простую истину, которая очевидна для всякаго иностранца, также и для австрійскаго нѣмца, и только неосязательна для большинства патріотовъ славянскихъ въ Австріи—ту, говоримъ, истину, что Австрія по своему историческому призванію есть государство нѣмецкое, что славяне въ Австріи представляли и представляютъ собою ингредіентъ и служебный элементъ нѣмецкой національности, и что такимъ образомъ имперія Габсбурговъ никогда не можетъ служить на потребы славянскаго міра, и какъ таковая, обязана даже всячески противодѣйствовать его развитію, быть противъ него оплотомъ для Германіи и Западной Европы вообще. Горечь этой истины для самолюбія славянскихъ патріотовъ Австріи, конечно, есть главная причина того, что они не сознаются въ ней, но тѣмъ не менѣе непризнаніе этой истины вноситъ въ сознаніе австрійско-славянской интеллигенціи страшную путаницу понятій о всѣхъ важнѣйшихъ славянскихъ вопросахъ и о восточномъ въ особенности, мѣшаетъ этимъ патріотамъ взглянуть безпристрастно на великую силу и всемірно-историческое значеніе германской образованности и литературы, которая съ сѣвера проникла въ Австрію и даже наименѣе способнымъ и развитымъ изо всѣхъ нѣмцевъ австрійцамъ дала такую власть надъ 15 мильйонами славянъ. Не оцѣнивъ по достоинству величія и силы нѣмецкой идеи, славяне никогда не будутъ въ состояніи освободиться отъ противнаго имъ вліянія нѣмецкаго. Противъ силъ духовныхъ надо и бороться духовно. Чтобы

освободиться отъ идеи, покорившей насъ, надо ее сознать и подчинить себѣ, развернувши свою оригинальную идею уже другаго, высшаго порядка. Мы не говоримъ, что нѣмецкая образованность въ княжествѣ сербскомъ лучше знакома, чѣмъ въ славянскихъ земляхъ Австріи: мы указываемъ на то только, что тамъ благопріятнѣе условія и больше расположенія для вѣрной оцѣнки нѣмецкой образованности, чѣмъ у славянъ въ Австріи. Это, конечно, происходитъ отъ того, что въ Сербіи чище, чѣмъ гдѣ либо въ Австріи, сохраняется и развивается народность славянская. Такъ и въ Австріи славяне венгерскіе, наименѣе онѣмеченные, глядятъ на нѣмцевъ безпристрастнѣе, чѣмъ наиболѣе онѣмеченные чехи и словинцы. Но образованные сербы превосходятъ австрійско-славянскую интеллигенцію не ученостью, а широтою и ясностью взгляда на Германію, на самое положеніе славянъ въ Австріи, какъ на народы покоренные, если не матеріально, то нравственно, и какъ на подчиненные нѣмцамъ. Вообще славянскій міръ, его идея не извѣстнѣе ученымъ образомъ, а понятнѣе сербамъ, чѣмъ славянамъ-австрійцамъ, ибо славянъ турецкихъ и Россію они положительно лучше понимаютъ, чѣмъ послѣдніе. Въ самомъ дѣлѣ, до путешествія моего по славянскимъ землямъ я никогда не воображалъ, что славяне западные, именно ихъ интеллигенція, такъ мало знаютъ Россію, еще менѣе того понимаютъ особенности нашей народной жизни, нашу литературу, характеръ нашего внутренняго развитія. Правда, они любятъ русскихъ, съ радушіемъ насъ принимаютъ, разспрашиваютъ насъ о Россіи. Но въ этихъ разговорахъ съ австрійско-славянскою интеллигенціею русскому постоянно приходится слышать такіе забавные и странные вопросы, что часто становишься совершенно въ тупикъ: «На какомъ языкѣ, французскомъ или нѣмецкомъ, ведутся у васъ въ Россіи большая часть административныхъ и судебныхъ дѣлъ? Есть у васъ еще журналы, кромѣ «Дня»? Развѣ все порусски преподается у васъ въ университетахъ?» Подобные вопросы можетъ слышать русскій въ Австріи отъ образованныхъ славянъ. Конечно, литераторы, ученые, въ этихъ случаяхъ болѣе осторожные, обнаруживаютъ свое полное незнаніе Россіи другимъ путемъ, иными вопросами, хотя одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей славянскихъ (политикъ и публицистъ), въ разговорѣ со мною, когда я упомянулъ ему какъ-то Вологодскую губернію, пренаивно спросилъ меня: какая? гдѣ это? Я ему сталъ объяснять, и оказалось, что названія и положеніе большей части русскихъ губерній ему совершенно неизвѣстны. Вообще русская исторія, статистика, русское право, русская церковь, русскій народный бытъ и русская литература западнымъ славянамъ

знакомы такъ мало, что нетолько уже съ нѣмцемъ, но даже англичаниномъ и французомъ говорить о Россіи гораздо легче, нежели со славянами, которымъ всегда все приходится объяснять ab ovo. Вообще въ Германіи, между образованными людьми, русская поэзія и литература и извѣстна и оцѣнена гораздо болѣе, чѣмъ у славянъ австрійскихъ, которые, надо замѣтить, знакомы съ литературою нѣмецкою, не говоримъ уже о французской и англійской, менѣе, чѣмъ мы русскіе, несмотря на то, что въ Австріи многіе патріоты славяне говорятъ и пишутъ пославянски часто хуже, чѣмъ понѣмецки, и любой половой славянинъ, никогда неслыхавшій о Гёте или Шиллерѣ, говоритъ понѣмецки свободнѣе и правильнѣе любаго русскаго ученаго, живавшаго въ Германіи, или даже многихъ русскихъ нѣмцевъ. Мы не говоримъ здѣсь объ ученыхъ славянахъ-спеціалистахъ, которые, конечно, прекрасно знаютъ нѣмецкую литературу своего предмета. Мы разумѣемъ здѣсь художественныя, философскія, политическія произведенія нѣмецкой литературы и степень знакомства съ ними большинства образованныхъ славянъ австрійскихъ, которые то ли изъ нелюбви къ нѣмцамъ, то ли по недостатку времени и средствъ, какъ люди бѣдные и мало имѣющіе досуга, очень слабо слѣдятъ за нѣмецкою литературою и читаютъ постоянно только нѣмецкія политическія газеты, и то преимущественно австрійскія, большинство которыхъ состоитъ на откупу у австрійскаго правительства и издается евреями. Такимъ образомъ большинству австрійско-славянской интеллигенціи, первымъ славянскимъ ученымъ и литераторамъ въ Австріи сочиненія Блазіуса, Гактсгаузена, Боденштедта знакомы только по имени. Венгерскіе славяне и въ этомъ отношеніи составляютъ нѣкоторое исключеніе. Между словаками-протестантами можно найти людей, знакомыхъ нѣсколько съ Россіею нетолько по нѣмецкимъ, но даже и по русскимъ пособіямъ. Чешскіе писатели и ученые очень мало читаютъ нѣмцевъ о Россіи, въ смѣшной увѣренности, что они лучше нѣмцевъ понимаютъ и знаютъ Россію; еще менѣе читаютъ русскихъ книгъ, предполагая, что наша литература бѣдна и ничтожна въ сравненіи съ чешскою и потому особеннаго вниманія съ ихъ стороны не заслуживаетъ. Такъ масса русскихъ книгъ, въ разныя времена присланныхъ русскими въ чешскій музей, валяется на полкахъ съ неразрѣзанными листами. Въ Сербіи можно найти нѣсколько человѣкъ, которые живали въ Россіи, нетолько прекрасно говорятъ порусски, но и довольно знакомы съ нашею литературою. Въ Бѣлградѣ выписывается нѣсколько русскихъ журналовъ, какъ-то «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Сѣверная Пчела» и «Совре-

менное Слово», «Морской Сборникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «День», посылаемыя редакціями даромъ, получаются крайне неисправно. При всемъ томъ, что у сербовъ въ княжествѣ ученое образованіе не въ примѣръ слабѣе развито, чѣмъ у австрійскихъ славянъ, они знаютъ и понимаютъ Россію и разныя наши домашнія дѣла гораздо лучше послѣднихъ. Разумѣется, это знаніе и пониманіе, собственно говоря, только относительное. Сербская интеллигенція обладаніемъ указанныхъ преимуществъ передъ своими земляками и единоплеменниками въ Австріи обязана не своимъ личнымъ заслугамъ, а своему доблестному народу, котораго православная вѣра, историческое развитіе, этнографическія и географическія условія поставили въ такія отношенія къ Россіи, къ славянамъ турецкимъ и австрійскимъ. Сербская интеллигенція, вообще мало народная, слишкомъ еще слабо умѣетъ пользоваться этими благопріятными отношеніями. Тѣмъ не менѣе есть полное основаніе надѣяться, что ближайшія событія раскроютъ эти преимущества осязательно и докажутъ славянамъ австрійскимъ, что въ интересахъ всего славянскаго міра, а слѣдовательно и въ ихъ собственныхъ, лежитъ не усиленіе Австріи на счетъ славянскихъ областей Турціи, а напротивъ увеличеніе и возвышеніе Сербіи и Черногоріи и на счетъ не однѣхъ этихъ, но и самихъ австрійскихъ юго-славянскихъ провинцій. Вѣрное чувство сербскаго народа въ Австріи угадало свою задачу и призваніе гораздо лучше образованныхъ сербовъ, ибо въ послѣднихъ уже сильно проникло такъ называемое австрійское Gemeingefühl, какая-то гордость гезамmтфатерланда; эти *шварцгельбы* различныхъ видовъ нерѣдко поглядываютъ свысока на сербовъ княжества и тщеславятся передъ ними своимъ фальшивымъ образованіемъ и своею австрійскою конституціею. Грустно видѣть такихъ шварцгельбовъ особенно въ рядахъ высшаго православнаго духовенства, между сербскими епископами, которые уже слишкомъ любятъ у себя дома разъигрывать роль католическихъ прелатовъ. Не таково, слава-богу, направленіе бѣлаго духовенства у сербовъ австрійскихъ и лучшей, дѣятельнѣйшей части сербской интеллигенціи въ Австріи. Они дѣйствуютъ согласно съ истинными влеченіями своего народа. Вообще въ 1862-мъ году, когда австрійское правительство такъ явно дѣйствовало противъ христіанъ и всячески помогало туркамъ, сочувствіе сербовъ австрійскихъ къ своимъ братьямъ черногорцамъ и шумадинцамъ (Сербія-Шумадія) высказывалось очень живо. Вообще лѣтомъ въ Сремѣ, Бачкѣ, части Баната, Славоніи, Хорваціи, Далмаціи и Военной Границѣ господствовало въ умахъ такое движеніе и безпокойство, кото-

рое внушало Австріи серьёзныя опасенія. При вѣсти о зачинающемся возстаніи въ Сербіи, вскипѣла юнацкая кровь сербовъ-граничаръ; солдаты и офицеры стали перебѣгать въ Сербію, и трудно сказать, легко ли бы удалось Австріи потушить пожаръ, который могъ обхватить ея южныя славянскія провинціи, еслибы въ Сербіи началось возстаніе. Сочувствіе къ княжеству высказалось нетолько въ православномъ сербскомъ населеніи, но и между католиками хорватами, изъ коихъ также нѣкоторые бѣжали въ Сербію.

Недалеко то время, когда на юго-востокѣ Европы начнетъ разыгрываться великая историческая драма или, лучше, эпилогъ той драмы, первый актъ которой былъ заключенъ на Косовскомъ полѣ паденіемъ сербскаго царства. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о тѣхъ чувствахъ, которыя одушевляютъ южныхъ славянъ австрійскихъ, объ ихъ восторгѣ и энтузіазмѣ при мысли о борьбѣ съ турками и о новой открывающейся имъ будущности, я позволю себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ современныхъ поэтовъ сербскихъ, живущихъ въ Австріи и очень популярныхъ даже между католиками хорватами и далматинцами.

Слѣдующее стихотвореніе Якшича, одного изъ лучшихъ теперешнихъ поэтовъ новой сербской школы, изъ Н. Сада, вышло въ то время, когда въ Воеводинѣ и старый и малый съ жадностью ловили каждую вѣсть изъ Бѣлграда, съ нетерпѣніемъ ожидая войны съ турками. Я лично имѣлъ случай убѣдиться, что это стихотвореніе необыкновенно нравилось сербамъ, выражая общее ихъ одушевленіе.

Предлагаемъ его въ буквальномъ переводѣ.

«Падайте, братья! плавайте въ крови! Оставьте села, пусть горитъ пламя! Кидайте сами дѣтей въ огонь! Стрясите съ себя рабство и позоръ! Гибните, братья, юнаки, люди! Пусть знаетъ міръ о погибели вашей... Небо будетъ плакать долго и горько, ибо не станетъ серба... Мы не братья, мы не сербы. Или вы не родня Неманьина? Кабы мы были сербы, кабы мы были люди, кабы братья—охъ, боже мой!... То развѣ бы (тогда) съ голубой Авалы (гора на юго-востокъ отъ Бѣлграда), глядѣли бъ мы такъ хладнокровно въ это горячее время? То развѣ бы тогда—о, дорогіе братья! мы такъ пренебрегли вами?... Презрите стыдъ и клятву (своего) родства! Ругайтесь надъ тѣмъ, что даровало небо! Развѣ не грѣшно, развѣ не ужасно мы глядимъ на кровь вашихъ дѣтей! А гдѣ помощь или братская слеза? Или: «борьба, родные, за своего брата?» Въ великой бѣдѣ, въ крови и смерти нынѣ оставляетъ васъ Богъ одинокими!... Но опять я, грѣшный, грѣшно пѣлъ—о, раненое сердце моего народа! Сербъ то кипитъ — кипитъ и ждетъ, но не даетъ дьяволъ... или не даетъ Богъ!»

Теперь приведемъ отрывокъ изъ большаго стихотворенія *Нада* (надежда), одного западнаго серба, далматинца *Казали*. Собрались вилы далматинскія и оплакиваютъ печальную судьбу своей родины, ибо вотъ уже пятьсотъ лѣтъ, какъ погибло ихъ царство, чудное царство

на синемъ морѣ, и ни откуда невидать спасенія. И вотъ вилы морскія, отъ Котора и Дубровника, и горныя, отъ Велебита, Мосора и Промины, рѣшаются спросить вилъ небесныхъ, не знаетъ ли которая изъ нихъ будущее и нашу судьбу, и угодно ли Богу спасти насъ. Услыхала небесная вила, прилетѣла къ своимъ сестрамъ и такъ говорила имъ тихо:

«Ой, любезныя вилы, посестримы, что вы меня такъ напугали, какъ будто потеряли голову въ жестокомъ, продолжительномъ рабствѣ? Устремите очи на небеса, разглядите указанія и знаменія; посмотрите, что показываетъ вамъ небо: да, настало послѣднее время горькому чужеземному насилію. Всякій пушокъ пристаетъ къ своему перу, всякое перо къ своему крылу, всякое крыло ростетъ у своей птицы, всякая птица летитъ къ своей стаѣ, всякая стая въ свою родину, которую ей опредѣлилъ творецъ. Такая участь суждена цѣлому свѣту, такая же суждена и вамъ. А кто бы когда сталъ противиться тому, что царь повелѣваетъ постоянно и на вѣки. А вы сами, милыя мои дочери, могли бы догадаться, поглядите вашимъ зоркимъ окомъ, что творится кругомъ васъ. Гдѣ нынѣче забитые народы, что безмолвно падаютъ подъ ударами, какъ безсловесный скотъ незнающіе, что и какъ? Всюду стонъ, всюду вздохи доходятъ нынѣ къ небу черезъ облаки, къ престолу истиннаго Бога, вмѣстѣ съ ними плачутъ святители, Бога молятъ и умолятъ его, дабы онъ скинулъ ярмо со раменъ и (вырвалъ бы) тяжкій бичъ изъ руки притѣснителя (душманина). Горе народу, который не жалуется на зло! Какъ совершенно мертваго, его и неслыхать. Всякій отталкиваетъ отъ себя трупъ, у всякаго токъ крови и жизни, что кипитъ въ сердцѣ и тѣлѣ, бьетъ все живѣе, все сильнѣе. Нынѣ душа чувствуетъ боль, нынѣ разсматриваетъ, чтобы лучше было и разсуждаетъ (о томъ), что и какъ будетъ. Слышите ли, милыя посестримы, какія требованія возникаютъ у народовъ, какія желанья и какое упованье? Нынѣ подъ ногами (ихъ) трясется вся земля, рѣчи подымаются на облакахъ, всякій вѣтерокъ изъ каждаго края переноситъ намъ нѣкоторыя таинственныя слова, которыя будятъ намъ сердца и мысли, и предшествуютъ назначенной порѣ, а за нею будемъ ждать спасенья. Въ пещерѣ, гдѣ почиваетъ нашъ Марко, въ глубинѣ ея засверкалъ его мечъ, камни (углубленія въ камняхъ) наполнились кровью, всѣ скоро пальются черезъ край. А *шармъ* (пѣгій) бѣшеный конь только что проснулся отъ глубокаго сна, скоро услышите его ржанье. Бодрствуйте строго, милыя посестримы, бодрствуйте строго, когда настанетъ это время, да не погубимъ и самаго краткаго времени; а если мы будемъ дремать, то померкнетъ наша честь и слава, померкнетъ навѣки! Пусть витязи опоясываются саблями, пусть приготовятъ добрыхъ коней своихъ, пусть спятъ при готовыхъ коняхъ, чтобы скорѣе быть на сѣдлѣ, чтобы скорѣе учинить нападеніе, а тамъ что Богъ дастъ и наша десница! Но сестры, скажу вамъ прямо, не будемъ только полагаться на мышцы и руки юнецкія; противъ злобы (хитрости) надо воевать мудро, а нашъ противникъ злоба. Да повелѣваетъ умъ нашею рукою, да умно машетъ рука наша, но когда начнетъ, пусть не перестаетъ, покуда не падетъ или не побѣдитъ! Если падетъ, то падетъ во время и отворитъ тысячи другихъ. Если побѣдитъ, пусть помилуетъ, помилуетъ, но да не дастся въ обманъ; пусть пощада будетъ умная, а не небрежностью пустаго лѣнтяя, чтобъ на другой день похвастаться своимъ добрымъ дѣломъ. Такъ, вилы, наставьте народъ по горамъ и по синему морю; пробудите въ сердцахъ упованье живое, крѣпкое, которымъ питается надежда, то упованье, которое ищетъ желаемаго и не исчезаетъ, пока его не достигаетъ. Кто ждетъ, дорогія мои сестры, кто ждетъ, тотъ и дождется. Сказавши это, небесная вила взглянула вверхъ на облака, какъ будто глядѣла въ грядущее. Въ лицо ея ударило пламя, изъ очей живой огонь засіялъ, на ушахъ скользитъ легкій смѣхъ, все ея тѣло трепещетъ отъ радости. По-

томъ она взлетѣла на небо въ облака. Когда небесная вила поднялась на небо подъ облака, то махнула рукою земнымъ посестримамъ, махнула рукой и сверкнула взоромъ. Все мнѣ кажется, что хотѣла она сказать: «Ваша надежда исполнится скоро!»

Авторъ этого стихотворенія, Казали, родился въ 1815-мъ году, въ Дубровникѣ. Это одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ сербскихъ поэтовъ (какъ между православными, такъ и католиками сербами и хорватами). Лучшее его произведеніе—поэма *Златка*; содержаніе ея взято изъ старинной дубровницкой жизни. Сколько мнѣ кажется, въ славянскомъ населеніи Далмаціи, даже католическомъ, искреннее сочувствіе къ турецкимъ славянамъ, а также къ Сербіи и Черногоріи, возбуждено гораздо живѣе, чѣмъ между хорватами. Это происходитъ оттого, что Далмація присоединена къ Австріи сравнительно очень недавно и не успѣла еще проникнуться Gemeingefühl'емъ австрійскаго гезамтфатерланда, какъ уже поднялся вопросъ народностей, какъ поняли лучшіе далматинцы, что безъ тѣснаго союза съ Черногоріею, Сербіею и славянскими областями нынѣшней Турціи для Далмаціи нѣтъ спасенія. Этому будущему юго-славянскому союзу и дружному общему приготовленію къ нему весьма много мѣшаютъ домашнія ссоры и распри между различными вѣтвями южно-славянскаго племени, особенно сербами и хорватами, у которыхъ католическое духовенство имѣетъ сильное вліяніе, а оно, разумѣется, издавна очень почитаетъ Вѣну за благочестіе Фердинанда II, Леопольда I, Карла VI и Маріи-Терезіи, за конкордатъ, за постоянныя старанія объуніатить православныхъ сербовъ, которыхъ страшно не любитъ и страшно боится холостое, властолюбивое, испорченное духовенство хорватское. Опасаясь этихъ распрей, патріоты южно-славянскіе всегда ратуютъ за согласіе и терпимость. Такъ очень любимый нынѣ сербскій поэтъ *Сундечичъ*, православный священникъ въ Задрѣ, всегда выступаетъ проповѣдникомъ согласія и единства. Для примѣра приведу нѣсколько строкъ изъ его замѣчательнаго стихотворенія «Вришдба», написаннаго въ подражаніе «Колоколу» Шиллера:

«Расщепленный народъ лишенъ силы; чтобы освободиться отъ бѣды, неволи, злости; расщепленный народъ напрасно надѣется, что когда нибудь подымется; расщепленный народъ есть разломленное цѣлое, сухое дерево и мертвое тѣло; гдѣ больше силы и мощи, тамъ болѣе и истиннаго счастья.

«Сюда, братья съ Дравы до Балкана, съ Дуная до Адріатическаго моря, которымъ судьба опредѣлила жизнь и смерть, славу и неволю, въ одномъ и томъ же союзѣ! Сюда, братья!... создадимъ народное просвѣщеніе единодушною волею, сердцемъ, полнымъ чистой любви. Безъ просвѣщенія мы бы строили городъ на землѣ изъ зыбучаго песка, гдѣ бы могъ его разрушить всякій вѣтеръ и поровнять съ землею. Наша бѣда отъ старыхъ временъ есть *неслога* (несогласіе), проклятая Богомъ, *равнодушіе* къ развитію ума и *себялюбіе* возлюбленный кумиръ, и *предразсудокъ*, что

насъ безобразно расщепляетъ, и *зависть*, наша старая чума, и *скаредность*, наша жестокая рана: шесть сестеръ божьяго гнѣва, которыхъ мы должны прогнать изъ нашего круга и бичомъ и дубиною, если намъ серьёзно стало быть народомъ между народами, которые справедливо такъ называются и могутъ называться. Сюда, братья!.. создадимъ просвѣщеніе, связанные въ одномъ узлѣ. Просвѣщеніе озаритъ умы, умы породятъ понятія, понятія освѣжатъ мысли, мысли сольются въ начала, начала разбудятъ любовь, любовь приступитъ къ дѣлу, а сознательное и отважное дѣло одно можетъ насъ поднять изъ праха».

«Гдѣ не гнѣздится братская любовь, развѣ тотъ народъ идетъ къ счастью!... Развѣ онъ когда на что надѣется, (будучи) совсѣмъ въ неволѣ?... Зачѣмъ разлучаетъ насъ вѣра, которая ясно учитъ людей, что они всѣ до одного сыновья единаго Бога. Итакъ да родные братья своему отцу всѣ милы? Прибавимъ еще ту же самую чистую кровь, что насъ согрѣваетъ, одно имя, одно племя и одинъ кровъ подъ небомъ. Ну, кто тогда смѣетъ сказать, что вовсе непостыдно, что такіе братья другъ друга ненавидятъ, что они могли бы быть сильны, какъ какой угодно народъ, считающійся первымъ по могуществу, когда бы только были согласны и слились въ одинъ духъ, въ духъ патріотической (домородной) любви, плодотворной всякимъ успѣхомъ въ народномъ движеніи къ самостоятельному развитію? Пусть всякій почитаетъ свою вѣру, держится ея, любитъ и бережетъ ее, пока одобряетъ его совѣсть, что его вѣра истинная. Но гдѣ касается того, чтобы на пользу своей родины мы дышали однимъ духомъ, горѣли однимъ чувствомъ, то будемъ сами единодушны и всѣ послушны однимъ голосомъ!... Голосу, что громко призываетъ каждаго изъ насъ отважно стремиться изъ пресмыканья къ солнцу вѣчной жизни».

О любви и согласіи проповѣдуетъ хорватамъ-латынцамъ и сербамъ-православнымъ другой современный поэтъ сербскій или южно-славянскій, уже католикъ, графъ Медо-Пучичъ, потомокъ одной старинной дубровницкой фамиліи. Если сравнивать его съ старыми поэтами дубровницкими, то едва-ли онъ не превосходитъ ихъ всѣхъ большею народностію языка, чувствъ и выраженій. Въ ней нѣтъ ни малѣйшаго слѣда тѣхъ враждебныхъ, непріязненныхъ чувствъ къ православнымъ сербамъ, которыя такъ много вредили Дубровнику, а подъ конецъ и подкопали его независимость. Пучичъ совершенно свободенъ отъ австрійскаго гемейнгефюля, которымъ заражены въ Австріи даже многіе православные сербы, и питаетъ глубокое сочувствіе къ православнымъ сербамъ Черногоріи и княжества и вѣритъ въ ихъ славное будущее. Слѣдующіе отрывки могутъ познакомить русскихъ читателей съ характеромъ его музы. Изъ посланія Елачичу, писаннаго въ то время, когда еще онъ не сталъ орудіемъ Вѣны:

«Охъ! бѣдствія несчастнаго народа. Каждый его ненавидитъ, каждый презираетъ, каждый отъ себя его гонитъ, а онъ стонетъ въ несчастіяхъ. Милый боже! ужели правда, что ты за грѣхи стараго дѣда караешь теперь сына? Много же твоего гнѣва навлекли отцы на наши головы, когда насъ такъ устроили!... Вотъ надъ одними бѣшенствуетъ блудный турокъ, крадетъ имѣнье и цалуетъ дѣвушекъ, а потомъ, чтобы извести весь народъ, дѣлаетъ изъ дѣтей нашихъ янычаръ. Вотъ другихъ гонитъ мадьяръ, степной кочевникъ, оскорбляетъ нашу честь, бьетъ народъ; вотъ третьихъ ученый нѣмецъ, отъ рожденія старый обманщикъ, хочетъ всюду насъ придавить, и чтобы его орелъ-птица болѣе развернула свои черныя крылья,

*

сгоняетъ нашихъ граничаръ... Только для себя не имѣемъ мы силы, только для себя не имѣетъ славы; знамена разодраны, разорены всѣ твердыни... И ты палъ, славный Дубровникъ, алмазъ-камень на морскомъ берегу, теперь *рабство* написано на твоемъ знамени, пѣвцы твои замолчали. Но какъ у змѣя, разсѣченнаго натрое, всякая часть бьется, ползетъ, ежится, пока не умретъ, чтобы соединиться съ головою — такъ и народъ нашъ бѣжитъ за *слогою*, увидѣлъ онъ денницу, засіяла ему уже заря, пробилъ роковой часъ, впередъ, впередъ, безъ отдыху. На тебя, банъ, онъ теперь опирается, на тебя возлагаетъ свои надежды...»

«... Ударяй, ударяй, о страшное море (Адріатическое, въ берега Далмаціи), пока въ землѣ живетъ *душманинъ* (притѣснитель). Далмація, соколиное гнѣздо, вотъ я вижу все твое приморье, Задаръ, чудный Шибеникъ до Сплита, все до славнаго Дубровника, моей отчизны. Отовсюду повисъ надъ нимъ мракъ, а сквозь него горная вила такъ вопитъ, что гора трясется, и говоритъ, бѣдная: «Здѣсь сошлись два брата, лица у обоихъ одинаковыя, черныя очи, усы до плечъ, храбрыя груди, сильная рука, та же душа, тотъ же прекрасный языкъ, а когда бы подружились (дали другъ другу руку) — чудо! Одинъ хорватъ, а другой сербъ, другъ друга не хотятъ они познать. Познайте другъ друга, познайте, несчастные, пока вамъ удобное время... Вы—братья, дѣти матери одной, одно васъ кормило молоко. Что васъ нынѣ раздѣляетъ? вѣра? Но божья никогда не производитъ раздора; законъ? но вы всѣ подъ чужеземцемъ... Соединитесь, обнимитесь, братья, и зачните юнацкое коло (нашъ хороводъ)... Въ тотъ часъ поблѣднѣетъ душманинъ. Когда бы славяне были согласны, то это былъ бы насильнѣйшій народъ».

Приведенные отрывки даютъ довольно вѣрное понятіе о томъ внутреннемъ броженіи, которое происходитъ теперь въ пробуждающемся сознаніи южно-славянскихъ народностей въ Австріи. Не случайно эта *великая* ихъ *идея* преимущественно, и съ успѣхомъ, разработывается только поэтами, ибо образъ цѣльнаго союза юго-славянскаго носится въ ихъ воображеніи, какъ такая идеальная задача, для осуществленія которой они еще очень мало приготовлены. Если поэтическая разработка этой идеи достигла замѣчательныхъ достоинствъ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ поэтовъ сербскихъ и хорватскихъ, напримѣръ, Іованновича, Субботича, Утѣшеновича, Мажуранича, Боговича и т. д., то за то всѣ попытки южно-славянскихъ патріотовъ развить свою идею систематически и облечь ее въ какую нибудь реальную политическую форму, обнаруживаютъ такое страшное несогласіе относительно самыхъ важныхъ пунктовъ, часто такую путаницу понятій, такую наивность и непрактичность взглядовъ, что Австрія нетолько еще долго можетъ спокойно взирать на распространеніе этой южно-славянской идеи, но даже во время и искусно ею воспользоваться. Не вникая въ положеніе южныхъ славянъ въ Австріи и не замѣчая этой неясности и невыработанности ихъ сознанія, посторонній наблюдатель легко можетъ придти къ самымъ ложнымъ заключеніямъ. Ознакомившись съ поэтическими произведеніями, увидѣвъ тотъ живой интересъ, который принимаютъ австрійские сербы и хорваты въ черногорцахъ и въ славянахъ турецкихъ вообще, особенно слыша ихъ

пылкія горячія рѣчи, посторонній человѣкъ легко можетъ вообразить, что южно-славянскія провинціи скоро послѣдуютъ примѣру Тосканы, Ломбардіи. Но вникнувъ въ дѣло глубже, онъ раскается въ своемъ заблужденіи, увидитъ, что отъ пылкости ли южнаго темперамента или отъ недостатка самостоятельнаго просвѣщенія, отъ того или другаго вмѣстѣ, только у южно-славянскихъ патріотовъ вообще очень мало согласія слова съ дѣломъ, нѣтъ твердыхъ, ясныхъ убѣжденій, которыя ведутъ человѣка и общества къ прямому и послѣдовательному образу дѣйствій. Онъ найдетъ потомъ множество горячихъ патріотовъ южно-славянскихъ въ рядахъ австрійской бюрократіи, которые нисколько не двуличничаютъ, а просто не сознаютъ никакой внутренней борьбы, никакой коллизіи между обязанностями южно-славянскихъ патріотовъ и австрійскихъ чиновниковъ. Всѣ тѣ противорѣчія уживаются въ ихъ душѣ очень спокойно, до того, что тѣ же почти проповѣдники южно-славанской идеи пишутъ и подобные стихи:

Н. В. цару и царици Франц Іосифу и Іелисаветы.

«Привѣтъ тебѣ, о прекрасная невѣста! Мать наша, ясный вѣнецъ нашъ! Привѣтъ тебѣ и здоровье, да всегда сопровождаетъ тебя счастье. Осчастливь нашего царя господина, нашу гордость, сердце изъ нѣдръ нашихъ. Будь вѣнцомъ на его юнацкой головѣ, пусть одно другимъ славится. Свѣтлый царь и блестящая царица, жаркое солнце и ясная заря, примите пѣсню, которую поютъ вамъ сербы, въ ней отдаютъ вамъ свою душу. Какъ роза любитъ весну и ягненку нельзя быть безъ матери, такъ за васъ всякій сербъ отдастъ свою голову. Какъ блеститъ драгоцѣнный камень, такъ чиста наша вѣрность къ вамъ, и гранитный столбъ можетъ треснуть, но сербская вѣрность никогда не прервется» и т. д.

Мы не ставимъ въ вину г. Субботичу его австрійскія чувства, но замѣчаемъ только, что они не вяжутся съ южною и вообще славянскою идеею.

У насъ въ Россіи австрійскихъ славянъ знаютъ слишкомъ поверхностно и, основываясь на разныхъ панславистическихъ стихотвореніяхъ и разныхъ изліяніяхъ любви и уваженія къ Россіи, многіе впадаютъ въ ложныя и поспѣшныя заключенія, и смотрятъ на нихъ съ точки зрѣнія мадьяръ и нѣмцевъ, которые въ своей подозрительности изъ мухи дѣлаютъ слона. Не надо забывать, что у славянской интеллигенціи въ Австріи панславизмъ очень мирно уживается съ чувствами глубокой преданности къ габсбургской династіи, что Россія обращаетъ на себя вниманіе патріотовъ славянскихъ, какъ государство славянское, обладающее политическимъ могуществомъ, котораго лишились ихъ народы и за которымъ они всѣ гоняются, а не какъ народъ, котораго они вовсе не знаютъ и еще менѣе уважаютъ. Кто знаетъ глубокія вѣрноподданническія чувства большей части сла-

вянской интеллигенціи въ Австріи, тотъ признается, что 10—15 лѣтъ тому назадъ въ этихъ литературахъ славянскихъ, гораздо болѣе являлось статеекъ и разныхъ стиховъ о Россіи, съ сочувствіемъ къ ней, чѣмъ въ послѣднее время, и это главнѣйше потому, что австрійское правительство было тогда очень дружно съ русскимъ, а потомъ въ отношеніяхъ Россіи къ Австріи послѣдовала большая перемѣна. Мнѣ не разъ случалось слышать отъ славянскихъ патріотовъ Австріи глубокое сожалѣніе о томъ, что они, австрійцы, не помогли намъ въ крымскую войну и такимъ образомъ разрушили прежній дружественный союзъ съ Россіею. Получая образованіе мадьярское или австрійское, неудивительно, что и православные сербы проникаются все болѣе и болѣе воззрѣніями иностранными, совершенно несогласными съ воззрѣніями православнаго сербскаго народа, который именно благодаря своей твердости вѣрѣ отцовъ, изъ всѣхъ народностей славянскихъ въ Австріи наиболѣе сохранилъ самостоятельности и наименѣе подвергся разлагающему славянскій бытъ вліянію Австріи. Разница воззрѣній сербовъ, народа и передовыхъ его классовъ, всего замѣтнѣе для русскаго во взглядахъ ихъ на Россію. Ни съ однимъ народомъ славянскимъ, не чувствуетъ русскій такъ сильно всей святости единокровнаго и единовѣрнаго братства, какъ въ общеніи съ простыми сербами. Всякій русскій, бывавшій съ ними, согласится со мною, что нельзя не быть тронуту до глубины души знаками неподдѣльной ласки, широкой братской любви, которыми простой православный сербъ въ Австріи окружаетъ своего брата, православнаго *Руса*. Вѣрный своей служебной присягѣ, сербъ граничаръ не мыслитъ объ измѣнѣ своему австрійскому кесару, но глядитъ на него какъ на иностранца, шваба и латина, служитъ ему по необходимости; иначе совсѣмъ глядитъ онъ на царя русскаго, единаго православнаго. «Русы счастливы, у нихъ свой православный царь, какъ бы мы имѣли своего, мы бы его на рукахъ носили». Противъ православной Русіи поднять руку не можетъ заставить граничара никакая присяга, никакая сила въ мірѣ. Когда во время осады Силистріи, Австрія двинула свои войска намъ во флангъ, то сербы граничары нетолько шли съ великимъ ропотомъ, но даже говорили, что имъ грѣхъ идти противъ русовъ, что они всѣ до единаго передадутся имъ. Вообще простой сербскій народъ въ Австріи остался совершенно вѣренъ тому воззрѣнію на Россію и Австрію, русскаго царя и австрійскаго кесаря, которое такъ поэтически и грозно представлено въ одной сербской пѣснѣ объ осадѣ Вѣны турками. Царь Отманин собралъ, говоритъ пѣсня, огромное войско со всѣхъ концовъ Турціи и повелъ его подъ Беч (Вѣну)

на кесара. У Дравы напалъ онъ на нѣмецкій лагерь и перерубилъ его, подошелъ къ Вѣнѣ и окружилъ ее съ четырехъ сторонъ. Но въ Вѣнѣ изъ пламя послышался голосъ святителя: «не бойся, Беч, твердый градъ, придетъ помощь съ трехъ сторонъ, навалятъ три короля и примемъ турокъ». Вотъ *госпа кесарица* пишетъ *книгу од Москова кралю*. Если думаешь женить своего сына на дочери кесара, то пошли своего сына Михаила, да прогонитъ онъ турокъ изъ Беча... Прочелъ книгу одъ Москова краль и разсказываетъ своему сыну. Королевичъ Михаилъ соглашается помочь Бечу, только съ условіемъ, чтобы *кесаръ* подчинился православному закону и постился бы среду и пятокъ и четыре поста въ годъ. Кесаръ согласился и королевичъ Михаилъ собралъ войско, взялъ съ собою *Леха и Поляка*, у *Ябухе церкви* причастилъ все свое войско и распустивъ святыя знамена съ крестами, пошелъ къ Вѣнѣ. Когда увидѣлъ турокъ, что идетъ московское войско, то только ударилъ себя въ грудь и сказалъ: *жалосно ти сунце од запада!* Я три раза воевалъ противъ московскаго знамени, три раза бѣжалъ отъ него.» Такъ народъ сербскій освобожденіе Вѣны Собѣсскимъ приписалъ русскимъ и нѣмецкій кесарь обязанъ былъ спасеніемъ отъ турокъ подчиненіемъ требованіямъ православной Русіи. Какъ глубоко вкоренено въ массѣ сербовъ австрійскихъ уваженіе къ *Русіи* и ся православному царю, можно судить по слѣдующему случаю, неподлежащему ни малѣйшему сомнѣнію. Обозрѣвая сельскія училища въ бывшей Воеводинѣ, экзаменаторъ, лѣтомъ 1862-го г., спросилъ у одного 8, 9-лѣтняго крестьянскаго мальчика въ народной школѣ въ Бачкѣ, гдѣ онъ живетъ, кто его царь, желая услыхать отъ него имена Австріи и нынѣшняго австрійскаго императора, и вмѣсто того получилъ отвѣтъ на первый вопросъ—«въ Воеводинѣ», а на второй—Никола. Мы распространились нѣсколько объ этомъ предметѣ для того, чтобы указать на разницу воззрѣній сербскаго народа и сербской интеллигенціи въ Австріи на Россію, изъ которой одна часть воспѣваетъ Габсбурговъ, а другая либеральничаетъ по мадьярски и толкуетъ иногда, что мы, дескать, сербы съ другими славянами общаго ничего не имѣемъ, намъ, дескать, дѣла нѣтъ до хорватовъ, тѣмъ паче до словаковъ, русскихъ въ Венгріи, пусть-де они себѣ мадьярятся, мадьяры намъ, сербамъ, будутъ служить оплотомъ противъ Россіи, съ которою сербы не должны мол вступать ни въ какую федеративную связь.

Разумѣется, и въ рядахъ нынѣшней австрійско-сербской интеллигенціи находятся нѣсколько человѣкъ, которые въ воззрѣніяхъ своихъ на единовѣрную Россію не расходятся съ сербскимъ народнымъ воззрѣніемъ, и не глядятъ на насъ съ точки зрѣнія австрійской или

мадьярской, но при страшномъ своемъ незнаніи нашего отечества, при неимѣніи самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ статистикѣ, исторіи, литературѣ русской, они имѣютъ опору только въ личныхъ чувствахъ и инстинктивныхъ привязанностяхъ, которыя сколько сильны въ народныхъ массахъ, столь же слабы и непрочны въ одинокихъ людяхъ, отдѣлившихся отъ массъ. Стихотвореніе Францу-Іосифу, написанное однимъ изъ новѣйшихъ сербскихъ поэтовъ, одушевленныхъ идеею юго-славянскою, можетъ служить рѣзкимъ обличеніемъ той неясности и путаницы понятій, которая закрываетъ густымъ мракомъ эту свѣтлую точку въ сознаніи южныхъ славянъ, эту надежду ихъ на возрожденіе, эту вѣру ихъ въ будущее. Укажемъ еще на два примѣра. Авторъ одного изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ горячею любовью къ сербамъ и вѣрою въ ихъ возрожденіе, поэмы «Недѣлько», православный австрійскій сербъ г. Утѣшеновичъ принадлежитъ къ самымъ почтеннымъ дѣятелямъ современной сербской и вообще славянской интеллигенціи. Въ своей поэмѣ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о задругѣ у южныхъ славянъ (Ueber die Hauskommunion der Sud-Slawen) онъ обнаружилъ даже рѣдкое у славянъ австрійскихъ стремленіе понять и представить нравственныя задачи и духовное призваніе славянскаго міра. Послѣ незабвеннаго Лудевита Штура, нѣкоторыхъ словаковъ и г. Тканца, Утѣшеновичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ славянъ австрійскихъ, которые почуяли духовную мощь русскаго народа, взглянувъ на Россію, нетолько какъ на силу политическую. И этотъ же самый Утѣшеновичъ написалъ, въ 1848-мъ г., одинъ проектъ преобразованія австрійскаго конгломерата на началахъ гуманности и полной равноправности всѣхъ народностей. Тутъ онъ представляетъ нетолько общую конституцію, но даже для наглядности нарисовалъ кабалистическую фигуру большаго круга съ маленькими кружками внутри (*), въ заключеніе между прочимъ говоритъ: «Какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика Австріи должна быть исключительно *австрійскою*, такимъ образомъ ни славянскою, ни нѣмецкою, ни мадьярскою, ни итальянскою, ни румынскою... Пока въ Австріи при одной пятой нѣмецкаго, въ противоположность пяти пятымъ не-нѣмецкаго народонаселенія, идетъ только рѣчь «объ исключительно *нѣмецкомъ* гезаммштатѣ, а въ Венгріи, при одной трети мадьярскаго, безъ вниманія на двѣ трети

(*) So würde, прибавляетъ г. Утѣшеновичъ, das in offener See nun allen Stürmen preisgegebene Staatschiff-Oesterreichs plötzlich im sichern Port u. obendrein d. Ballast zum politischen Gleichgewicht Europas werden.

не-мадьярскаго народонаселенія, объ одномъ *мадьярскомъ государствѣ* (Madyarorszàg), до тѣхъ поръ не можетъ быть въ монархіи никакого счастія, мира и благословенія. *Австрія должна искать своего центра въ самой себѣ* и она вновь обрѣтетъ себя и свои народы». Но пусть писались такіе проекты въ 1848-мъ году, въ ту странную пору всеобщаго горячечнаго состоянія умовъ, самыхъ несбыточныхъ ожиданій и дикоиелѣпыхъ утопій. Казалось бы, 13 лѣтъ опыта и жизни самой тяжелой могли бы нѣсколько отрезвить славянъ австрійскихъ. Но ни система Шварценберга и Баха, основанная на началѣ равноправности всѣхъ народностей (Gleichberechtigung), на общемъ чувствѣ гезаммтфатерланда, австрійскаго гемейнгефюля и на чисто *австрійской* политикѣ, на той самой, которую такъ краснорѣчиво описывалъ г. Утѣшеновичъ въ 1848-го г., ни система Баха и Шварценберга, вызванная же самими славянами, ни война итальянская и отложеніе Ломбардіи, ни идея юго-славянская и приготовленія Сербіи не могли отрезвить славянъ, и г. Утѣшеновичъ нашелъ нужнымъ перепечатать свой проектъ 1848-го г. съ новыми объясненіями и подтвержденіями вѣрности своихъ мыслей (*). Онъ до того искренно вѣритъ въ свою утопію, что даже не усумнился поставить въ эпиграфъ своей записки слѣдующія слова *евангельскія*: «Никто же бо преставляетъ преставленія плата небѣлена ризѣ ветсѣ: возмемъ бо кончину свою отъ ризы, и горша дира будетъ. Ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи: аще ли же ни, то просадятся мѣси и вино проліется, и мѣси погибнутъ, но вливаютъ вино ново въ мѣхи новы, и обое соблюдется». Авторъ нисколько не подозрѣвалъ той глубокой ироніи, которая заключается въ приведеніи имъ того именно текста, содержащаго въ себѣ самое строгое осужденіе его собственной и подобныхъ ей фантазій о преобразованіи Австріи, съ сохраненіемъ ея цѣлости, на началахъ христіанской любви, справедливости и равноправности всѣхъ народностей. Ибо что̀ такое нынѣшній агрегатъ земель, называемыхъ Австрійскою имперіею, какъ не политическое тѣло, сложившееся именно черезъ нарушеніе всѣхъ тѣхъ началъ, и вольное и невольное порабощеніе итальянцевъ, славянъ и румынъ нѣмцами и мадьярами? Одинъ изъ серьёзнѣйшихъ и образованнѣйшихъ дѣятелей изъ молодаго поколѣнія австрійскихъ сербовъ, г. Политъ издалъ недавно одну политическую брошюру, которая, свидѣтельствуя о начитанности авто-

(*) Aktenstücke zur Gesch. d. kroat. slaw. Landtages u. der nationalen Bewegung v. Jahre 1848. Programm zur Konstituirung des österreich. Kaiserst. nach d. Principe der konstit. Freiheit u. der nation. Gleichberechtigung. Изд. Пеяковича. Wien. 1861.

ра и любви къ своей народности, обличаетъ ту же путаницу понятій, ту же нереальность воззрѣній, которыя оказались въ проектѣ г. Утѣшеновича. Г. Политъ старается указать Западу въ своей нѣмецкой брошюрѣ, какъ необходимо освобожденіе христіанъ отъ турецкаго ига, и приводитъ хотя излишніе, но справедливые и всѣмъ извѣстные доводы о внутреннемъ безсиліи турецкаго, мусульманскаго элемента. Затѣмъ онъ предлагаетъ на развалинахъ нынѣшней Турецкой имперіи на Балканскомъ полуостровѣ образовать федерацію изъ нынѣшнихъ соединенныхъ дунайскихъ княжествъ, союзнаго сербо-болгарскаго государства съ столицею Призрѣномъ (въ старой Сербіи) и греческаго королевства, усиленнаго насчетъ Өессаліи, части Эпира и Македоніи; Цареградъ долженъ быть вольнымъ городомъ. Все это, разумѣется, очень вѣрно и основательно, только авторъ забылъ при этомъ объ одномъ обстоятельствѣ, что Западъ поддерживаетъ Турцію вовсе не потому, что ничего не знаетъ о возможности такой федераціи, а напротивъ понимаетъ это, и всячески противится ея образованію и сознательно поддерживаетъ Турцію. Авторъ съ удивительною наивностію старается доказать Западу, что опасенія его за вліяніе Россіи на эту федерацію совершенно напрасны. Желая погрозить Западу, онъ стращаетъ его въ противномъ случаѣ обращеніемъ турецкихъ христіанскихъ областей въ русскія провинціи, именно стращаетъ Западъ тѣмъ, что было бы для него очень желательно, ибо подобными попытками Россія совершенно бы лишилась своего вліянія на христіанъ турецкихъ и ринула бы ихъ въ объятія Запада. Незнакомый вовсе съ положеніемъ Россіи, ея исторіею и литературою, авторъ составилъ самыя ложныя понятія о Россіи, объ ея отношеніяхъ къ православному Востоку и къ Западной Европѣ. Онъ рѣшительно не догадывается, что относительно турецкихъ христіанъ и вообще православныхъ славянъ для насъ, русскихъ, важнѣе всего, чтобы эти единовѣрцы и единоплеменники наши развивались какъ можно самостоятельнѣе, своеобычнѣе, оставались бы вѣрными кореннымъ началамъ своей вѣры и народности, что мы наконецъ очень хорошо понимаемъ невозможность обратить въ русскія провинцію Валахію, Молдавію, Сербію и Болгарію и ясно представляемъ себѣ всѣ вредныя послѣдствія самыхъ попытокъ на это. Западъ поддерживаетъ Турцію и страшится федераціи, это значитъ, что такой способъ рѣшенія восточнаго вопроса, единственно выгодный для славянъ турецкихъ, всего желательнѣе для Россіи. Почтенный авторъ былъ очень недалекъ отъ уразумѣнія этого, ибо онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Россія, какъ держава славянская, подданные которой исповѣдаютъ православную вѣру, имѣетъ

своею нравственною обязанностію принимать участіе въ своихъ соплеменникахъ и единовѣрцахъ, и въ то же время очень естественно, что и они съ своей стороны обращаются къ Россіи. Если Европа думаетъ истребить въ христіанахъ турецкихъ это сочувствіе ихъ къ Россіи и потребуетъ отъ нихъ, чтобы они питали къ ней сочувствіе не болѣе чѣмъ ко всякому другому государству, то это значитъ желать отъ нихъ чего-то невозможнаго. Быть можетъ, современемъ удастся румынамъ и грекамъ внушить равнодушіе къ русскимъ, но нравственное вліяніе ихъ на сербовъ и болгаръ, какъ на славянъ, должно всегда оставаться. Подобно тому, какъ Франція, держава романская, никогда не можетъ утратить своего нравственнаго вліянія на Италію, точно такъ же и Россія на сербовъ и болгаръ. Какъ въ Италіи могущественно дѣйствуетъ французская литература, такъ точно все болѣе будетъ распространяться русская литература между сербами и болгарами, для которыхъ по языку она еще ближе, чѣмъ итальянцамъ французская. Здѣсь мы позволимъ присовокупить одно замѣчаніе, которое можетъ наглядно доказать г. Политу, почему для Европы опасно, а для Россіи единственно желательно образованіе сербо-болгарской федераціи. Распространеніе русскаго языка, русской литературы между сербами и болгарами пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если они будутъ видѣть, что желанія и воззрѣнія Россіи относительно ихъ совершенно совпадаютъ съ ихъ существеннѣйшими народными потребностями. Ознакомившись съ русскимъ языкомъ, сербы и болгары увидятъ необходимость принять его языкомъ науки и высшей образованности, съ сохраненіемъ, разумѣется, своихъ нарѣчій въ администраціи, въ судахъ, школахъ и въ произведеніяхъ поэтическихъ, особенно мѣстнаго содержанія, въ проповѣдяхъ, календаряхъ, учебникахъ и т. д. Г. Политъ справедливо замѣчаетъ, что русскій языкъ для сербовъ и болгаръ гораздо ближе, чѣмъ французскій для итальянцевъ; но онъ не обратилъ вниманія на то, что въ отношеніи образованности и литературы, даже по числу народонаселенія, Франція и Италія совершенно двѣ равныя величины, тогда какъ сербы и болгары, соединенные даже во едино, по числу душъ, слабѣе Россіи по крайности въ 10-ть разъ, что сербы никогда не примутъ языка болгарскаго, а болгары сербскаго, что такимъ образомъ Россія сильнѣе ихъ не въ 10-ть, а въ 20-ть разъ, а для составленія умственнаго, народнаго капитала, образованности и литературы, число душъ, рабочихъ силъ имѣетъ громадную важность, ибо нельзя же отрицать одинаковой даровитости русскихъ, болгаръ и сербовъ, что, наконецъ, какъ ни бѣдна еще наша литература сравнительно съ англійскою, нѣмецкою и французскою, однако и теперь

уже сравнительно съ сербскою и болгарскою она является чѣмъ-то громаднымъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, сербы и болгары, вскорѣ послѣ освобожденія своего отъ турокъ, не могутъ не придти къ сознанію необходимости сдѣлать русскій языкъ сначала языкомъ дипломатическимъ въ своихъ международныхъ сношеніяхъ съ румынами, греками и даже мадьярами, а потомъ и вообще принять его съ Россіею органомъ науки и высшей образованности. Русскій языкъ (литературный) нетолько по корнямъ и синтаксису, но даже и по многимъ грамматическимъ формамъ такъ сходенъ съ сербскимъ, новымъ и древнимъ, и еще болѣе съ болгарскимъ (древнимъ), что принятію его за такой органъ сербами и болгарами не можетъ противиться правильно понимаемое чувство племенной автономіи, а между тѣмъ, съ такимъ орудіемъ они будутъ нетолько въ состояніи съ успѣхомъ бороться противъ напора чуждыхъ имъ національностей: греческой, итальянской (въ Далмаціи), румынской и мадьярской, но даже и воздѣйствовать на нихъ своею образованностью и вносить православно-славянское просвѣщеніе въ Азію, въ которой русскій языкъ можетъ и долженъ распространяться еще болѣе англійскаго. Надѣяться же на то, что сербы и болгары могутъ современемъ создать свою богатую литературу и образованность на своихъ собственныхъ нарѣчіяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго, строгаго основанія, ибо малочисленность ихъ и бѣдность ихъ нынѣшней словесности съ одной стороны, а съ другой современное развитіе образованности и нынѣшняя специализація наукъ отымаетъ такую надежду даже въ самомъ далекомъ будущемъ. Въ наше время наука стала такою силою, безъ которой не можетъ удержаться ни одна народность, и сербамъ и болгарамъ, освобожденнымъ и соединеннымъ въ одну державу (конечно, не безъ омощи Россіи), предстанетъ выборъ или утратить мало по малу свою народность и принять органомъ образованности одинъ изъ иноплеменныхъ языковъ, или же сохранить свою народную и племенную особенность и принять русскій языкъ, который съ каждымъ, можно сказать, десятилѣтіемъ все болѣе пріобрѣтаетъ себѣ характеръ всеобщаго, всемірнаго языка, подобно англійскому, нѣмецкому и французскому. Не обративъ на это обстоятельство должнаго вниманія, г. Политъ совершенно ложно взглянулъ и на отношенія Россіи къ турецкимъ славянамъ и этихъ послѣднихъ къ Западной Европѣ, которая все болѣе теперь понимаетъ и предчувствуетъ, какого вліянія домогается себѣ Россія на Востокѣ и въ чемъ состоитъ ея призваніе. Западная публика—а для нея и писалъ г. Политъ—знающая Россію лучше славянъ австрійскихъ, будетъ видѣть въ его брошюрѣ какую-

то двуличность и хитрость, тогда какъ это есть собственно не что иное, какъ обыкновенная наивность и легковѣріе всѣхъ славянскихъ патріотовъ австрійскихъ. Такъ г. Политъ пренаивно доказываетъ, что Австрія не имѣетъ никакихъ причинъ желать пріобрѣтенія Босніи и Герцеговины, что сербо-болгарская держава неопасна для Австріи и ея южно-славянскихъ провинцій. Еслибы авторъ захотѣлъ нѣсколько остановиться на отношеніяхъ проектируемой имъ федераціи къ Далмаціи, Хорваціи, Славеніи, Срѣма, Бачки и части Баната, то онъ бы могъ самъ увидѣть, что разбирая проблемму объ обращеніи турецкихъ провинцій въ русскія, онъ боролся съ вѣтряными мельницами, и убѣдиться, что при отношеніяхъ русскаго народа къ Австріи, для насъ ничего не можетъ быль желаннѣе образованія той федераціи и ничего, конечно, печальнѣе, какъ эта неясность, невыработанность сознанія южно-славянской интеллигенціи въ Австріи, *чему* брошюра г. Полита вмѣстѣ съ прозаическими стихами г. Субботича и политическою фантазіею г. Утѣшеновича, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Всѣ эти три дѣятеля принадлежатъ къ той сербской партіи въ Австріи, сочувствіе которой къ княжеству не подлежитъ никакому сомнѣнію. Журналъ той же партіи «Сербскій Дневникъ», оппозиціонный органъ сербовъ въ Новомъ Садѣ, печаталъ лѣтомъ 1862-го года такія громовыя статьи противъ сербскаго правительства, что Австрія не могла, конечно, не радоваться этому. Любопытно, что публицисты новосадскіе, такъ громящіе Сербію и неупускающіе при всякомъ случаѣ замѣтить, что они, то-есть сербы въ Срѣмѣ, Бачкѣ составляютъ настоящую *езгру* сербства, а *сервіанцы* (въ княжествѣ) уже не такіе чистые сербы и не такъ образованы, какъ они—эти самые публицисты по большей части никогда не бывали въ Сербіи, а если и были, то только въ Бѣлградѣ, заглянувъ въ него на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько часовъ, и то однажды въ жизни. Первая литературная и ученая знаменитость сербовъ, несмотря на то, что самъ уроженецъ княжества, въ которомъ уже есть музей и народная библіотека, даритъ и продаетъ вѣнской императорской библіотекѣ старинныя сербскія рукописи, изъ коихъ нѣкоторыя пріобрѣтены имъ въ самой даже Сербіи. Это обстоятельство мало дѣлаетъ чести образованному сербскому обществу въ Австріи. А что сказать о множествѣ сербовъ, какъ въ рядахъ высшаго духовенства, арміи и бюрократіи, которые служатъ самыми покорными орудіями австрійской политики и употребляются ею съ успѣхомъ въ различныхъ интригахъ противъ Сербіи, Черногоріи, въ Босніи и Герцеговинѣ? О сер-

бахъ католикахъ и значительной части хорватовъ грустно и упоминать, ибо они уже съ полнымъ сознаніемъ работаютъ противъ свѣтлой будущности своихъ соплеменниковъ за-савскихъ, съ одной стороны распространяя и утверждая унію между болгарами, бошняками и герцеговинцами, какъ, напримѣръ, такъ называемый въ Австріи *первый славянинъ* дьяковачскій епископъ хорватъ Штроссмайеръ, канонникъ Рачки и т. д., а съ другой стороны въ лицѣ Кватерника и подобныхъ людей провозглашая самыя нелѣпыя притязанія какихъ-то историческихъ правъ короля Звонимира, проповѣдуя, быть можетъ, самую безсмысленную и исключительную изъ множества безсмысленныхъ и исключительныхъ славянскихъ теорій, теорію харватизма, насильно навязывая имя хорвата тѣмъ, которые не любятъ его и не хотятъ о немъ слышать, какъ будто въ этомъ имени дѣйствительно заключается какая нибудь чудотворная, магическая сила. Такимъ образомъ, не будучи нисколько пессимистомъ, нельзя безъ чувства страха и сомнѣнія глядѣть на образованное общество южныхъ славянъ въ Австріи, которое при всемъ томъ, что оно мало народно и несамодѣятельно, имѣетъ уже, однако, вліяніе на свой народъ. Говорю о сомнѣніи, потому что народъ, по крайности сербскій, хотя и чувствуетъ стремленіе къ независимости и симпатію къ Сербіи, однако, будучи уже слабъ самъ по себѣ, какъ обломокъ народа, отдѣленный отъ своихъ земляковъ въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ, и уже подвергшійся въ своей внутренней жизни разъѣдающему вліянію Австріи, легко можетъ подчиниться и поддаться своей интеллигенціи. Говорю о страхѣ, потому что сербская и южно-славянская интеллигенція вообще безсознательно и даже сознательно въ рѣшительную минуту, легко можетъ стать покорнымъ орудіемъ австрійскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ. Она такимъ образомъ можетъ, если не убить будущность княжества сербскаго, то по крайности послужить ему сильною помѣхою. Великая идея, разработываемая южными славянскими поэтами, отдѣльныя явленія перебѣжчиковъ, сербовъ и хорватовъ изъ Австріи въ сербское княжество, многочисленные знаки сочувствія Австріи южно-славянскихъ провинцій къ сербамъ и черногорцамъ еще нисколько не позволяютъ заключать о будущихъ успѣхахъ турецкихъ славянъ, ибо во всемъ этомъ движеніи главную роль занимаютъ пылкое воображеніе и южная, горячая кровь и юнацкая удаль, а не ясное, выработанное сознаніе и не строгое нравственное чувство долга, безъ которыхъ общества и народы всегда бываютъ обречены на жалкую роль чужаго орудія. Австріи же не учиться стать употреблять славянъ въ свою пользу и однихъ противъ дру-

гихъ. Какъ мало сербы австрійскіе понимаютъ интересы своихъ земляковъ въ Турціи, можно видѣть изъ того, что многіе изъ нихъ очень были довольны, узнавъ, что Австрія *перемѣнила* въ послѣднее время свою политику относительно Черногоріи и даже подарила имъ отъ лица ихъ *кесаря* 30,000 гульденовъ, торжественно потомъ розданныхъ черногорцамъ, между которыми есть уже люди, состоящіе на откупу у Австріи.

Откровенно представивъ, по нашему мнѣнію, вѣрную и печальную картину отношеній австрійскихъ славянъ къ независимымъ и турецкимъ славянамъ, постараюсь теперь указать на причины зла и на возможность его исцѣленія. Современное состояніе южно-славянской идеи указываетъ въ одно и то же время и на болѣзнь, и на возможность выздоровленія. Ея сильная и свѣтлая сторона заключается въ духѣ примиренія и общенія сербовъ съ хорватами, въ стремленіи сложиться съ турецкими славянами въ одно плотное цѣлое, въ единую федеративную державу; ея слабая и темная сторона состоитъ въ преувеличенномъ мнѣніи южныхъ славянъ Австріи о своемъ историческомъ и современномъ значеніи, въ рѣшительномъ непониманіи характера и миссіи Австріи. Только съ отстраненіемъ темной и слабой стороны и съ развитіемъ свѣтлой и сильной, юго-славянская идея можетъ перейти въ жизнь и дѣло изъ области невинныхъ мечтаній и грезъ.

Южно-славянскіе патріоты очень любятъ заниматься политикою, но въ своихъ политическихъ опытахъ они обнаруживаютъ замѣчательную незрѣлость и часто полное незнаніе различныхъ европейскихъ отношеній и дѣлъ. Это очень естественно, ибо широкій политическій взглядъ образуется не въ кабинетахъ, а въ жизни и то только у народовъ большихъ и сильныхъ, въ странахъ съ далекимъ кругозоромъ. Южные и вообще всѣ славяне въ Австріи могутъ имѣть и имѣли людей съ замѣчательными государственными способностями, но всѣ они были славянами по рожденію и австрійцами по направленію и характеру дѣятельности. Они глядѣли на европейскія событія и вопросы и всегда дѣйствовали въ нихъ съ точки зрѣнія Австріи, большой державы, а не какого нибудь Галича, Срѣма и Далмаціи, которыя сами по себѣ никакого политическаго значенія не имѣютъ и даже относительно народности являются только обломками. Зыряне, армяне, осетины, киргизы въ Россіи, какъ баски или бретонцы (кельты) во Франціи, какъ валлисскіе кельты или ирландцы въ Великобританіи, конечно, всегда могутъ представить замѣчательныхъ практическихъ государственныхъ дѣятелей, но какъ таковые

они уже будутъ русскими, французами, англичанами. Какъ ни грустно и ни больно для славянскаго самолюбія, но истина требуетъ замѣтить, что славяне въ Австріи уже слишкомъ три столѣтія играютъ почти точно такую же роль. Всегда ли они останутся въ такомъ положеніи—это еще вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ корень безсилія и ничтожества славянъ заключается въ томъ, что они, принадлежа къ всемірно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбіемъ всемірно-историческихъ народовъ, но въ то же время лишены двухъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ ни одна народность не можетъ имѣть всемірно-историческаго значенія и не заслуживаетъ названія исторической національности, ибо между понятіями *народности* и *націи* есть существенное различіе, о которомъ славяне австрійскіе какъ-то позабываютъ. Не всякая народность есть и можетъ быть націею. Такъ наши русскіе, финскіе, литовскіе, татарскіе инородцы, французскіе кельты и баски и т. д. не могутъ быть называемы націями, ибо народы бываютъ націями только при двухъ условіяхъ — богатой литературѣ и самостоятельной образованности съ однимъ выработаннымъ письменнымъ языкомъ и при независимомъ государственномъ бытіи. При одномъ изъ этихъ условій народу нетрудно бываетъ пріобрѣсть и другое. Такъ достигши государственнаго единства, Франція, Англія, Россія образовали себѣ одинъ общій литературный языкъ; такъ образовавши себѣ послѣдній, итальянцы и нѣмцы стремятся къ единству государственному. Равноправность народностей — прекрасное начало въ области отвлеченной, въ практической жизни никогда не осуществлялась и не можетъ осуществиться, ибо не всѣ народности *равносильны*, не у всѣхъ и одинаковыя *обязанности*, слѣдовательно, не всѣ пользуются и могутъ пользоваться одинакими *правами* (*). Напротивъ, даже народности, не-

---

(*) Разумѣется, народность или національность не можетъ или не должна имѣть никакого вліянія на человѣческія или гражданскія права отдѣльныхъ лицъ въ томъ или другомъ государствѣ. Говоримъ о правахъ народностей. Такъ абстрактно говоря, лопари, гольды, тунгузы имѣютъ право на свою народную литературу, на свои университеты, точно такое же, напримѣръ, какъ и русскіе, но въ дѣйствительности, ходомъ исторіи они лишены этого права. Всякія сожалѣнія о такой неравноправности народностей безплодны, даже нелѣпы, ибо она есть необходимое условіе всемірно-историческаго развитія. И гдѣ остановиться на этихъ народностяхъ? Почему, напримѣръ, нужно поддерживать нынѣшній ихъ видъ, а не развивать тотъ, что былъ сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, или отчего не стремиться къ новымъ, будущимъ, видоизмѣненіямъ? Вы скажете, напримѣръ, русскій народъ есть соединеніе искусственное: есть великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы и т. д. Но вѣдь по этимъ же причинамъ можно замѣтить, что и малоруссы, напримѣръ, есть искусственное соединеніе: есть только поляне, древляне, бужане, тиверичи, дулѣбы

имѣющія двухъ упомянутыхъ условій, всегда подчинялись или подчиняются тѣмъ народностямъ, которыя ихъ имѣютъ, то-есть націямъ. Славяне въ Австріи заслуживаютъ только названія народностей и, какъ таковые, не могутъ не подчиняться нѣмцамъ, которые, по всей справедливости, должны быть названы націею, ибо семь народностей: поляки, малороссы, чехи, словаки, сербы, хорваты, словинцы, составляющіе слишкомъ 15 мильйоновъ славянскаго народонаселенія Австріи, сами по себѣ такъ слабы и малочисленны, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ теперь образовать независимаго, сильнаго государства и самостоятельной образованности и литературы на своемъ родномъ языкѣ. Если польская и чешская литературы иногда называются богатыми, то это совершенно относительно: онѣ очень бѣдны и ничтожны въ сравненіи съ литературами нѣмецкою, англійскою, французскою, итальянскою и даже испанскою. Не надо забывать, что чешская и польская литературы въ XV-мъ, XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ обработывались на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ теперь, ибо чешскій языкъ у словаковъ въ Венгріи, русскій литературный или русское нарѣчіе и даже литовское въ Галичѣ, на Украйнѣ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, а нѣмецкій языкъ въ прусской Польшѣ значительно вытѣснили и постепенно все болѣе вытѣсняютъ языкъ польскій. Что же касается до южныхъ славянъ, то мы уже видѣли, что если Богъ благословитъ ихъ образовать федерацію, то общимъ органомъ высшей образованности можетъ быть у нихъ только русскій языкъ. Славяне въ Австріи, изъ чувства патріотизма, не хотятъ сознаться, что они находятся къ нѣмцамъ въ отношеніи народностей къ національности. Тутъ вводитъ ихъ въ недоразумѣніе мысль, что они принадлежатъ къ одному великому 80-ти мильйонному племени, но они совсѣмъ, кажется, не обращаютъ вниманія на то, что изъ этихъ 80-ти мильйоновъ, 50 принадлежатъ къ одному русскому племени, уже выработавшему себѣ одинъ письменный языкъ, а остальные 30 мильйоновъ раздѣлены на 8-мь народностей, имѣющихъ каждая свою особенную литературу, находящихся въ самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, какъ русскій народъ пріобрѣтаетъ Амуръ, покоряетъ и просвѣщаетъ Кавказъ, славяне въ Австріи принуждены агитировать въ пользу своихъ нарѣчій на рецеписсахъ въ почтамтѣ, на вы-

---

и т. д. Почему, напримѣръ, второе соединеніе ниже, хуже третьяго, гдѣ въ имени *русскаго народа* сливаются великоруссы и малоруссы, какъ при второмъ въ имени малоруссовъ сливаются поляне, древляне и т. д?

вѣскахъ, объявленіяхъ публичныхъ мѣстъ, а славяне въ Турціи подвержены самому постыдному рабству. Славянская интеллигенція въ Австріи совершенно ошибается, когда силу нѣмецкаго вліянія надъ собою приписываетъ государственнымъ насильственнымъ мѣрамъ. Напротивъ, насильственное навязываніе славянамъ нѣмецкаго языка всего болѣе вредило самой стихіи нѣмецкой, лучшіе представители которой въ Австріи очень хорошо поняли, какъ связываетъ ихъ государственная опека. Такое насиліе даже много способствовало пробужденію заснувшаго чувства народности у славянъ. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ либеральнѣе поступаетъ нѣмецкій элементъ въ Австріи, тѣмъ болѣе выигрываетъ онъ въ отношеніи славянъ, тѣмъ легче поддаются они германизаціи. Обращаясь къ словинцамъ, хорватамъ и сербамъ, мы принуждены замѣтить, что въ отношеніи языка и литературы, они находятся въ обстоятельствахъ еще менѣе благопріятныхъ, чѣмъ поляки и чехи, ибо подвержены вліянію трехъ иноплеменныхъ языковъ: нѣмецкаго, италъянскаго и даже мадьярскаго. Про мадьяръ славяне любятъ говорить, что они не имѣютъ никакой будущности въ Европѣ, что они, окруженные славянами, будутъ ими поглощены. Но славяне тутъ позабываютъ, что эта ассимиляція мадьярской стихіи можетъ произойти не иначе, какъ путемъ нравственнымъ, вліяніемъ славянской образованности, а такой общей образованности нельзя создать восемью литературами, изъ коихъ и теперь каждая бѣднѣе мадьярской (*). Тѣмъ менѣе въ состояніи славяне бороться теперь съ вліяніемъ итальянскимъ (въ Далмаціи) и нѣмецкимъ. Сербы относительно языка и народности терпятъ утраты даже отъ валаховъ, напримѣръ, въ Банатѣ. Румыны, вообще, въ послѣднее время развили замѣчательную литературную дѣятельность, будучи многочисленнѣе сербовъ и при своемъ болѣе благопріятномъ въ внѣшнемъ положеніи, могутъ справедливо надѣяться имѣть литерату-

(*) Это наглядно доказывается австрійскимъ каталогомъ (Oesterreichischer Katalog), напримѣръ, за 1860-й и 1861-й годъ: въ первомъ, библіографія нѣмецкая занимаетъ 89 страницъ, славянская (то-есть чешская, польская, словенская, словинская, сербская, хорватская и русинская)—32 стран., мадьярская — 42 стр., итальянская—16 стр.; во второмъ (за 1861-й годъ): нѣмецкая — 81, славянская — 39, мадьярская—48, итальянская — 23 страницы. Также и журналистика мадьярская богаче славянской. Всего въ Австріи, въ 1863-мъ году, выходило 342 журнала, изъ нихъ политическихъ: *нѣмецкихъ — 73,* чешскихъ — 6, польскихъ—4, сербскихъ — 2, хорв. — 2, словенск. — 1, русск.—2, словацк. — 1, итальянск.—13, *мадьярскихъ—16,* рум.—3, греч. — 2, евр. — 3. Всего 127. Неполитич.: *нѣмецк. 176,* чешск. 13, польск. 14, сербск. 7, слов. 4, хорв. 6, словацк. 4, русск. 2, *итальянск. 29, мадьярск. 57,* греч. 1, евр. 2, франц. 1. Всего 215.

ру болѣе богатую, чѣмъ сербская. Хорваты, сербы и словинцы еще болѣе заблуждаются, если думаютъ вытѣснить языки нѣмецкій и итальянскій своими литературами, которыя никогда не могутъ достичь значенія всемірно-историческаго. Всякая борьба отъ борющихся сторонъ требуетъ равныхъ орудій, а сербо-хорватскій и словинскій языки и литературы въ отношеніи итальянскаго и нѣмецкаго въ строгомъ смыслѣ названія языковъ и литературы не заслуживаютъ. Это собственно *нарѣчія* и *словесности*, какъ народы, ихъ употребляющіе, суть только народности, а не *націи*, какъ по праву называютъ себя итальянское и нѣмецкое племена, которыя при множествѣ разныхъ нарѣчій и народностей выработали себѣ одинъ общій письменный языкъ. Нѣмецкія и итальянскія нарѣчія нетолько не ближе, но даже гораздо дальше одно отъ другаго, чѣмъ нарѣчія славянскія. Не предвидя для южныхъ славянъ Австріи никакой возможности освободиться отъ духовной подчиненности итальянской, нѣмецкой и мадьярской образованности, литературамъ и языкамъ, мы принуждены указать какъ на единственный исходъ изъ этого печальнаго положенія, на необходимость для нихъ принять русскій языкъ органомъ науки и высшей образованности, языкомъ дипломатическимъ, съ сохраненіемъ своихъ нарѣчій и словесностей для мѣстныхъ потребностей. Мы уже видѣли, какое будущее ожидаетъ русскій языкъ у славянъ турецкихъ, по ихъ освобожденіи. Такимъ образомъ, въ немъ южные славяне Австріи только скрѣпятъ свою связь съ своими соплеменниками въ Турціи. Только русскій языкъ можетъ быть общимъ органомъ для сѣверныхъ славянъ австрійскихъ, только онъ можетъ вытѣснить у нихъ изъ нынѣшняго ихъ употребленія языкъ нѣмецкій, съ глубокою ироніею, но совершенно справедливо называемый у славянъ *die panslawistische Sprache*. Такимъ образомъ, южные славяне австрійскіе могли бы соединиться нетолько съ турецкими и сѣверно-австрійскими соплеменниками, но и съ тѣмъ 50-ти мильйонным народомъ, который одинъ изъ всѣхъ народностей славянскихъ въ строгомъ смыслѣ образуетъ націю и можетъ притязать на всемірно-историческое значеніе. Отъ поколѣній нынѣ дѣйствующихъ у южныхъ славянъ, надѣяться на такое принятіе русскаго языка нѣтъ никакого основанія. Отъ нихъ можно только ожидать, чтобы они постарались поближе узнать Россію и приготовить своихъ дѣтей къ изученію русскаго языка, русской литературы. Мы, русскіе, въ нашемъ сочувствіи къ славянамъ западнымъ и южнымъ, часто слишкомъ увлекаемся грозною цифрою тридцати мильйоновъ славянъ; судя объ этомъ съ нашей точки зрѣнія, мы нерѣдко забываемъ, что

это вовсе не одна плотная масса, что *славяне*, само по себѣ, названіе отвлеченное и книжное, что эти 30 мил. славянъ внѣ Россіи распадаются на 9-ть отдѣльныхъ народностей: поляковъ, чеховъ, сербо-лужичанъ, малоруссовъ (въ Галичѣ, Буковинѣ, Венгріи), словаковъ, болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ, изъ коихъ почти каждый находится въ самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ духовной зависимости отъ иноплеменныхъ національностей и народностей: нѣмцевъ, итальянцевъ, турокъ, мадьяръ, грековъ, румыновъ, что эти 9 народовъ часто очень враждебно расположены между собою, какъ отъ исключительнаго чувства племенной автономіи, провинціальной ревности и зависти, такъ и отъ различія вѣроисповѣданій, ибо эти девять славянскихъ народностей исповѣдаютъ православную вѣру, католическую, унію, лютеранство, кальвинизмъ, наконецъ, даже, мусульманство (сотни тысячъ босняковъ и болгаръ). Чувство ложнаго стыда и пустыя опасенія заслужить отъ нѣкоторыхъ патріотовъ славянскихъ упреки въ стремленіи къ какой-то игемоніи, не должны намъ русскимъ мѣшать высказывать славянамъ съ полною откровенностью наше несогласіе съ нѣкоторыми ихъ воззрѣніями и наше мнѣніе объ ихъ будущемъ. Внѣшнее рабство, внѣшняя зависимость этихъ 9-ти народностей отъ иноплеменниковъ отчасти повели за собою рабство и подчиненность духовную, отчасти сами произошли отъ нихъ. Вывести ихъ изъ того служебнаго положенія можетъ только просвѣщеніе славянское, образованность и литература славянская. При всемъ нашемъ сочувствіи къ славянамъ, при всей нашей вѣрѣ въ ихъ духовныя силы, мы, русскіе, не можемъ быть до того ослѣплены, чтобы вѣрить въ великое будущее 9-ти литературъ славянскихъ. Славяне могутъ принять или непринять нашъ русскій языкъ за общій письменный и дипломатическій языкъ, за органъ науки и высшей образованности, — мы, русскіе, должны объ этомъ откровенно высказывать свое мнѣніе, не стѣсняясь ложными приличіями. Что въ такомъ предложеніи для этихъ 9-ти народностей нѣтъ и не можетъ быть ничего недобраго и оскорбительнаго, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ то, что мысль объ общемъ литературномъ славянскомъ языкѣ, о духовномъ, литературномъ соединеніи всѣхъ славянъ, въ теченіе 20-ти слишкомъ лѣтъ работала и постепенно выяснялась въ сознаніи передовыхъ людей различныхъ народностей славянскихъ. Одни настаивали на необходимости искусственнаго образованія одного общаго языка изъ всѣхъ нарѣчій славянскихъ, но эта мысль по своей книжной мертвенности легко была отвергнута; потомъ раздавались голоса въ пользу церковно-славянскаго языка. Такъ, напримѣръ, сербъ

Евгеній Іоанновичъ, но и онъ уже предчувствовалъ другое рѣшеніе своей задачи. Такъ, онъ говоритъ: «иначе бо, аще вси при своемъ обычаи останемъ, рѣка россійская течетъ сильно и обильно, и не можетъ покорится потокамъ прочихъ славянъ; а потоци безъ рѣки что суть и что есть тогда славянская взаимность.» Наконецъ, третьи остановились на мысли о принятіи общимъ литературнымъ и дипломатическимъ языкомъ какое нибудь изъ живыхъ парѣчій. Поляки всего менѣе интересуются общими славянскими вопросами, однако есть и польскіе голоса въ пользу этой мысли. Такъ авторъ «Polska», «Europa» «Rossya» 1859 и редакторъ любопытнаго журнала «Prawda» 1861 и 1862 г. тоже высказывалъ мысль о необходимости общаго языка, по крайности для славянъ австрійскихъ. Но, разумѣется, какъ полякъ, онъ и на этотъ вопросъ, чисто *культурный*, вопросъ просвѣщенія глядѣлъ только съ политической точки зрѣнія. «Толкуя объ общемъ дипломатическомъ языкѣ—говоритъ онъ—польскіе представители не обязаны въ интересахъ польскаго самолюбія настаивать о польскомъ языкѣ, *но соглашаться на каждый, который всѣмъ славянамъ покажется за наиболѣе удобный, лишь бы только былъ языкомъ славянскимъ* (слѣдовательно и русскій?). Наши надежды обращаются къ нашей собственной Рѣчи Посполитой, гдѣ никакого не будетъ затрудненія относительно дипломатическаго языка, какъ и прежде не бывало, нѣтъ также и теперь на львовскомъ сеймѣ. Еслибы польскій языкъ былъ принятъ славянами за языкъ дипломатическій, то въ этомъ слѣдовало бы видѣть безошибочное доказательство, что славяне подъ жезломъ австрійскимъ, обращаютъ свои надежды къ нашей прошлой Рѣчи Посполитой и намѣреваются соединиться съ нею въ одно государственное тѣло» (*) Авторъ принадлежитъ къ польскимъ панславистамъ и, упрекая русскихъ или *москалей* за ихъ панславизмъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «naszém powstaniem jest na czele Slowian stawać» и «nam starszym dzieciom Slowiańskiéj rodziny z obowiarku mającym jéj do ziemi obiecanéj przewodniczyc», то-есть «наше

(*) Prawda. Pismo Czasowe. Berlin. Poruań 1861. № 4 и 5 стр. 246. Авторъ принадлежитъ къ самымъ безпристрастнымъ полякамъ относительно насъ русскихъ. Такъ онъ строго осуждаетъ Wiadom Polsk. (№ 34. 1860), въ которыхъ было сказано, что каждый добрый полякъ, безъ различія политическихъ мнѣній, всегда на Востокѣ окажется пріятелемъ Турціи изъ непріязни къ Москвѣ. Онъ даже говоритъ, что поляки должны допустить патріотизмъ и въ москаляхъ и весьма вѣрно замѣчаетъ: «мы до тѣхъ поръ не достигнемъ полной зрѣлости, пока выраженіе пріязненныхъ чувствъ къ москалямъ и похвалы ихъ добрыхъ сторонъ не будутъ возбуждать никакого неудовольствія между патріотами» (№ 2). Впрочемъ, и этотъ авторъ ставитъ въ высокую миссію поляковъ просвѣтить насъ русскихъ и *окатоличить*.

призваніе стоять въ челѣ славянъ», и «намъ, старшимъ дѣтямъ славянской семьи, обязаннымъ предводительствовать ею до земли обѣтованной» (*). Чехи, по крайности одно время, также думали о своемъ чешскомъ языкѣ, какъ объ общемъ языкѣ для славянъ, особенно въ Австріи. Они страшно возстали противъ словаковъ, когда тѣ перестали писать почешски и ввели у себя свое славянское нарѣчіе. Когда чехи имъ возражали, что они на своемъ нарѣчіи не могутъ имѣть ни науки, ни образованности, то словаки имъ отвѣчали на это очень справедливо: «Мы пишемъ для нашего народа, чтобъ пробудить, воспитать и образовать его. Пусть каждый народецъ славянскій обработываетъ свое нарѣчіе, имѣетъ свою словесность. Такъ мы всѣ, славяне, скорѣе придемъ къ сознанію необходимости одного общаго литературнаго языка. Этимъ языкомъ можетъ и долженъ быть языкъ русскій, въ сравненіи съ которымъ чешскій языкъ является такимъ же нарѣчіемъ, какъ и наше словенское или всякое другое». Хорваты пишутъ теперь совершенно однимъ языкомъ съ сербами, но употребляютъ латинскую азбуку. Есть у нихъ мнѣніе, что 1,200,000 словинцевъ и около мильйона болгаръ примутъ за дипломатическій и общій языкъ ихъ нарѣчіе, или собственно сербское, ибо хорваты имѣютъ особое, отличное отъ сербскаго, нарѣчіе, *чакавское*. Ни болгары, ни словинцы не могутъ внять совѣтамъ сербскихъ и хорватскихъ патріотовъ о принятіи сербскаго, или, какъ говорятъ хорваты, *юго-славянскаго языка*, вопервыхъ, потому что такимъ образомъ имъ бы пришлось совершенно пренебречь литературною обработкою своихъ родныхъ нарѣчій, какъ то сдѣлали хорваты, принявъ съ Л. Гаемъ сербскій языкъ, а вовторыхъ, они бы оттого очень мало выиграли для своихъ литературныхъ отношеній съ нѣмцами и греками и тѣмъ бы нисколько не избавились отъ необходимости принятія русскаго языка, который для словинцевъ и, особенно болгаръ, даже ближе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ нынѣшній литературный языкъ сербо-хорватскій. Изъ 10 живыхъ славянскихъ нарѣчій три: польское, чешское и сербское были неоднократно предлагаемы какъ общій литературный языкъ; но замѣчательно, что это предложеніе всегда исходило во всѣхъ трехъ случаяхъ отъ самихъ поляковъ, чеховъ и сербо-хорватовъ и сами предлагатели никогда не думали о возможности стать которому нибудь изъ этихъ нарѣчій общимъ литературнымъ языкомъ для цѣлаго славянскаго пле-

(*) По поводу варшавскихъ демонстрацій 1861-го и 1862-го года, авторъ замѣчаетъ, что онѣ *sktaniać będą stowiańskil plemiona do uwazania Polski za prawdriwy środek cięženia Slowianszczyzny* (что они склонятъ славянскія племена почитать Польшу за истинный центръ тяготѣнія въ мірѣ славянскомъ).

мени. Совершенно иначе было съ предложеніемъ русскаго языка, мысль о которомъ впервые пошла не отъ русскихъ, а отъ самихъ же славянъ. Правда, эта мысль еще не утвердилась окончательно ни въ одной изъ народностей славянской, однако, быть можетъ, за исключеніемъ поляковъ, она имѣетъ уже приверженцевъ во всѣхъ народностяхъ славянскихъ, нетолько у православныхъ болгаръ и сербовъ, или протестантовъ словаковъ, но и католиковъ-чеховъ, словаковъ и хорватовъ. Говоря здѣсь преимущественно о южныхъ славянахъ Австріи, приведемъ мнѣнія, высказанныя объ этомъ предметѣ въ «Süd-Slawische Zeitung» 1851 года, независимомъ органѣ славянскомъ, выходившемъ въ Загребѣ.

«Наши враги стараются намъ доказать невозможность общаго языка для всѣхъ славянъ. Но если оно совершенно невозможно, къ чему натогда старый мадьяризмъ въ Венгріи, абсолютизмъ въ Австріи и наконецъ глубокая ненависть къ славянамъ до-мартовской Германіи столько употребляли усилій, столько террористическихъ мѣръ, чтобы уничтожить приверженцевъ этой идеи и на ихъ дѣятельность къ той цѣли налагали печать измѣны и преступленія, объявляли и даже, замѣтьте! приводили въ дѣйствіе возможныя противъ нихъ наказанія. Нѣтъ, уже потому самому, что извѣстные враги славянства развивали такое усердіе для уничтоженія этой идеи, друзья славянства должны ея держаться съ тою же послѣдовательностью и ввести ее въ общее сознаніе народа.

«Вообще безсмысленно говорить, что различныя славянскія народности не могутъ соединиться литературно и принять одинъ общій языкъ; нѣмецкія нарѣчія, филологически столь же отдаленныя другъ отъ друга, какъ и славянскія, могли же соединиться въ одинъ общій письменный языкъ; совершенно чуждыя народности въ Англіи приняли наконецъ одинъ общій языкъ и слились въ одну націю. Кто скажетъ утвердительно, что это *абсолютно* невозможно для народностей славянскихъ!? Безъ сомнѣнія, и славянамъ придетъ очередь до такихъ отношеній и обстоятельствъ. Мы твердо убѣждены, что даже изъ *внутренней необходимости* всѣ славянскія народности, по истеченіи извѣстнаго времени, *примутъ одинъ письменный и образованный общественный языкъ*. Самое *дѣло* для насъ выше всякаго сомнѣнія, только еще неизвѣстна *форма*, которую оно приметъ. Этому дѣлу никто не можетъ воспрепятствовать: никакое государство, никакой монархъ, никакой народъ. Форма же можетъ быть въ рѣшительную минуту творчески опредѣлена однимъ геніемъ, вторымъ богомъ, который вдохнетъ живое слово въ сто мильйоновъ человѣческихъ душъ! Лютеровъ

переводъ библіи далъ господство верхне-нѣмецкому языку; кто можетъ сказать, что во всемірно-историческій моментъ изъ среды славянъ не явится человѣкъ, который, нося въ себѣ духъ цѣлой эпохи, своею рѣчью овладѣетъ цѣлымъ племенемъ.

«Въ непоколебимости нашего убѣжденія мы глядимъ еще далѣе! Вглядимся внимательнѣе въ современное состояніе государствъ и народовъ на востокѣ Европы, проникнемъ въ общее направленіе умовъ отъ Одера и Эльбы и до Волги, представимъ себѣ неправедную слѣпоту Запада и свѣжую юную силу Востока, и по истинѣ можно смѣло заключить, что Востоку ничего не остается дѣлать, какъ оставаться вѣрнымъ своей прежней выжидательной политикѣ, пока спѣлый плодъ не упадетъ ему въ руки.

«1848-й годъ разорвалъ плотину, которая сдерживала дико между собою перемѣшанныя народности Австріи; возвращеніе къ прежней исторіи уже невозможно; такъ и славяне на практическомъ пути все будутъ теперь стремиться впередъ, сквозь всѣ препятствія. По примѣру стремленія къ единству нѣмецкаго народа съ 1801-го года, литературный (филологическій) уніонизмъ и въ славянствѣ станетъ развиваться все сильнѣе и будетъ укрѣплять въ народѣ чувство единства. Только, конечно, результаты этихъ стремленій будутъ иные, чѣмъ въ Германіи, разорванной между 38 независимыми владѣтелями. Но плоды этихъ стремленій само собою будутъ благопріятны только руссизму, русской національности и даже русскому языку.

«Не слѣдуетъ забывать, что все это будетъ результатомъ *только чисто духовнаго* развитія народа, безъ содѣйствія стихій *политическихъ*. Но если и политическія обстоятельства, что вообще очень вѣроятно, сложатся благопріятно для Россіи, даже если сохранится и statu quo, какъ онъ образовался послѣ венгерской катастрофы, то указанное умственное движеніе въ славянствѣ пойдетъ еще интензивнѣе и быстрѣе, и славяне съ полнымъ самосознаніемъ станутъ дѣйствовать въ одномъ направленіи, ибо тутъ имъ возможенъ одинъ исходъ.»

Въ другой статьѣ того же журнала такимъ образомъ разсматривается путь, который можетъ привести славянъ къ одному общему литературному языку. Авторъ видитъ два возможныхъ для того способа: одинъ въ политическомъ соединеніи всѣхъ славянъ въ одно федеративное государственное тѣло, другой въ медленномъ, но вѣрномъ развитіи у всѣхъ славянъ убѣжденія въ необходимости общаго языка.

Намъ кажется, что судьба славянскаго вопроса объ общемъ славянскомъ языкѣ представляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ

общаго направленія современной славянской образованности: подымается вопросъ, возбуждается много толковъ, съ необыкновеннымъ жаромъ высказываютъ самыя необузданныя желанія, за которыми быстро слѣдуютъ охлажденіе, разочарованіе и апатія. Славянскій міръ, лишенный независимости и самостоятельности, такъ полонъ воображаемою славою своего прошедшаго и будущаго, такъ привыкъ и сжился съ мечтательностію, что принимаясь за рѣшеніе любимаго прошлаго вопроса, онъ прежде всего его запутываетъ и усложняетъ и вмѣсто того, чтобы начать дѣло сначала, онъ уже впадаетъ въ грезы и мечтанія о томъ, что выйдетъ изъ конца дѣла, котораго онъ не начиналъ. Такъ поступали славяне и съ вопросомъ о русскомъ языкѣ. Вмѣсто того, чтобы распространить его у себя въ обществѣ и народѣ, они по большей части фантазировали о томъ, что можетъ воспослѣдовать изъ распространенія русскаго языка между ними. Слабосиліе славянской интеллигенціи въ Австріи представляется очень комическимъ, если принять во вниманіе, что люди горячо спорятъ о томъ, можно или не можно имъ принять русскій языкъ, какіе отъ того произойдутъ результаты, позволитъ ли или не позволитъ имъ правительство писать по-русски, а сами между тѣмъ стараются выучиться по-русски, ознакомиться съ нашею литературою, хотя бы только для того, чтобы въ этомъ знаніи почерпнуть доказательства въ пользу того или другаго мнѣнія, за необходимость или невозможность принятія имъ русскаго языка общимъ органомъ образованности.

Что славянскій міръ можетъ выйти изъ своего нынѣшняго жалкаго, служебнаго и рабскаго положенія не иначе, какъ самостоятельнымъ развитіемъ оригинальной славянской образованности, что никакого сильнаго, мощнаго развитія не могутъ достичь ни въ художествѣ, ни тѣмъ болѣе въ наукахъ, 9 маленькихъ литературъ, обработываемыхъ народами, которые въ совокупности не составляютъ и полныхъ тридцати мильйоновъ—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, точно такъ же, какъ и въ томъ, что русскій языкъ и литература въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должны достичь колоссальныхъ размѣровъ. Въ виду этихъ двухъ фактовъ—малочисленности, внѣшней и внутренней слабости 9 славянскихъ народностей внѣ Россіи, и многочисленности, внѣшней и внутренней силы нашего народа, мы, русскіе, не можемъ не вѣрить въ будущность русскаго языка, какъ общаго литературнаго языка для всѣхъ славянъ. Чѣмъ больше мы будемъ узнавать славянъ, тѣмъ яснѣе будетъ представляться намъ необходимость и неизбѣжность такого исхода. Вмѣсто всякихъ грезъ и мечтаній, на славянскій манеръ, о значеніи и послѣдствіяхъ такого явле-

нія, которое во всякомъ случаѣ лежитъ въ довольно далекомъ будущемъ, мы, русскіе, обязаны усердно изучать всѣ народности славянскія въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ, знакомиться со всѣми господствующими у нихъ направленіями и заботиться о распространеніи русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи, объ устройствѣ правильныхъ книжныхъ сношеній съ разными землями славянскими. Для этого было бы всего важнѣе, чтобы наши книгопродавцы вступили въ прямыя связи съ лучшими книгопродавцами Австріи, и именно въ двухъ пунктахъ, въ Вѣнѣ и Пештѣ, ибо запросъ на русскія книги, можно сказать, съ каждымъ годомъ возрастаетъ въ Австріи и особенно въ Венгріи нетолько между славянами, но и мадьярами, въ средѣ которыхъ есть уже нѣсколько любителей и знатоковъ русскаго языка и литературы. Полезно бы было, еслибы одно изъ нашихъ обществъ (напримѣръ, московское общ. любит. словесности) предложило премію въ 600—700 руб. сер. за изложеніе вопроса объ общемъ литературномъ языкѣ для всѣхъ славянъ и за то или другое его рѣшеніе. Программа эта должна быть разослана во всѣ славянскія земли, чтобы вызвать различныхъ славянскихъ писателей высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ или вопросѣ, который понынѣ остается неразрѣшеннымъ окончательно въ сознаніи южныхъ и западныхъ славянъ. Къ соисканію преміи приглашаются всѣ славяне, исключая русскихъ.

Распространеніе русскаго языка, знакомство съ русскою литературою могли бы, намъ кажется, имѣть очень благотворное вліяніе на современное направленіе южныхъ славянъ въ Австріи, у которыхъ теперь мѣстные, провинціальные вопросы до того овладѣли общественнымъ вниманіемъ, возбуждаютъ такую племенную вражду, автономическую ревность и зависть, именно между сербами православными, сербами католиками и хорватами въ Славоніи, Хорваціи, Далмаціи, поддерживаютъ такое народное и племенное самохвальство, что нельзя наконецъ не ожидать реакціи, то-есть другаго, противнаго движенія здоровыхъ, лучшихъ, молодыхъ общественныхъ силъ, которое можетъ быть точно такъ же опасно. Всѣ эти безпощадные взаимные попреки, горячія препиранія за іоту, за какія-то существующія только на бумагѣ историческія права, за какихъ-то чуть не миѳическихъ героевъ и королей X, XI вѣка, не могутъ подъ конецъ не внушить даровитой, лучшей части молодёжи сербской и хорватской отчаяніе въ своей народности, полное отвращеніе ко всѣмъ роднымъ, даже здоровымъ интересамъ. Не находя удовлетворенія общимъ и высшимъ потребностямъ въ своей домашней образованности, молодыя и даровитѣйшія силы сербо-хорватовъ невольно притягиваются къ чуждымъ и враждеб-

нымъ ихъ обществамъ: мадьярскому, итальянскому и нѣмецкому. Въ русской литературѣ южно-славянское общество нашло бы удовлетвореніе и тѣмъ законнымъ потребностямъ духа, которыя теперь или вовсе остаются неудовлетворенными, или удовлетворяются въ ущербъ оригинальности ихъ народнаго характера. Тутъ бы была доля южныхъ славянъ возвышаться надъ мелкими, провинціальными интересами своихъ маленькихъ родинъ и въ то же время оставаться славянами, чувствовать свою особенность передъ мадьяромъ, итальянцемъ и нѣмцемъ, и въ то же время быть свободну отъ пошлаго патріотическаго самохвальства и мелкаго племеннаго эгоизма, которые очень часто у сербскихъ и хорватскихъ патріотовъ доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ. Теперь образованные сербы и хорваты до такой степени мало знаютъ Россію и соплеменный многомильонный русскій народъ, что нетолько нѣмцы, но даже, наконецъ, мадьяры, умственное превосходство которыхъ они всегда отвергаютъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи передъ ними большое преимущество. Между тѣмъ еслибы они, пользуясь своимъ природнымъ, чисто-даровымъ положеніемъ, сходствомъ языковъ, близостью народныхъ нравовъ и быта, постарались ознакомиться съ языкомъ, литературою и исторіею Россіи, то въ общемъ образованіи имѣли бы огромное преимущество передъ своими противниками: мадьярами, итальянцами и нѣмцами, именно въ знаніи и пониманіи огромнѣйшей страны въ мірѣ, значеніе которой въ мірѣ постоянно усиливается. Это знакомство съ Россіею принесло бы огромную пользу сербамъ и хорватамъ, указало бы имъ на важность сравнительнаго изученія нетолько языковъ, но и народной словесности, народнаго быта, исторіи всѣхъ народностей славянскихъ. Мы нисколько не думаемъ отводить сербовъ и хорватовъ отъ изученія и другихъ славянскихъ народностей и литературъ, но все-таки настаиваемъ преимущественно на изученіи русской, потому что въ своей гордой исключительности и племенномъ самодовольствѣ Россію они уважаютъ по крайности какъ народъ многочисленный и политически независимый, другихъ же соплеменниковъ они считаютъ уже совершенно ниже себя. Они могутъ такимъ образомъ начать учиться русскому языку скорѣе, чѣмъ всякому другому славянскому. Впрочемъ, по правдѣ сказать, благотворное и отрезвляющее вліяніе на сербо-хорватскій патріотизмъ можетъ имѣть одна только русская литература, ибо всѣ другія славянскія литературы болѣе или менѣе страдаютъ тѣмъ же мѣстнымъ провинціальнымъ духомъ, такимъ же одуревающимъ патріотическимъ само-

хвальствомъ, тою же племенною исключительностью, такою же мечтательностью, какъ и сербо-хорватская литература (*).

Распространеніе русскаго языка, знакомство съ русскою литературою, вообще духовное общеніе съ Россіею, по нашему искреннему убѣжденію, всего скорѣе могутъ способствовать устраненію тѣхъ слабыхъ и темныхъ сторонъ, которыя мы замѣтили въ современномъ движеніи южно-славянской идеи. Препятствія къ ея осуществленію, къ собранію южно-славянскихъ земель, къ образованію плотной южнославянской федераціи, нетолько внѣшнія, но и внутреннія. Россія можетъ и должна помогать этому дѣлу. Если русское образованное общество искренно желаетъ пользы славянамъ, то оно обязано помогать имъ нетолько матеріально, но и духовно, ибо русскій народъ отличается отъ своихъ бѣдныхъ и слабыхъ соплеменниковъ нетолько внѣшнею силою, но и нравственною мощью и богатствами духовныхъ силъ.

Разсмотрѣвъ свѣтлыя и темныя стороны современнаго южно-славянскаго движенія въ Австріи, мы приходимъ къ убѣжденію, что оно далеко еще не такъ опасно для Австріи и не такъ полезно для сербскаго княжества, какъ бывшее національное движеніе въ Тосканѣ, Ломбардіи по отношенію къ Австріи и Пьемонту. Но, тѣмъ не менѣе, и оно можетъ принести пользу для славянскаго дѣла, если сербскіе и хорватскіе патріоты перестанутъ хотя на время враждовать между собою, и, менѣе раболѣпные передъ Вѣною, будутъ болѣе вѣрны своей народности, своему историческому призванію, когда постараются быть вѣрными своей великой юго-славянской идеѣ нетолько въ стихахъ, но и въ суровой прозаической дѣйствительности. Австрія поняла всю опасность своего положенія на югѣ. Ея офиціальные и офиціозные органы не могли скрыть всей своей злобы и ненависти къ Россіи, когда говорили о послѣднемъ провозѣ ружей въ Сербію. Про-

---

(*) Этимъ характеромъ наименѣе запечатлѣны словаки и наиболѣе поляки, которые свою племенную исключительность, особенно въ отношеніи русскихъ, простираютъ иногда до комической нелѣпости. Теорія Духинскаго о неславянскомъ происхожденіи великоруссовъ, принята большинствомъ польскаго общества, вполнѣ также увѣреннаго, что малорусское и бѣлорусское нарѣчія точно такъ же польскія, какъ и мазурское или кашубское, что Слово о полку Игоревѣ, лѣтопись Нестора писаны на польскомъ языкѣ и т. д. Неизвѣстный авторъ «Wiadomości z Kraju z lat 1861 i 1862. Lipsk. 1863» подаетъ, между прочимъ, своимъ землякамъ благой совѣтъ: *«сжечь всѣ русскія книги,* если какія у кого находятся въ библіотекѣ, *или продать ихъ въ пользу семействъ* бѣдной *чиншовой* шляхты» (spalię książki Rossyiskie, jeśli jakie są u bibliothece lub też sprzedać takowe na korzyść dzieci ubogiéj szlachty czynszowéj). стр. 183. Послѣ того можно ли удивляться героизму Коняша и другихъ іезуитовъ, хвалившихся количествомъ сожженныхъ ими чешскихъ гусситскихъ книгъ и рукописей.

стой народъ сербскій въ Австріи, особенно граничары, питаетъ глубокое сочувствіе къ сербамъ и черногорцамъ, съ которыми онъ связанъ и вѣрою и языкомъ, общими воспоминаніями о сербскомъ царствѣ, о паденіи его на Косовѣ, о славныхъ народныхъ богатыряхъ, юнакахъ, общею ненавистью къ туркамъ, одинъ слухъ о возстаніи противъ которыхъ воодушевляетъ почти каждаго простаго серба въ Австріи, особенно въ Границѣ, глубокимъ энтузіазмомъ. Такимъ образомъ Австрія можетъ быть принуждена къ бездѣйствію, въ случаѣ возстанія княжества. Въ современномъ направленіи хорватскихъ и особенно сербскихъ патріотовъ Австріи мы примѣтили и свѣтлыя стороны. Можно надѣяться на ихъ дальнѣйшее развитіе, которое должно очистить ихъ самосознаніе и поселить въ нихъ твердое убѣжденіе, что въ Австріи южнымъ славянамъ нѣтъ никакого будущаго, что центръ тяжести южнаго славянства лежитъ отнюдь не въ нихъ, не въ мечтательномъ тріединомъ королевствѣ, а въ славянахъ турецкихъ и во главѣ ихъ въ княжествѣ сербскомъ и Черногоріи.

Мы уже указали на преимущества сербовъ княжества передъ сербами, хорватами и вообще всѣми славянами въ Австріи. Къ сожалѣнію, нѣкоторыми изъ нихъ, Сербія сама очень мало пользовалась, не цѣня достаточно ихъ важности. Впрочемъ, такой недостатокъ объясняется очень естественно. Въ Сербіи и государство и общество начинаютъ только слагаться, а народъ безъ общества можетъ только чувствовать свое призваніе и свои задачи, но строгое и ясное ихъ сознаніе становится ему доступно уже по образованіи въ немъ общества съ самостоятельнымъ народнымъ просвѣщеніемъ. Эти преимущества Сербіи даны ей исторіею. Она счастливѣе всѣхъ славянъ австрійскихъ безъ исключенія тѣмъ, что можетъ развивать свой юридическій государственный бытъ, свое просвѣщеніе на началахъ чисто-народныхъ. Въ этомъ отношеніи она разнится отъ славянъ австрійскихъ и похожа на Россію. Отсюда проистекаетъ другое ея преимущество передъ ними. Она ближе ихъ по всему къ славянамъ турецкимъ, лучше ихъ можетъ понимать общую задачу славянскаго міра, отношенія славянъ къ Австріи, внутренній характеръ и значеніе Россіи.

До сихъ поръ сербы—и въ этомъ опять ихъ сходство съ русскими—нетолько не пользовались этими преимуществами, но часто совершенно ими пренебрегали. Словомъ, если можно такъ выразиться, они также имѣли свой петербургскій періодъ въ маломъ видѣ. Огромное большинство сербовъ, устроивавшихъ и понынѣ устраивающихъ государственный и гражданскій бытъ Сербіи, направляющихъ въ ней

народнымъ образованіемъ, руководились и руководятся воззрѣніями иностранными, западными, ненародными. Швабы и паризліи стараго поколѣнія, воспитанники Австріи или поклонники бонапартизма въ ревности своей доказать Европѣ, что Сербія способна къ самостоятельной государственной жизни, завели въ ней многочисленную бюрократію, строгую полицію, перевели и скопировали множество иностранныхъ учрежденій и законовъ, всячески тѣмъ ослабляя самостоятельный народный бытъ, народную скупштину. За этими двумя партіями возникло въ послѣднее время третье направленіе. Его держатся большею частію молодые люди, воспитанные заграницею или въ Россіи. Ихъ можно назвать радикалами. Сами себя они называютъ *народною партіею* и *слободняками* или *напредњакими*, то-есть, по нашему, *прогресистами*. Желая самыхъ либеральныхъ и новѣйшихъ конституціонныхъ учрежденій съ отвѣтственными министрами и такъ далѣе, они бы хотѣли народному собору (какъ то было на андреевской скупштинѣ 1858-го г.) передать всю власть надъ страною, а князя сдѣлать лишь простымъ исполнителемъ рѣшеній скупштины, что̀ вообще совершенно противно славянскому народному праву и воззрѣніямъ сербовъ на взаимныя отношенія земли и государства, вообще очень сходнымъ съ воззрѣніями русскаго народа. Нынѣшній князь Михаилъ Обреновичъ, уже за одно свое имя любимый и уважаемый народомъ, къ сожалѣнію, самъ такъ слабо стоитъ на народной почвѣ, что подъ вліяніемъ тѣхъ же иностранныхъ понятій, какъ и его министры швабы или старые паризліи, глядитъ и на своихъ радикаловъ съ какимъ-то страхомъ и опасеніемъ, старается усилить надъ ними тайный полицейскій надзоръ, не позволяетъ имъ издавать газеты. Нельзя безъ улыбки вспомнить объ одномъ случаѣ, всѣмъ извѣстномъ въ Сербіи, который особенно породилъ неудовольствіе князя на радикаловъ. Впрочемъ, при всей наружной невинности этихъ шалостей, постоянное пяленье на западно-европейскій образецъ не осталось и безъ дурныхъ послѣдствій на Сербію. Усиленная законодательная ревность, доказываемая XVI томами сербскаго Свода Законовъ, судоустройство и судопроизводство, переведенныя и скопированныя съ иностранныхъ образцовъ, взятыхъ отъ западныхъ государствъ старыхъ и развитыхъ, воспитанныхъ въ началахъ романо-германскихъ, имѣли во многихъ отношеніяхъ вредное вліяніе на юный православный сербскій народъ. Иначе и быть не могло. У насъ въ Россіи громадныя пространства всегда служили великимъ препятствіемъ распространенію государственной опеки и регламентаціи. Громадность нашего государственнаго организма не да-

вала возможности имѣть исправную и послушную бюрократію, въ самыхъ недостаткахъ которой органическая народная жизнь находила себѣ защиту. Какъ ни велика въ Сербіи бюрократія, какъ ни обширно дѣлопроизводство, но по самой малости страны, она никогда не можетъ достигнуть такихъ громадно-чудовищныхъ размѣровъ, которые бы лишали сербское чиновничество и силы и значенія. По малости страны, сербское правительство легко можетъ наблюдать за строгимъ исполненіемъ своихъ указовъ и предписаній, а сербскому народу очень трудно, часто невозможно обходить ихъ. Такимъ образомъ, въ своей попечительности сербское государство не пощадило даже *задруги* и *общины*. Власть капитана въ сразѣ такъ обширна и дѣятельна, что даже выборы общинныхъ сельскихъ старостъ рѣдко проходятъ безъ вмѣшательства центральной власти. Едва-ли не *европейской* же, скопированной юстиціи, слѣдуетъ приписать постепенное умноженіе сутяжничества въ Сербіи, которое дурно дѣйствуетъ на народную нравственность. Такъ въ 1847-мъ году большихъ процесовъ въ Сербіи было 10.111, въ 1857 году — 25.884, малыхъ въ 1853 году — 43.605, въ 1857 году — 53.093. Такимъ образомъ въ годъ на мильйонъ душъ приходится процесовъ большихъ и малыхъ отъ 59.310 до 76.290.

Другое преимущество Сербіи относительно западныхъ славянъ заключается, какъ мы сказали, въ томъ, что она лучше можетъ понимать Россію и задачи и призваніе славянскаго міра. Но и этимъ преимуществомъ Сербія пользуется еще очень мало. Между тѣмъ какъ нѣкоторые австрійскіе славяне, напримѣръ русскіе и словаки въ Венгріи, очень бы хотѣли ввести у себя въ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе русскаго языка и русской литературы, но встрѣчаютъ тому сильное препятствіе нетолько въ Вѣнѣ, но и въ мадьярахъ, сербы, независимые сербы, единовѣрные Россіи, связанные съ нею самыми дорогими воспоминаніями, до сихъ поръ не сочли нужнымъ о введеніи въ свои гимназіи или лицеи преподаванія русскаго языка, русской исторіи и литературы. До сихъ поръ русскій языкъ преподается только въ семинаріи, но намъ кажется, что его знаніе полезно и необходимо нетолько сербскому духовенству, но и всякому образованному сербу. Желая доказать западнымъ державамъ свой европеизмъ, нѣкоторые образованные сербы наперерывъ стараются увѣрить европейцевъ въ томъ, что къ Россіи они не имѣютъ ни малѣйшаго сочувствія. Въ самомъ дѣлѣ, сербская интеллигенція, особенно изъ парижліевъ, часто готова передъ европейцемъ на самую отчаянную ложь, лишь бы доказать ему, что сербскій народъ не имѣетъ ничего соли-

дарнаго и общаго съ русскимъ. Распинаясь въ этомъ, нѣкоторые паризліи поступаютъ даже совершенно добросовѣстно, ибо, вовсе не зная Россіи, своимъ ложнымъ, поверхностнымъ образованіемъ въ Парижѣ, совершенно отрываются и отъ всего народа. Большинство нынѣшнихъ министровъ, а во главѣ ихъ Гарашанинъ и Мариновичъ, стараются изъ всѣхъ силъ доказать свою французоманію, свою преданность Западу и его великому представителю, Наполеону. Ихъ воззрѣніе на Россію можно выразить слѣдующими словами: «отношенія Сербіи къ Россіи опредѣляются отношеніями Россіи къ Франціи: хороша Россія съ Франціею—и мы хороши съ нею, узы же единовѣрія и единоплеменности не имѣютъ никакого значенія, ни къ чему сербовъ не обязываютъ». Нѣкоторые сербскіе дипломаты въ крымскую войну до того простерли свою угодливость Западу, что народъ сербскій, начинавшій догадываться объ ихъ планахъ, едва не наказалъ ихъ уже вовсе не дипломатически. Мы не станемъ опровергать этой теоріи, ложной и нелѣпой, съ философской и исторической точки зрѣнія, и безнравственной въ практическомъ отношеніи; замѣтимъ только, что она можетъ служить новымъ доказательствомъ, что полуобразованность, нѣкоторая наметанность и умѣлость въ дѣлахъ и особенно въ интригахъ, которыми отличается большинство сербскихъ государственныхъ мужей, нетолько не даютъ имъ преимущества передъ простымъ православнымъ сербомъ, но и ставятъ ихъ гораздо ниже его, ибо сербскій селякъ своимъ вѣрнымъ нравственнымъ чутьемъ и здравымъ смысломъ удивительно глубоко понимаетъ громадное значеніе единовѣрія и единоплеменности, эти двѣ великія историческія силы въ жизни народовъ, такъ недавно, и то еще не вполнѣ оцѣненныя современною наукою. Русскій въ разговорѣ съ селякомъ сербомъ бываетъ пораженъ замѣчательнымъ сочетаніемъ чувства благородной гордости и независимости самостоятельнаго народа и глубокой преданности своему князю вмѣстѣ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и любовію къ русскому царю, какъ царю православному, который, по его понятіямъ, обязанъ соблюдать и защищать интересы православныхъ христіанъ. Молодые парizліи, сербы-радикалы уже смотрятъ на Россію нѣсколько иначе, чѣмъ старые: они придаютъ большое значеніе единоплеменности, очень близкой съ современнымъ принципомъ національности. Но о пониманіи ихъ Россіи можно судить по тому, что они разумѣютъ подъ народною русскою партіею, или по забавнымъ мнѣніямъ, иногда наивно высказываемымъ ими, что сербы внесутъ въ Россію чистыя понятія о свободѣ. Цѣня единоплеменность, они, разумѣется, какъ и подобаетъ современнымъ либера-

ламъ, нимало не уважаютъ начала единовѣрія. Иные изъ нихъ даже любятъ доказывать, что сербскій народъ вовсе не благочестивъ, между тѣмъ, какъ у него имя *сербъ*, подобно имени *русскаго человѣка* у народа русскаго, неразрывно связано съ понятіемъ православнаго, такъ что всякій природный сербъ, если онъ католикъ уже сербомъ не называется, а *шокцемъ* или *буневцемъ*, а напротивъ всякой православный, безъ различія народности, есть уже *сербъ*. Такъ мнѣ самому не разъ случалось слышать слѣдующее наивное замѣчаніе отъ простыхъ сербовъ, когда я говорилъ имъ, что я русскій: «Руси тако су Срби». Одинъ крестьянскій мальчикъ внутри Сербіи въ разговорѣ со мною спросилъ меня даже: «Кажи мени, јесу ли Енглези *срби* или *швабu*». Сказанное мною объ обращеніи простыхъ сербовъ съ русскими еще болѣе примѣняется къ княжеству, гдѣ народъ любитъ русскихъ, нетолько какъ такихъ же *сербовъ* (тоесть православныхъ), какъ и онъ самъ, но и какъ народъ, помогавшій ему въ освобожденіи отъ турецкаго ига, и, слѣдовательно, необманувшій его давнишнихъ ожиданій, такъ превосходно выраженныхъ въ простой сербской пѣснѣ, которую я напомню читателямъ, чтобы они могли сами видѣть всю ненародность воззрѣній на Россію, какъ образованныхъ сербовъ *дипломатовъ и бонапартистовъ*, такъ и молодыхъ радикаловъ. Пѣсня разсказываетъ, что турецкій царь Муезитъ получилъ однажды изъ *Москвы пространной* грамоту и драгоцѣнные подарки, которыми царь былъ очень доволенъ и передъ всѣми похвалялся. Одно его занимало, какъ бы достойно отдарить *великаго царя московскаго*. У всѣхъ, приходившихъ къ нему, спрашивалъ онъ, что̀ бы послать въ *землю московскую*. Пришелъ къ нему Соколовичъ-паша и совѣтуетъ лучше всего для этого обратиться къ старцу патріарху. Тотъ сказалъ ему: «Султанъ-царь, яркое солнце. Я не твоей науки, ибо тебя и Богъ научилъ. У тебя, царь, въ твоемъ царствѣ есть дары за отдаренье, которые тебѣ непотребны, а имъ бы были очень дороги. Пошли посохъ Неманича Савы, золотой вѣнецъ царя Константина и одежду святаго Іоанна, крестовое знамя сербскаго князя Лазаря. Это тебѣ, царь, вовсе ненужно, а имъ будетъ очень дорого». Царь послушался патріарха и отдалъ всѣ эти вещи московскимъ посламъ. Провожая ихъ, патріархъ научилъ ихъ идти другою дорогою: «за вами будетъ погоня, чтобы отнять у васъ христіанскія знаменія, а я ужь погубилъ свою голову, и тѣло мое ужь погибло, но не погибнетъ, богъдастъ, душа моя». Пришелъ къ царю Соколовичъ-паша. Онъ и сталъ

передъ нимъ похваляться, какіе онъ дары послалъ въ московскую землю, по совѣту старца патріарха. Отвѣчалъ ему паша:

«Какъ послалъ ты христіанскіе знаки, зачѣмъ ужь не послалъ и ключей отъ Стамбула? Послѣ отдашь ихъ на стыдъ себѣ, что тебѣ и держало царство». Послали погоню за московскими послами, чтобъ отнять отъ нихъ дары и убить ихъ самихъ, но ихъ не догнали. Старцу патріарху отрубили голову. «Въ цѣломъ нашемъ народѣ—говоритъ Вукъ Степановичъ — господствуетъ убѣжденіе, что эти драгоцѣнныя и святыя вещи были у турокъ, а потомъ отнесены въ Россію». Въ другой пѣснѣ разсказывается нѣсколько иначе: *госпа Іелисавка*, московская царица, написала письмо султану Сулейману о томъ, что у него хранится *ея* наслѣдье:

Золотой вѣнецъ царя Симеона:
И одежда святаго Іоанна,
Крестовое знамя царя Константина,
Золотой посохъ святаго отца Савы,
Острая сабля Сильнаго Стефана
И икона отца Димитрія.

Требуя его себѣ, она обѣщала отдарить султана миромъ на тридцать лѣтъ, пшеницею для войска на девять лѣтъ, и сверхъ того соорудить ему золотую мечеть; если же не пришлетъ ея наслѣдья, то она объявитъ ему войну. Султанъ отвѣчалъ, что эти вещи не у него, а въ Крыму у *царя Татарана*, который грубо отказалъ ей. *Госпа Іелисавка* объявила ему войну, завладѣла Крымомъ и своимъ наслѣдьемъ.

Эти пѣсни всего лучше рисуютъ отношенія сербскаго народа къ Россіи, на которую онъ, слѣдовательно, глядитъ вовсе не такъ, какъ и на всякую другую сильную державу. По его воззрѣнію, самъ патріархъ, высшій представитель православныхъ, жертвуетъ своею жизнью для того, чтобы вырвать изъ рукъ турокъ лучшія сокровища сербовъ и отправить ихъ въ Россію. То, чѣмъ держалось турецкое царство, по волѣ святителя, отдается Москвѣ. Въ другой пѣснѣ сербскія христіанскія святыни называются *наслѣдьемъ*, *отчевиною* (patrimonium) московской царицы. Два указанные нами взгляда, господствующіе въ нѣкоторой части образованныхъ сербовъ, такъ же мало соотвѣтствуютъ народному сербскому воззрѣнію, какъ и очень сходные съ ними взгляды такъ называемыхъ нашихъ западниковъ, ни мало не согласны съ воззрѣніемъ русскаго народа на наши отношенія къ соплеменникамъ и особенно единовѣрцамъ. Одни изъ нихъ полагаютъ, что Россія не должна глядѣть на славянъ иначе, какъ на всякій другой народъ въ Европѣ, что наше духовное обще-

ніе съ ними — пустое требованіе разгоряченной фантазіи и сентиментальнаго направленія, что оно нетолько неполезно намъ, но даже и вредно, ибо отклоняетъ насъ отъ прямыхъ связей съ Западомъ, у котораго есть чему учиться, а славяне—народы порабощенные и слабые—заслуживаютъ только сожалѣнія, а не уваженія и не могутъ возбуждать въ насъ симпатій болѣе, чѣмъ, напримѣръ, негры и всякій другой несчастный народъ. Другіе образованные русскіе признаютъ важность начала національности, а слѣдовательно и единоплеменности, но отрицаютъ всякое серьёзное значеніе за началомъ единовѣрія. Они говорятъ: наше духовное общеніе должно быть тѣснѣе съ западными, чѣмъ съ восточными славянами: первые образованнѣе насъ, а вторые исполнены различныхъ предразсудковъ и суевѣрій, отъ которыхъ мы начали избавляться только въ послѣдніе полтора вѣка. Осуждая восточныхъ и восхваляя западныхъ славянъ и ссылаясь при этомъ на послѣдніе выводы современной науки, наши прогрессисты обличаютъ въ этомъ случаѣ полное свое невѣдѣніе и народовъ, о которыхъ судятъ, и науки, на которую опираютъ свои приговоры, ибо послѣдняя намъ доказываетъ, что восточные славяне, болгары и сербы, хранятъ въ себѣ гораздо болѣе здоровыхъ стихій и зачатковъ самостоятельнаго просвѣщенія, чѣмъ славяне западные: хорваты, словинцы, чехи, сербо-лужичане и поляки, народный бытъ которыхъ потерпѣлъ сильное искажающее вліяніе романо-германской стихіи, что превосходство западно-славянской образованности передъ русской даже чисто съ внѣшней точки зрѣнія подлежитъ еще сомнѣнію, что даже допустивши это превосходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, надобно признаться, что образованность западно-славянская не отличается самостоятельнымъ характеромъ, достойна нашего изученія скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ, что вообще западные славяне занимательны и дороги Россіи вовсе не цивилизаціею, которую мы можемъ и должны изучать въ самомъ источникѣ, у самыхъ народовъ романо-германскихъ. Сходство этихъ ложныхъ русскихъ воззрѣній на славянъ, особенно восточныхъ, съ ложными сербскими воззрѣніями на Россію отнюдь не случайное. Они тѣсно связаны съ столь же ложными мнѣніями нѣкоторыхъ образованныхъ русскихъ и сербовъ о гражданскомъ и государственномъ развитіи русскаго и сербскаго народа. Сходство сербовъ, швабовъ и паризліевъ съ русскими западниками происходитъ отъ однородности коренныхъ началъ русской и сербской народности, отклоненіе отъ которыхъ выражается въ одинакихъ, болѣе или менѣе безобразныхъ явленіяхъ.

*

Но какъ, съ одной стороны, русскій народный организмъ громаднѣе сербскаго, то и различныя отправленія его достигаютъ такихъ рѣзкихъ и законченныхъ очертаній, часто такихъ колоссальныхъ размѣровъ, которые въ Сербіи, по своей недоразвитости, бываютъ часто едва замѣтными, и какъ съ другой стороны въ Россіи уже наступила народная реакція противъ ложнаго направленія подражательной образованности и вызвала критику началъ западно-европейской, романо-германской и восточно-европейской, греко-славянской образованности, то понятно, почему изученіе Россіи, ея литературы въ настоящее время особенно необходимо для Сербіи, общеніе которой съ Западомъ съ каждымъ годомъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Если не критическое отношеніе къ Западу имѣло такія вредныя послѣдствія для Россіи, столь громаднаго организма, то что же оно можетъ произвесть съ маленькою Сербіею, которая теперь и безъ того находится къ Западу въ отношеніяхъ гораздо болѣе невыгодныхъ, чѣмъ Россія въ XVIII-мъ вѣкѣ. Русскій народъ вдвинулъ свою державу въ систему большихъ европейскихъ государствъ, нетолько не съ помощью Запада, но и противъ всякаго его желанія и ожиданія. Онъ завоевалъ себѣ мѣсто въ мірѣ европейскомъ, вовсе не справляясь, хочетъ ли его Европа или нѣтъ. Сербія должна заискивать себѣ расположенія у Европы, принуждена безпрестанно доказывать Европѣ, что ея самостоятельность не представляетъ для нея никакой опасности. Въ этомъ заискиваніи, въ этой captatione benevolentiae всегда есть что-то унизительное и ~~тѣсное~~ опасное для личной и народной самостоятельности. Тутъ особенно потребно ясное, развитое самосознаніе, чтобы въ излишней угодливости не пожертвовать тѣми дарами и сокровищами духа, которыя и для частнаго человѣка и для народовъ должны быть святынею. Масса даровитаго сербскаго народа на этотъ счетъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній и опасеній. Дивнымъ инстинктомъ онъ глубоко понялъ великое различіе между свободою духовною и политическою, между внѣшнимъ и духовнымъ рабствомъ. Это всего лучше доказывается его исторіей послѣ Косовской битвы 1389-го года и великолѣпною народною пѣснью, въ которой сербы выразили свое народное воззрѣніе на свою судьбу подъ игомъ турецкимъ. Разумѣю пѣсню: «Пропаст царства сербскога» (Вук. Пјесме, 2 изд., 2 т., стр. 295). Передъ Косовымъ святитель Илія принесъ царю Лазарю письмо отъ Богородицы: «Царь Лазарь, честное колѣно! Какое хочешь избрать себѣ царство? Хочешь ли царство небесное, или хочешь царство земное? Если хочешь царство земное, сѣдлай коня, подвяжи колѣна, вооружитесь витязи саблями и

нападайте на турокъ, все погибнетъ турецкое войско. Если жъ хочешь небеснаго царства, то соорудп на Косовѣ церковь, не клади ей основаніе изъ мрамора, но изъ чистаго шелка и багряницы, потомъ причасти и устрой войско — все твое погибнетъ войско, и ты князь съ нимъ погибнешь.» Царь Лазарь, подумавши, предпочелъ себѣ и сербамъ небесное царство:

Земалско је за малено царство,
А небеско у век и до века.

Эта пѣсня внушена не пустымъ народнымъ самолюбіемъ, желавшимъ оправдать гибель и паденіе Сербіи, а удивительно глубокимъ пониманіемъ исторической истины. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы сербы измѣнили православію, перешли въ исламъ или приняли унію и католицизмъ, то они, конечно, были бы теперь свободными отъ турецкаго ига. Компромиссовъ и сдѣлокъ съ высшими народными началами, съ народною святынею не допуститъ народъ сербскій, сознательно, и въ настоящее время, но нынѣ онъ уже выходитъ изъ своей непосредственности, въ немъ образуется общество, которое легко и безсознательно поддается соблазнамъ западной цивилизаціи, не разбирая, что въ ней для сербовъ есть пригоднаго, что часто глубоко противно ихъ народнымъ началамъ. Для образующагося сербскаго общества оттого такъ важно и необходимо изученіе соплеменной и единовѣрной Россіи, пережившей этотъ тяжелый періодъ въ жизни всякаго народа юнаго и неразвитаго, вступающаго въ близкое соприкосновеніе съ старою, развитою цивилизаціею, основанною на иныхъ историческихъ и народныхъ началахъ, часто нетолько противоположныхъ, но и низшихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнительно съ историческими началами этого юнаго народа. Такое изученіе Россіи важно для сербовъ нетолько въ отрицательномъ, но и въ положительномъ смыслѣ. По сходству и однородности историческихъ началъ сербскаго и русскаго народа, сравнительное изученіе всѣхъ аналогическихъ явленій органической, непосредственной и искусственной (культурной) жизни того и другаго представляется теперь дѣломъ первой необходимости для сербской образованности. Русскій языкъ, народная словесность, народный бытъ и русская исторія должны быть изучаемы сербами въ ихъ собственныхъ интересахъ такъ же усердно, какъ и сербскій языкъ, сербская народная словесность, народный бытъ и исторія нами, русскими, для успѣховъ нашего народнаго самосознанія. Современная русская литература имѣетъ теперь въ Сербіи нѣсколькихъ любителей, но нельзя не пожелать,

чтобы легкій дилеттантизмъ, неумѣренное поклоненіе Бѣлинскому и чтеніе нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ смѣнились бы болѣе строгимъ и основательнымъ знакомствомъ, особенно съ русскою ученою литературою и съ русскими историческими и народными памятниками. Для этого прежде всего необходимо введеніе въ высшихъ сербскихъ гимназіяхъ и въ лицеяхъ преподаваніе русскаго языка, русской литературы и исторіи. Пусть сербское правительство и сербы паризліи перестанутъ на каждомъ шагу справляться съ тѣмъ, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна, спрашивать, что подумаетъ Европа или Франція или что скажетъ на это французскій консулъ. Пора имъ наконецъ убѣдиться, что они нетолько роняютъ себя, но и оскорбляютъ народъ, котораго представляютъ, боясь западныхъ упрековъ и выговоровъ за сочувствіе къ Россіи. Пора же имъ самимъ понять и смѣло высказать Европѣ, что это сочувствіе можетъ быть истреблено въ сербахъ только тогда, когда Россія перестанетъ быть русскою, а сербы сербами. Да не думаютъ они также, что въ этомъ введеніи въ Сербіи преподаванія русскаго языка, литературы и исторіи, сербская автономія или независимость потерпитъ какое нибудь униженіе—напротивъ, чѣмъ долѣе откладывается эта мѣра, тѣмъ болѣе нынѣшняя солидарность сербовъ съ русскими переходить будетъ въ настоящую зависимость, ибо у насъ въ Россіи, какъ отчасти извѣстно самимъ сербамъ, изученіе ихъ народности подвигается очень успѣшно, а у нихъ нашей еще и не начиналось. Эта мѣра окажетъ сербамъ ту огромную услугу, что вопервыхъ нанесетъ сильный ударъ всякому дальнѣйшему распространенію у нихъ *швабства* и *паризлійства*, а вовторыхъ положитъ основаніе чисто-народно-сербскому, православно-славянскому просвѣщенію, которое одно можетъ дать Сербіи силу нетолько освободить, но и притянуть къ себѣ какъ турецкихъ, такъ и южныхъ славянъ Австріи, гдѣ, какъ мы видѣли, интеллигенція сильно пропитана швабскимъ и мадьярскимъ духомъ.

Теперь постараюсь ознакомить читателей съ важнѣйшими явленіями сербской словесности, именно въ княжествѣ. Опуская произведенія изящной словесности, какъ непредставляющія ничего особенно любопытнаго, обратимъ преимущественное вниманіе на дѣятельность *Дружства Србске Словесности* въ Бѣлградѣ и на труды лучшихъ ученыхъ сербскихъ, которые почти всѣ сосредоточены въ изданіяхъ этого общества. Для насъ русскихъ, какъ и для самихъ сербовъ, особенно занимательны и важны труды тѣхъ ученыхъ, которые посвящаютъ себя разработкѣ и изученію сербской старины и народности.

Въ этомъ отношеніи въ Сербіи занимаютъ теперь первое мѣсто г. Янко Шафарикъ и г. Даничичь.

Племянникъ великаго слависта, г. Я. Шафарикъ собственно медикъ по своему школьному образованію; но съ дѣтства живя въ домѣ своего дяди, онъ рано получилъ наклонность къ археологическимъ и историческимъ занятіямъ на почвѣ славянства. Въ дядѣ своемъ онъ имѣлъ такого наставника и учителя, который не только замѣнялъ ему, но и во многихъ отношеніяхъ превосходилъ цѣлый систематическій университетскій курсъ. Лѣтъ 20 тому назадъ поселившись въ Сербіи, своею почтенною дѣятельностью врача, преподавателя физики и сербской исторіи, особенно же, какъ сербскаго писателя и ученаго нумизмата, издателя памятниковъ, редактора Гласника, хранителя музея и начальника публичной библіотеки, г. Янко Шафарикъ оказалъ огромныя услуги юной сербской образованности и славянской наукѣ вообще. Составленіемъ замѣчательной коллекціи сербскихъ монетъ и строго-ученаго прекраснаго описанія ихъ, изданнаго въ Гласникѣ (III, 189—261; V, 212—223; VI, 160—208; VII, 194—230; VIII, 264—282) и изданіемъ превосходнаго сборника матеріаловъ сербской и вообще южно-славянской исторіи, собранныхъ въ венеціанскомъ архивѣ и напечатанныхъ въ Гласникѣ и отдѣльно, г. Шафарикъ положилъ твердыя начала сербской исторіографіи, которыхъ ей вообще недоставало и послѣ почтенныхъ трудовъ Раича, Энгеля, Пеячевича, П. Шафарика, П. Григоровича, Майкова и Гильфердинга. Г. Шафарикъ представилъ описаніе съ рисунками около 200 монетъ, преимущественно сербскихъ и нѣсколькихъ болгарскихъ; изъ нихъ очень много совершенно новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, по большей части доставленныхъ г. Шафарику отъ почтеннаго собирателя сербскихъ древностей, С. И. Верковича. Не перечисляя всѣхъ новыхъ монетъ, укажемъ только на одну изъ нихъ, наиболѣе важную, и вмѣстѣ приведемъ объясненіе г. Шафарика, которое кидаетъ новый свѣтъ на одинъ изъ запутаннѣйшихъ періодовъ сербской исторіи, именно отъ смерти Стефана Душана (1356) до косовской битвы (1389). Я хочу указать на совершенно неизвѣстную доселѣ серебряную монету съ изображеніемъ на одной сторонѣ Іисуса Христа, а на другой слѣд. важной надписи: *въ ха ба блговѣрни краль Марко.* Сравнивъ свидѣтельства двухъ недавно открытыхъ г. Верковичемъ надписей: одной на церкви монастыря Преображенія, Зерзе, что между Охридомъ и Вегесомъ, и другой на церкви св. архангела Михаила, въ Прилипѣ (*), съ свидѣтельствомъ очень важнаго, недавно имъ же издан-

(*) См. «Гласникъ», VI, с 186 и сл.

наго тропошскаго лѣтописца (*), г. Шафарикъ своими изслѣдованіями положительно доказалъ, что когда по смерти Уроша (1367) настало въ Сербіи разновластіе, то Вукашинъ († 1371), а за нимъ его сынъ Марко господствовали въ своихъ предѣлахъ совершенно независимо, такъ что чеканили даже свои монеты. Эта монета подтверждаетъ, слѣдовательно, достовѣрность тропошскаго лѣтописца.

Здѣсь я позволю себѣ указать на разсказъ этого лѣтописца о Маркѣ, раскрывающій внутреннія причины паденія сербскаго государства. По смерти Вукашина (1371), шесть лѣтъ продолжалось въ Сербіи безгосударное время «за несогласіе князей», «свакій (князь) своими странами управляше». Наконецъ, по стараніямъ духовенства, особенно архіепископа Ефрема, собрались въ 1377 г. эти удѣльные князья въ Призринѣ и избрали великимъ княземъ Лазаря Гребляновича, сына дочери короля Милушина и греческаго императора Андроника. На этотъ соборъ въ Призринъ не былъ вовсе приглашенъ управлявшій Захлумьемъ и Герцеговиною, Николай Алтоманъ, а Марко былъ одинъ изъ князей, неприсягнувшихъ Лазарю. Онъ самъ, по словамъ лѣтописца, надѣялся быть королемъ и, не желая повиноваться Лазарю, тайно бѣжалъ изъ Призрина къ себѣ въ Прилипъ. Лазарь, по словамъ лѣтописца, принужденъ былъ, противъ своего желанія, пойти на Марка и разорить его земли. Марко бѣжалъ тогда къ Амурату и призналъ его государемъ—*повинуся* ему. «И пребиваетъ Марко прочее при Амуратѣ во службахъ по вся дніи, подвизаяся и раздражая Амурата на Лазара и державу его. Такоже и до князей россійскихъ писа, а попайвшая до Байоша своего зета, ему же извѣсти, что въ скорѣ султанъ Амуратъ со своимъ воинствомъ придетъ на Лазара, и аще побѣдитъ его, отдастъ царство Баіоши». Наконецъ Амуратъ двинулъ на Лазаря свое войско, предводимое, по словамъ лѣтописца, Маркомъ и его братомъ Андреемъ. «Марко же къ Прилину и прочимъ странамъ своего владѣнія прежде бывшаго съ воинствомъ турскимъ обхождаше, *пріемля градовъ безъ боя*». Уже одно то обстоятельство, что Марко кралевичъ сталъ любимѣйшимъ героемъ народнаго эпоса, доказываетъ, что раздробленіе Сербіи по смерти Вукашина опиралось не на личныхъ только интригахъ и несогласіяхъ сербскихъ великашей, а напротивъ на племенныхъ антипатіяхъ, или, употребляя выраженіе г. Костомарова, на федеративныхъ стремленіяхъ самаго сербскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ раздорахъ сербскихъ князей, о которыхъ говоритъ тропоискій лѣтописецъ, виденъ какой-то антагонизмъ между югозападною и сѣверовосточною

(*) Тропошскій Лѣт. напечатанъ въ «Гласн.» V, с. 20—112.

вѣтвію сербовъ. Этотъ антагонизмъ отражается и на личныхъ сужденіяхъ и симпатіяхъ лѣтописца. Приверженецъ князя Лазаря, противникъ Марка, Антомана и Байоши, онъ говоритъ по поводу послѣдняго: «Баіоша не былъ добаръ на вѣры, токмо притворно, *якоже обично всегда есть у зелановъ и предѣлахъ земли той*, токмо страха ради притворалса до времене».

Вообще исторія сербскаго народа указываетъ на значительное преобладаніе въ немъ духа областнаго, партикуляризма, подъ общимъ духомъ внутренняго единства. Въ этомъ состоитъ едва-ли не существенное его отличіе отъ русскаго народа. Разумѣется, паденіе сербскаго государства объясняется и другими внутренними причинами, а именно неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства между его подданными, низкимъ состояніемъ массы народа, себровъ и отроковъ, большими политическими правами высшихъ *властелей*, ихъ все болѣе увеличивавшимся удаленіемъ отъ народа въ образѣ жизни на манеръ иностранной, преимущественно греческой и венеціанской, и наконецъ сильною испорченностью нравовъ сербскаго общества XIV вѣка. Самъ Душанъ не отличался нравственною чистотою его; полководецъ Юра Исета передаетъ за деньги венеціанцамъ крѣпость Скрадинъ (*); Вукашинъ убиваетъ Уроша; побочнаго сына Душана, Владиміра, князя Эпира и Албаніи, умерщвляетъ его *дворный началникъ* Ѳома, любовникъ его жены, по ея наущенію. Духовенство было также развращено. Передъ избраніемъ патріарха Ефрема, между сербскими іерархами происходили соблазнительные раздоры. «Таковіи были въ тое время—говоритъ тропошскій лѣтописецъ—наши духовніи, да не могли согласитися цѣлое лѣто, овіи убо достойнѣйшіи, иже быша избранніи, едины отравою умерщвлѣны быша; инии же оружіемъ избіени быша единъ отъ другаго, желающе сваки себе; и сицева несогласіа возрастоша и паденіе умножися.»

Кромѣ изданія тропошскаго лѣтописца, мы обязаны г. Шафарику и обнародованіемъ другихъ важныхъ источниковъ сербской исторіи. Всѣ они помѣщены въ различныхъ книгахъ Гласника. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Сборникъ, составленный г. Шафарикомъ изъ драгоцѣнныхъ актовъ архивовъ Венеціи, куда онъ былъ посланъ, въ 1857 году, отъ общества сербской словесности. Собраніе и изданіе этихъ актовъ приноситъ величайшую честь и обществу и г. Шафарику. Нельзя достаточно похвалить усердіе г. Шафарика, который въ теченіе двухъ мѣсяцевъ списалъ слишкомъ 550 граматъ на

(*) Acta Archivi Veneti Coll. Schafarik. Belgradi. 1860. I. 176 etc.

латинскомъ языкѣ, съ 1225 по 1518 годъ и, сверхъ того, составилъ перечень другихъ сербскихъ и южно-славянскихъ актовъ венеціанскаго архива, списать которые не позволило ему время. По этому каталогу можно судить о громадномъ богатствѣ венеціанскихъ источниковъ сербской и южно-славянской исторіи вообще. См. Eleuchus Actorum spectantium ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium... quem... confecit Dr. Joannes Schafarik. Belgradi. 1858. Сборникъ же списанныхъ имъ актовъ, г. Шафарикъ издалъ въ Гласникѣ и отдѣльно, подъ заглавіемъ «Acta Archivi Veneti spectantia ad historiam Serborum et reliquorum meridionalium». Здѣсь помѣщено очень много важныхъ документовъ, живо рисующихъ и опредѣляющихъ отношенія Венеціи XIII, XIV, XV вѣковъ къ различнымъ славянскимъ общинамъ Далмаціи, которая обыкновенно въ то время называлась *Славоніею*, на «mandetur omnibus noctris vectoribus *Sclavoniae* (1332); de civibus Pagi, Nonae seu alicujus alterius civitatum nostrarum *Sclavoniae* (1345), ad terras nostras *Sclavoniae*, videlicet Spaletum, Tragurium et etiam Sibenicum. Крѣпости Скрадинъ и Клисса называются claves terrarum nostrarum *Sclavoniae*. Балтичи иногда называются barones maritimae *Sclavoniae*. Хорватія также носила это имя: Johannes banus totius *Sclavoniae* (1309), banus *sclavoniae* et alii Ungari (1348). Эти акты раскрываютъ ту слабость сербскаго и хорватскаго народовъ, которая происходила отъ ихъ несогласій. Относительно государственнаго единства сербская народность, быть можетъ, самая несчастливая изъ всего племени славянскаго. Никогда еще въ своей исторіи сербскій народъ не бывалъ всецѣло соединенъ, не выступалъ какъ одно плотное цѣлое. За господство Далмаціи борются Венеція и Венгрія. Сербія при Душанѣ и Боснія въ XIV—XV вѣкахъ постоянно стремились къ вліянію въ Далмаціи, но или успѣвали слабо, или своими успѣхами помогали только Венеціи, которая очень ловко разработывала ихъ силы въ свою пользу. Когда въ 1355 г. возникла война Венгріи съ Душаномъ изъ-за крѣпостей Клиссы и Скрадина, бывшихъ до того въ рукахъ венгерцевъ, то Венеція тотчасъ рѣшилась воспользоваться этимъ для того, чтобъ пріобрѣсть себѣ эти ключи тогдашней Далмаціи. При слухѣ о походѣ сербовъ, тотчасъ было рѣшено въ Венеціи постараться о покупкѣ у Душана этихъ крѣпостей или по крайности о томъ, чтобы онѣ достались во власть Душана—знакъ, что Венеція мало опасалась Сербіи, во всякомъ случаѣ не такъ, какъ Венгріи. Въ сборникѣ г. Шафарика напечатаны превосходные документы объ отношеніяхъ Венеціи къ Сербіи при Стефанѣ Душанѣ (1336 — 1356). Такъ есть нѣсколько граматъ, разрѣ-

шающихъ пропускъ оружія, судовъ, военныхъ людей изъ Венеціи въ Сербію (*). Еще важнѣе переговоры Душана съ Венеціею относительно завоеванія греческой имперіи. Раскрывая величавые замыслы Душана съ одной стороны, они указываютъ, съ другой, на его безсиліе осуществить ихъ безъ помощи и содѣйствія Венеціи, которая, владѣя обширными землями въ византійской имперіи, не могла желать усиленія имперіи Душана. Впрочемъ, изъ отвѣтовъ Венеціи на предложенія Душана видно, что умная, разсчетливая республика не ошибалась насчетъ истиннаго величія и прочности монархіи Душана и какъ бы предвидѣла ея близкое распаденіе. Въ 1340 году впервые, кажется, обратился сербскій государь къ Венеціи съ болѣе подробными предложеніями, отчасти напоминающими сношенія другаго монарха славянскаго, именно Ивана Васильевича Грознаго съ сѣверною Венеціею, Англіею. Въ этомъ году, черезъ своего посланника, Душанъ изъявилъ желаніе быть принятымъ въ число гражданъ венеціанскихъ, для того, чтобъ ему можно было поселиться въ Венеціи съ своимъ семействомъ и со всѣмъ имуществомъ, въ случаѣ, еслибъ ему пришлось бѣжать изъ своего государства отъ внутреннихъ враговъ (videlicet dominos in circuitu regni ipsius commorantes, quorum occupavit civitates, castra, fortalitia et contractas, quia in statu pacifico secum vivere noluerant). Затѣмъ онъ предлагаетъ Венеціи военную помощь противъ ея непріятелей, какъ внѣшнихъ, такъ и домашнихъ: promittimus vobis de gente nostra quingentos armatos equites quando et quotiescunque expediens videritis, in vestrum subsidium destinare, etiam si ad partes opportunum fuerit *Lombardiae*, domini regis sumptibus et expensis; et etiam si cum vestro fuerit commodo,

(*) Въ 1336 г. (6-го дек.) разрѣшенъ пропускъ 300 пѣхотинцевъ: Quodusque adusque III cent. pedites quos intendit (rex Raxiae) facere soldizari extra Venetias, possint transire per nostrum districtum, ad suas partes, quos, ut dicit vult pro securitate suae personae (XXIV). Въ 1345 г., 20-го ноября, были выписаны Душаномъ изъ Венеціи trecentae curaciae, trecenti schencheli, trecenta colaria, trecente barbate et trecenti clipei. Въ 1347 г., 13-го мая, разрѣшено, вслѣдствіе просьбы Душана, quod cum pro exercitu suo et gentibus suis, indigeat certa quantitate armorum, выписать слѣдующее оружіе: paria trecenta armorum scumta et de pluri, barbutos quingentos, schincherias quingentas, colaria quingenta, cirotechas quingentas. Въ 1348-мъ г., 10-го апрѣля, разрѣшено Душану выписать tres galeas omnibus armis necessariis munitas pro aliquibus sibi incumbentibus. Въ 1348-мъ г., 15-го ноября, разрѣшается и четвертая галея, съ отказомъ, однако, ipsas galeas hicarmare, et ad id quod petit, quemdam Raguseum effici nostrum civem. Въ 1349-мъ г., 20-го іюня, разрѣшено Душану выписать слѣдующее оружіе: clipei *more Sclavorum*, III cent., et loricae C, et paria manichanim, но положительно отказано принять залоги за галеи и ожидать уплаты денегъ, cum pecunia ipsarum galearum omnino necessaria sit.

promittimus personaliter cum nostro exercitu in vestrum juvamen et auxilium interesse. Съ своей стороны Душанъ надѣялся на такую же помощь и отъ Венеціи; далѣе обѣщаетъ безопасность купцамъ венеціанскимъ въ своей монархіи и свободный пропускъ черезъ его владѣнія въ Константинополь и греческую имперію (imperium Romaniae); всѣ убытки, которые бы они понесли отъ его подданныхъ, онъ обѣщаетъ вознаградить изъ своей казны (de camera nostra); проситъ республику прислать къ нему начальника (aliquem vestrum nobilem, cui possimus loco vestri vocis oraculo spopondere, sanctis juramentis debitis deponentes, universa et singula in perpetuum servaturos domino duci et com. Venetiar. praefatae). Въ заключеніе проситъ отъ Венеціи двухъ галеотовъ (duo corpora galearum, quas ad nostras expensas facienus armari) для перевозки на островъ Кипръ нѣсколькихъ его властелей, которыхъ онъ предназначилъ отправить въ Іерусалимъ съ большою суммою денегъ (cum magna quantitate pecuniae) для построенія тамъ монастыря и храма Спасителю, во исполненіе обѣта, даннаго имъ по случаю его выздоровленія отъ тяжкой болѣзни (ita quod medici totaliter de nostra convalescentia desperabant). Венеція приняла Душана въ число своихъ гражданъ; на всѣ предложенія его союза, она отвѣчала съ благодарностью, но очень глухо и уклончиво. Въ жалованной граматѣ Душану на гражданство говорится о старинной пріязни сербскихъ кралей къ Венеціи въ слѣдующихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ: «scimus namque quod *serenissimi domini reges Serviae ad ducatum nostrum semper amorem intimum, grata exhibitione operum demonstrarunt, ad eo quod propinquitatis affinitas hinc inde antiquitus emanavit.*»

Въ сборникѣ г. Шафарика первый актъ, относящійся до сношеній Венеціи съ Сербіею, принадлежитъ 1301-му году. Въ 1345-мъ году, во время возмущенія Задра, отложившагося отъ Венеціи и передавшагося на сторону Венгріи, Стефанъ Душанъ снова обратился къ Венеціи съ предложеніемъ послать свое войско противъ мятежнаго города (V cent. armigeros et plures de suis castris et exercitu, meliores veraciter eligendo, *theothonice* jam armatos, usque ad guerrarum fruitionam, suo stipendio, risicho et fortuna). Венеція поблагодарила Душана за предложеніе, но отказалась отъ его помощи, за неимѣніемъ надобности: ad praesens habemus exercitum nostrum potentem in mari et terra. Въ 1346 г. прислалъ Душанъ Венеціи уже болѣе важныя предложенія, которыя отклонены Венеціею очень искусно. Поздравивъ его съ вѣнчаніемъ на царство греческое (de coronatione sua in imperio Cpolitano), Венеція отвѣчала касательно заключенія взаимнаго

союза для пріобрѣтенія Константинополя (pro acquisitione imperii Constantinopolis), что возмущеніе Задра и договоры съ имперіею, которыхъ было бы нечестно нарушить, не позволяютъ ей вступить въ этотъ союзъ. Такимъ же отказомъ отвѣчала Венеція и на предложеніе Душана послать своего посланника въ г. Задръ для посредничества. Однако, черезъ три мѣсяца послѣ того, сама Венеція просила Душана, при его свиданіи съ королемъ венгерскимъ, подкрѣпить своимъ посредничествомъ требованія венеціанскихъ посланниковъ по вопросу о Задрѣ. Въ 1348 г. по просьбѣ Венеціи, Душанъ снова явился посредникомъ между нею и Венгріею. Но республика вовсе не желала усиленія сербской державы, и въ 1349 г., во время войны Душана съ Босніею и греческою имперіею, она рѣшительно стала дѣйствовать въ пользу заключенія мира между воюющими сторонами. Въ 1350-мъ г., 13-го апрѣля, посланникъ Душановъ Михаилъ Бучя явился въ Венецію съ слѣдующими предложеніями: 1) чтобы дожъ пріѣхалъ въ Дубровникъ для личныхъ переговоровъ съ царемъ; 2) чтобы царя, царицу и ихъ сына Уроша съ наслѣдниками сдѣлать гражданами Венеціи, какъ уроженцевъ венеціанскихъ; 3) чтобы они пользовались въ Венеціи полною свободою и безопасностью, не могли быть выданы никому на свѣтѣ, чтобы имѣли право владѣть землями въ Венеціанской области, подобно уроженцамъ венеціанскимъ; 4) чтобы въ случаѣ, если царь и его сынъ поселятся въ Венеціи, получали бы они извѣстное содержаніе (provisionem seu regaliam, sicut pro honore imperialis culminis et celsitudinis ducalis videbitur convenire); 5) чтобы заключить военный союзъ для взаимной помощи; 6) такъ-какъ царь пріобрѣлъ и завоевалъ 10-ть частей Греческой имперіи, кромѣ Константинополя, которымъ не могъ овладѣть (quam expugnare et subjugare nequit), то чтобы Венеція помогла ему на морѣ, людьми и судами; по взятіи Цареграда хочетъ царь, чтобы все деспотство перешло къ республикѣ венеціанской, а если она не желаетъ деспотства, то царь обѣщаетъ съ помощью морскихъ силъ дожа, напасть на городъ Перу (принадлежавшій тогда генуэзцамъ) и, если овладѣетъ имъ, отдать его венеціанцамъ (*); 7) чтобы была свободная торговля,

(*) Et si tantum continget faciente domino, quod dicta civitas subjugetur, vult et contentatur dominus imperator, quod totus Despotus sit libere comunis Venetiarum, et si noluerit Despotum, tunc dominus imperator cum auxilio ducalis dominationis per mare, offent se facere guerram civitati Perae, et si contingerit quod subjugetur, quod dicta civitas sit libere comunis venetiarum. Et praedicta dicit dominus imperator, causa extrahendi de manibus illius delegalis Cantacusino, qui injuste et indebite captivatum detinet filium imperatoris (XCV).

какъ для сербовъ въ области венеціанской, такъ и для венеціанъ въ державѣ сербской; 8) чтобы въ случаѣ самой войны у венеціанъ, сербы не помогали ея непріятелямъ, а также и наоборотъ. Далѣе говорится о банѣ боснійскомъ и объ убыткахъ, понесенныхъ однимъ венеціанцемъ въ Авлонѣ. Венеція дала гражданство Душану, его сыну, и женѣ, и наслѣдникамъ, согласилась на статью о торговлѣ, ибо въ этомъ отношеніи она могла только выиграть и никакого соперничества сербовъ не могла опасаться, на важнѣйшія же предложенія, о свиданіи дожа съ Душаномъ въ Дубровникѣ и о союзѣ противъ Греческой имперіи, отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, замѣтивъ на первое, что дожъ по закону не можетъ оставлять Венеціи, а на второе, что съ имперіею республика находится въ дружбѣ и пріязни, скрѣпленной присягою; она не можетъ ее нарушить безъ униженія собственной чести и достоинства. Посему, прибавляетъ отвѣтъ, его царское величество можетъ извинить нашъ отказъ (Quare potest nos serenitas imperialis habere a petitione praemissa merito excusatos). Эти документы, впервые обнародованные г. Шафарикомъ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ на отношенія Стефана Душана къ Венеціи и вообще на его политическую дѣятельность, которая во многомъ напоминаетъ другаго славянскаго государя, именно чешскаго короля Оттокара II-го. Монархіи Душана, Оттокара, равно какъ и другія южныя и западныя славянскія державы, отличаются отъ русскаго государства скороспѣлостью и непрочностью, какимъ-то болѣзненнымъ сочетаніемъ широкихъ внѣшнихъ замысловъ съ внутреннимъ безсиліемъ, юношескою заносчивостью и легкомысліемъ. Всѣ эти качества ярко выступаютъ въ переговорахъ Душана съ мудрою, осторожною Венеціею, которая, конечно, очень хорошо понимала эфемерное величіе его монархіи, составленной изъ такихъ разнородныхъ элементовъ. Преувеличивая свое собственное значеніе, Душанъ, въ упоеніи своими воинскими успѣхами, до того мало цѣнилъ образованность грековъ, ихъ историческія преданія, что считалъ возможнымъ сохранить первенство сербской народности, когда бы онъ, государь сербовъ, сталъ восточнымъ императоромъ и владѣлъ Цареградомъ; между тѣмъ ему не удалось собрать и склонить въ одно цѣлое даже всѣ земли, населенныя сербами, а образованность его державы была преимущественно подражательная, бо̀льшая часть его государственныхъ учрежденій была сколкомъ съ греческихъ, такъ-какъ всѣ почти произведенія тогдашней сербской письменности были переводами съ греческаго или слабыми копіями съ греческихъ образцовъ. Съ своей, нѣсколько *юнацкой* точки зрѣнія, Душанъ, кажется, мало уважалъ Венецію за

ея торговый, меркантильный духъ; по крайности, онъ не входилъ въ виды республики, и послѣ неоднократныхъ ея отказовъ, съ тою же настойчивою наивностью предлагалъ ей свои планы на счетъ Цареграда, повидимому вовсе не подозрѣвая, что практическая мудрость не могла дозволить Венеціи кинуться въ такое рискованное и отважное предпріятіе, отъ самаго успѣха котораго, очень сомнительнаго, она не могла ожидать себѣ никакихъ новыхъ, особенныхъ выгодъ. Частыя сношенія Венеціи съ Душаномъ, внѣшній почетъ, который она ему постоянно оказывала, проистекали изъ той же политической и коммерческой разсчетливости, повинуясь которой республика пользовалась Душаномъ для расширенія своей торговли, для отвлеченія отъ Далмаціи своего опаснаго противника, короля венгерскаго. Въ сборникѣ г. Шафарика, относительно Душана замѣчательно также извѣстное уже изъ другихъ изданій посланіе папы Иннокентія VI-го, 1355-го г., къ венеціанскому дожу Іоанну Градониго, исполненное упрековъ за союзъ его противъ короля венгерскаго съ Стефаномъ Душаномъ и его сербами, съ непріятелями и врагами Бога и вѣры католической, съ королемъ и прочими сербами, отъявленными еретиками и схизматиками (rege aliisque Rasenis). Папа снимаетъ съ него присягу и увѣщеваетъ его ничего не предпринимать противъ короля венгерскаго Лудовика, который намѣренъ воевать противъ сербовъ для истребленія въ нихъ еретической неправды (qui Rasenos eosdem, ad exstirpandum de partibus illis pravitatem hereticam, favente domino, expugnare proponit). О важныхъ актахъ относительно Клиссы и Скрадина мы уже упомянули. Г. Шафарикъ напечаталъ въ своемъ сборникѣ и грамату Венеціи къ великому князю московскому Ивану Васильевичу III-му, 1473 г., въ которой правительство республики отвѣчаетъ на грамату князя, переданную венеціанцемъ Антоніемъ Гизлярдомъ, и защищаетъ своего секретаря Іоанна-Баптиста Тревизана отъ подозрѣній русскихъ, будто онъ посланъ для возбужденія татаръ противъ московскаго князя. Посланіе прибавляетъ, что Тревизану поручено возбудить татаръ (imperatorem Tartarorum) противъ турокъ, чтобы удалившись отъ русскихъ предѣловъ, приблизиться имъ болѣе къ землямъ черноморскимъ и къ Дунаю, для стѣсненія общаго врага христіанства, оттоманскаго турка, завоевателя восточной имперіи, которая, съ прекращеніемъ мужеской императорской отрасли, принадлежитъ по праву счастливаго брака князю московскому (Turci Othomani, occupatoris imperii orientis, quod, quoniam stirps mascula imperatoria, ad vestram illustrissimam dominationem jure vestri fanstissimi conjugii pertineret).

Въ настоящее время г. Шафарикъ составляетъ подробный алфавитный указатель къ этому сборнику, изданіемъ котораго, повторяемъ, и этотъ почтенный ученый и сербское общество оказали большую услугу наукѣ. Пожелаемъ, для ея успѣховъ и для чести общества, чтобы оно не останавливалось на этомъ предпріятіи и вновь дало бы средства г. Шафарику для поѣздки въ Венецію и для собранія въ ея архивѣ новыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ сербской и вообще юго-славянской исторіи. Въ наше время наука — великая сила, и Сербія, если хочетъ объединить южныхъ славянъ, должна развивать у себя любовь къ занятіямъ нетолько сербскою, но и вообще югославянскою исторіею. Кромѣ своихъ изслѣдованій археологическихъ и нумизматическихъ и изданія важныхъ историческихъ памятниковъ, г. Шафарикъ заслуживаетъ глубокой благодарности и своими стараніями о собраніи въ Бѣлградѣ важнѣйшихъ старославянскихъ рукописей. Сербіи и всему славянскому міру онъ оказалъ большую услугу, умѣвъ оцѣнить и направить почтеннаго собирателя древностей въ Македоніи, г. Верковича, который уже обогатилъ бѣлградскій музей многими драгоцѣнными памятниками. Прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ труженикѣ, я не могу, въ заключеніе замѣчаній о г. Шафарикѣ, пройти молчаніемъ его словацкое происхожденіе и не указать при этомъ вообще на заслуги словаковъ для южныхъ славянъ. Какъ ни нова еще идея обще-славянской образованности, какъ ни слабо она развивалась понынѣ, однако, и теперь можно различить направленіе и характеръ дѣятельности каждой народности славянской. Словаки, по своему мѣстоположенію, нарѣчію, исторіи составляютъ естественное звѣно между востокомъ, западомъ и югомъ славянскаго міра. Какъ ни скудна еще образованность и литература сербо-хорватская, но въ ея исторіи блестятъ уже имена нѣсколькихъ словаковъ, которые имѣли огромное вліяніе на сербовъ и хорватовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о Чапловичѣ, авторѣ прекрасной монографіи о Славоніи и Кроаціи, я укажу на четырехъ словаковъ, незабвенныхъ въ исторіи новѣйшаго просвѣщенія сербовъ и хорватовъ. Оказавшій громадныя услуги всему славянскому міру, словакъ П. Шафарикъ особенно много сдѣлалъ для сербовъ. Не говоря уже объ его долголѣтней, почтенной педагогической дѣятельности въ Новомъ Садѣ, замѣтимъ только, что многіе лучшіе его труды посвящены были именно сербской народности. Самый важный и самостоятельный отдѣлъ его исторіи славянскихъ языковъ и литературъ посвященъ сербскому языку. Другіе труды знаменитаго слависта: Serbische Lesekörner, библіографико-историческія описанія

сербскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, Pamàtky Jiho-Slovanuv составляютъ краеугольные камни сербской филологіи и исторіи. Другой словакъ, Лудевитъ Штуръ ничего не писалъ посербски или о сербахъ спеціально, имѣлъ, однако, огромное, живое нравственное вліяніе на лучшихъ нынѣшнихъ писателей и дѣятелей сербскихъ, такъ что они всѣ время своего пребыванія въ Пожунѣ (Пресбургѣ) и вообще со Штуромъ справедливо считаютъ свѣтлымъ и отраднымъ, глубоко-знаменательнымъ въ своей жизни. Въ современной литературѣ хорватской, третій словакъ Шулекъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ и своими трудами, какъ по редакціи журналовъ: Slavenski Jug 1848 и 1849, Jugoslavenske Novine 1850, Gospodarski list 1858 и 1859, такъ и по составленію прекраснаго нѣмецко-хорватскаго словаря 1855—1860 и замѣчательныхъ учебниковъ по естественнымъ наукамъ, дѣйствительно, оказалъ хорватамъ огромныя услуги. Заслуги четвертаго словака, г. Я. Шафарика сербской литературѣ мы уже видѣли. Замѣчательно, что всѣ эти четыре словака протестанты, къ которымъ принадлежитъ меньшинство, но лучшая и болѣе энергическая часть словаковъ, этой одной изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе несчастныхъ народностей славянскихъ, находящейся въ постоянной, тяжкой борьбѣ съ враждебными стихіями—борьбѣ не столь красивой и блестящей, какъ, напримѣръ, борьба черногорцевъ, но, быть можетъ, еще болѣе требующей нравственныхъ силъ и истиннаго героизма. Съ паденіемъ моравской державы, соединявшей въ себѣ вѣтви восточныхъ, западныхъ и южныхъ славянъ, съ приходомъ мадьяръ въ Паннонію и образованіемъ венгерскаго государства, словаки утратили свою политическую самостоятельность, но не забыли своей великой роли примирять противоположности восточныхъ, западныхъ и южныхъ славянъ, возбуждать и поддерживать въ мірѣ славянскомъ взаимное общеніе. Связанные съ частью сербовъ и хорватовъ политически, какъ граждане одного венгерскаго государства, и, какъ славяне, общими интересами относительно двухъ враждебныхъ имъ элементовъ, австрійскаго, нѣмецкаго и мадьярскаго, словаки природою и исторіею предопредѣлены все болѣе сближаться съ южными и преимущественно съ православными славянами, именно сербами, къ которымъ протестанты словаки чувствуютъ особенное влеченіе, по внутреннему сочувствію славянскаго протестантства къ православію (*).

(*) Еще Чапловичъ выражался про православныхъ сербовъ въ Славоніи, что онъ считаетъ ихъ *лучшими* христіанами (für die *besten* Christen). Sie leben in dem beruhigenden Bewusstsein der Vortrefflichkeit ihres Glaubensbekenntnisses; sie nennen sich *Pravoslavni*, und welche Kirchenpartei wird denn den ersten Stein auf sie werfen?

Значительная населенность верхней Венгріи, страны по преимуществу горнстой, заводской и промышленной, и наименѣе земледѣльческой, уже рано заставили ея жителей, русскихъ и словаковъ, уходить изъ своихъ горъ на заработки въ плодородныя равнины нижней Венгріи между Тиссою и Дунаемъ, занятыя мадьярами, которые при своемъ появленіи въ Паннонію оттѣснили славянъ въ горы. Послѣ сатмарскаго договора 1711-го г., положившаго конецъ турецкому владычеству въ Седмиградіи и части Венгріи, толпы трудолюбивыхъ и необыкновенно способныхъ къ колонизаціи словаковъ (и русскихъ) потянулись въ нижнюю Венгрію и образовали въ Бекешской и Бачской столицахъ, около 1719-го г., большія поселенія, изъ коихъ особенно замѣчательны *Чаба*, *Сарвашъ*, *Мезö-Беренъ*, *Орошхазъ* и *Тот-Комлошъ*. Въ настоящее время есть славянскія поселенія въ Банатѣ, Срѣмѣ и Военной Границѣ, гдѣ они сосѣдятъ съ сербами, православными или покатоличенными, такъ называемыми шокцами, точно также, какъ въ окрестностяхъ Будина и недалекаго отъ него сербскаго поселенія Сент-Андре. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ словаки нетолько свободно понимаютъ сербовъ, а сербы словаковъ, но даже болѣе или менѣе свободно говорятъ посербски. Здѣсь даже самое нарѣчіе словенское замѣтно сближается съ сербскимъ, какъ въ Моравіи съ чешскимъ, въ Тренчинской и Оравской столицахъ съ польскимъ (мазурскимъ), въ Шаришской и Земненской съ русскимъ (угорскимъ). Такимъ образомъ объясняется участіе словаковъ въ образованности хорватской и сербской. Самая идея панславизма, возникшая у словаковъ и преимущественно у нихъ развивающаяся, представляется явленіемъ совершенно законнымъ и органическимъ. Послѣ отдѣленія отъ чеховъ въ литературѣ и съ пробужденіемъ народности русской въ Галичѣ и особенно Венгріи, словаки все болѣе и болѣе стали сближаться съ русскими, которыхъ въ Австріи слишкомъ 3 мильйона. Не нужно имѣть особеннаго дара пророчества, чтобы съ увѣренностью предсказать, что если русская народность въ Австріи, а съ нею и словаки будутъ крѣпнуть и утверждаться въ духѣ славянскомъ, въ духѣ своей народности, то не пройдетъ и какихъ нибудь 50, 60 лѣтъ, какъ русская литературная рѣчь пріобрѣтетъ право гражданства у 6 мильйоновъ нынѣшнихъ

Aber sie lassen die ganze übrige Welt in Frieden, sie verfolgen Niemanden; sie geben sich — so viel ich weiss — gar keine Mühe, fremde Glaubensgenossen an sich zu ziehen, sie lassen einem jeden die Freiheit, Gott auf diejenige Weise anzubeten, die er für die richtigste hält, ungekränkt... *Csaplovics* (Ioh.) Slavonien u. zum Theil Croatien. Pesth. 1819. II, 223 ff.

австрійскихъ славянъ на всемъ пространствѣ отъ Восточнаго Галича до Пресбурга на Дунаѣ. Изъ Моравіи она станетъ проникать къ чехамъ, а словаки и русскіе въ нижней Венгріи станутъ распространять ее между сербами и хорватами. И теперь русская рѣчь изъ всѣхъ славянъ наиболѣе распространена между словаками, ибо тысячи простыхъ словаковъ ежегодно отправляются въ Россію для мелкой торговли, и въ верхней Венгріи, особенно въ Турчянской столицѣ, можно встрѣтить сотни крестьянъ, которые прекрасно говорятъ порусски. Что же будетъ, когда грамотность повсюду распространится въ нашемъ народѣ, а Россія покроется чугунками? Такимъ образомъ опять понятно, что лучшіе люди между словаками и прежде и яснѣе другихъ славянъ сознали необходимость одного общаго литературнаго языка для всѣхъ славянъ. Незабвенный Л. Штуръ, въ одномъ неизданномъ еще сочиненіи, такъ писалъ объ этомъ, незадолго до своей смерти: «Славяне—говоритъ онъ—должны приготовляться къ общему литературному языку, ибо кто не замѣчаетъ, что множество литературъ является необычайнымъ препятствіемъ для взаимнаго понимапія, для развитія духа, для общаго дѣйствія? Славяне имѣютъ много литературъ, но въ состояніи ли онѣ, по своей мелочности, отвѣчать великимъ требованіямъ человѣческаго развитія, когда они все болѣе будутъ вступать на сцену всемірной исторіи? Въ разсужденіи западныхъ литературъ: нѣмецкой, французской, англійской, всѣ онѣ, за исключеніемъ болѣе значительной русской, малы и недостаточны, не исключая и чешской, и покуда онѣ останутся въ такомъ раздробленіи, для нихъ нѣтъ никакой возможности совершить что-нибудь значительное, ибо какое даютъ онѣ поощреніе для духа, какія средства, какое дѣйствіе, при своемъ маленькомъ кругѣ, что могутъ онѣ произвести для человѣческаго развитія? Взаимное общеніе между славянами достойно уваженія, похвально, но можетъ только быть слабою замѣною въ нуждѣ и никогда не можетъ глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ. Къ принятію общаго литературнаго языка имѣютъ славяне всѣ основанія, къ тому обязаны они съ общечеловѣческой, исторической и политической точекъ зрѣнія. О выборѣ этого языка не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо всѣ славянскія литературы, за исключеніемъ русской, ограничены небольшими племенами и, слѣдовательно, небольшими пространствами; такимъ образомъ относительно обще-славянскаго литературнаго языка можетъ быть выборъ между русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ. Но древне-славянскій языкъ уже вышелъ изъ жизни, почти мертвый, лишенъ гибкости и движенія живаго языка, а мы нуждаемся въ живой

рѣчи, слѣдовательно остается только русскій языкъ, какъ единственно для того удобный, ибо онъ есть языкъ великаго, самостоятельнаго и на огромномъ пространствѣ господствующаго племени, которому потому самому принадлежитъ игемонія въ семьѣ славянскихъ народовъ. Сверхъ того русскій языкъ изъ всѣхъ языковъ славянскихъ есть самый богатый, сильный и благозвучный, замѣчательный могуществомъ. Сербскій языкъ по своимъ качествамъ стоитъ ниже его на второй ступени. Мы не хотимъ сказать, чтобы съ принятіемъ славянами общаго литературнаго языка, должны они перестать вовсе писать на своихъ нарѣчіяхъ, особенно произведеній лирическихъ, но мы не должны только оставаться при нашихъ отдѣльныхъ словесностяхъ, ибо, что̀ значитъ, напримѣръ, датская литература относительно нѣмецкой?» Идеи Штура оживляютъ всѣхъ лучшихъ современныхъ словенскихъ дѣятелей, и нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда словаки, не переставая вліять на южныхъ славянъ, явятся самостоятельными дѣятелями и въ русской литературѣ и образованности.

Къ заслугамъ г. Я. Шафарика должно отнести его благотворное вліяніе на другаго нынѣшняго дѣятеля сербскаго, который своими трудами составитъ, быть можетъ, эпоху въ наукѣ славянской. Разумѣю г. Верковича, почтеннаго любителя и собирателя старины. Уроженецъ Босніи, воспитанникъ францисканцевъ и самъ посвященный въ этотъ орденъ, г. Верковичъ, прибывши въ Бѣлградъ, обратилъ на себя вниманіе г. Шафарика своею любовью къ путешествіямъ и къ древностямъ. Г. Шафарикъ ознакомилъ его съ важнѣйшими пособіями, далъ его страсти реальное направленіе, выхлопоталъ пособіе отъ правительства для отправленія его въ путешествіе по Старой Сербіи и Македоніи. Теперь мы имѣемъ въ г. Верковичѣ одного изъ почтеннѣйшихъ тружениковъ славянской науки. Принявъ православіе и женившись, г. Верковичъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ теперь постоянно въ Македоніи, преимущественно въ г. Серезѣ, дѣлая изъ него безпрестанныя поѣздки по сосѣднимъ монастырямъ и окрестностямъ. Пріобрѣвши множество знакомствъ между турками, греками и славянами, онъ снискалъ ихъ довѣріе и такимъ образомъ отлично обезпечилъ себя въ собраніи всякаго рода свѣдѣній и матеріаловъ объ этой малоизвѣстной, но въ высшей степени важной странѣ, какъ въ археологическомъ, историческомъ, такъ и этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Первый томъ сборника болгарскихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Бѣлградѣ, и нынѣ доставленныя въ бѣлградскій музей различныя рукописи и монеты служатъ только слабыми намеками на то, чего въ правѣ ожидать наука отъ г. Верковича. Въ настоя-

щее время онъ приготовилъ къ изданію второй томъ своего сборника пѣсенъ, эпическихъ, и подробное топографическое, статистическое и этнографическое описаніе Македоніи, составленное имъ по мѣстнымъ и офиціальнымъ источникамъ, очень мало кому доступнымъ, собралъ множество древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ и медалей, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ единственныя (unica), онъ продалъ въ британскій музей. Онъ съ великимъ усердіемъ и успѣхомъ постоянно пріобрѣтаетъ различныя славянскія рукописи. Родина Кирилла и Меѳодія, мѣсто дѣятельности ближайшихъ ихъ учениковъ, епархія св. Климента, Македонія оставалась понынѣ очень мало извѣстною въ отношеніи историческо-церковномъ и политическомъ. Масса старославянскихъ рукописей, сохранившихся тутъ до настоящаго времени, должна заключать множество драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи первобытной славянской церкви, церковно-славянскаго языка, болгарскаго и сербскаго государствъ. О множествѣ находящихся въ Македоніи рукописей можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ. Въ бытность мою въ Бѣлградѣ, втеченіе двухъ мѣсяцевъ, г. Шафарикъ получилъ отъ г. Верковича два письма, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ его, что въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ 50 славянскихъ рукописей на пергаменѣ. Отъ г. Шафарика же получилъ я извѣстіе, на которое слѣдовало бы обратить вниманіе нашимъ ученымъ учрежденіямъ, императорской академіи наукъ или публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Одинъ молодой болгаринъ, воспитанникъ одесскаго лицея, былъ, лѣтомъ 1862-го г., въ Бѣлградѣ проѣздомъ на родину и разсказывалъ г. Шафарику, что онъ самъ, Георгій, сынъ болгарскаго протопопа изъ Загорья, отъ *племины периндской*, изъ *хоры Малешевской*, бывалъ въ сосѣднемъ монастырѣ св. Григорія Положскаго, на р. *Брегалницѣ* и видѣлъ въ немъ такое множество славянскихъ рукописей, что ихъ можно, по его словамъ, вывести оттуда только на телегахъ. Онъ самъ пріобрѣлъ тамъ одну рукопись, которая будто бы теперь находится въ студентской библіотекѣ въ Одессѣ. Рукопись эта пергаменная, евангеліе и замѣчательна тѣмъ, что писана глаголицею и кириллицею вмѣстѣ, притомъ такъ, что кирилловскія строки надписаны надъ глагольскими. При такомъ богатствѣ рукописей въ Македоніи и Албаніи, отъ трудовъ г. Верковича можно ожидать богатыхъ результатовъ для науки, и нельзя не пожелать, чтобы наша академія наукъ или начальство публичной библіотеки непреминули вступить въ прямыя сношенія съ г. Верковичемъ для того, чтобы пріобрѣсть отъ него такія древности и рукописи, которыя по какимъ-либо причинамъ не будутъ куплены въ

Бѣлградѣ. Не могу кстати не прибавить, что въ послѣднее время славистамъ блеснула надежда на новые источники и матеріалы. Разумѣю знаменитую библіотеку короля Матвѣя Корвина, считавшую, въ послѣдніе годы его жизни († 1490), слишкомъ 50,000 томовъ и стоившую ему ежегодно до 33,000 червонцевъ (*), исходившихъ преимущественно на переписчиковъ. Лѣтомъ 1862-го года тремъ венгерцамъ, членамъ мадьярской академіи, посчастливилось напасть въ Цареградѣ на слѣды иной библіотеки, похищенной изъ Венгріи турками. Въ числѣ книгъ они видѣли нѣсколько славянскихъ рукописей на пергаменѣ. Мадьярская академія обращалась уже къ вѣнскому правительству съ просьбою о пріобрѣтеніи этой библіотеки отъ турокъ и уже получила удостовѣреніе, что австрійскому нунцію въ Константинополѣ поручено о томъ позаботиться. Въ библіотекѣ Корвина должны храниться многіе важные матеріалы для исторіи славянства.

Г. Даничичъ, изъ австрійскихъ сербовъ, служитъ теперь въ княжествѣ профессоромъ бѣлградскаго лицея. Послѣ В. С. Караджича, онъ— первый теперь знатокъ сербскаго языка, какъ филологъ. Далеко, внѣ всякаго сравненія, уступая первому въ знакомствѣ съ народнымъ языкомъ и вообще съ сербскою этнографіею, г. Даничичъ превосходитъ его своимъ строгимъ филологическимъ образованіемъ, которое онъ получилъ подъ руководствомъ извѣстнаго австрійскаго слависта, г. Миклошича. Труды г. Даничича отличаются замѣчательною основательностью и точностью, доходящими иногда до излишняго даже педантизма. Такъ онъ издалъ огромную книгу въ 8-ку, въ 643 стр.— «Србскій Синтаксисъ», въ которой приведены только примѣры соединенія падежей съ предлогами. Здѣсь авторъ расточаетъ цитаты на различныя новѣйшія сочиненія, съ указаніемъ страницъ, для случаевъ самыхъ обыкновенныхъ. Напримѣръ, на сочиненіе предл. *изъ* съ родительнымъ падежомъ, приведемъ примѣры:

Сад ћe случе *из лова* ми доли. (В. С. Кар. I, 550).
Докле jа дођем *из лова* I, 421.
Иде Сима *из лова игроѓа* II, 15.
Кад ли ђеца *из игре* дођоше II, 4.
Учитеља отпусти *из службе*. В. С. К. Дан. 3,239 и т. д.

Нельзя не уважать трудолюбія, но нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ не рѣшился сократить такую безплодную работу. Впро-

(*) См. Wallaszky (P.) Conspectus reipublicae litterariae in Hungaria. Budae. 1808 p. 125 sp.

чемъ, изслѣдованія г. Даничича о сербскихъ акцентахъ, о различіяхъ сербскаго и хорватскаго нарѣчія (*), описанія многихъ славянскихъ рукописей, помѣщенныя въ различныхъ выпускахъ Гласника, и особенно изданіе «Житія св. Савы» и нынѣ предпринятаго имъ «Словаря старо-сербскаго языка» заслуживаютъ глубокаго уваженія и благодарности. Эти два изданія заслуживали бы большей извѣстности въ Россіи. *Рјечник* г. Даничича обѣщаетъ быть необходимымъ, драгоцѣннымъ пособіемъ нетолько для всякаго филолога славянскаго, но и для всякаго любителя сербской старины и исторіи, ибо авторъ съ необычайнымъ усердіемъ собираетъ и помѣщаетъ въ своемъ Словарѣ всѣ находимыя имъ въ древнихъ и старыхъ сербскихъ памятникахъ слова, рѣченія и названія собственныя и мѣстныя, съ точнымъ указаніемъ источниковъ. По окончаніи этого труда, юная сербская словесность справедливо можетъ гордиться словарями Вука и Даничича, подобныхъ которымъ не имѣютъ еще и другія славянскія литературы, болѣе старыя и богатыя.

Кромѣ г. Шафарика и г. Даничича, въ Сербіи, къ сожалѣнію, еще нѣтъ другихъ ученыхъ, которые бы занимались старо-сербскою письменностью съ подобною имъ любовью и въ такомъ же направленіи; мы разумѣемъ именно изученіе рукописей. Въ этомъ отношеніи мы много потеряли съ преждевременною смертью г. Вукомановича, воспитанника кіевскаго университета. Нѣкоторые труды его, помѣщенные въ Гласникѣ, обѣщали изъ него дѣльнаго изслѣдователя. Впрочемъ, говоря объ историческихъ изслѣдователяхъ въ Сербіи, нельзя умолчать еще о двухъ сербахъ, гг. Кретичѣ и Николаевичѣ. Первый помѣ-

(*) Это обстоятельное изслѣдованіе, помѣщенное въ 9-й кн. «Гласника» 1857 г., относительно этого вопроса, служитъ лучшимъ пособіемъ и дополненіемъ къ изслѣдованіямъ г. Мажуранича (Kolo, 3), В. С. Караджича (Ковчежић) и г. Миклошича (въ его грамматикѣ) объ этомъ же предметѣ. Сербское (штокавское) и хорватское (чакавское—отъ различнаго произношенія сл. *что*) отличаются одно отъ другаго не болѣе, какъ различныя нарѣчія великорусскія и малорусскія между собою. Впрочемъ, кажется, хорватское нарѣчіе уже очень давно подверглось вліянію сербскому, тѣмъ не менѣе характеръ и бытье этихъ двухъ племенъ рѣзко различаются, и какъ то и другое чрезвычайно напоминаютъ сербы малороссіянъ, а хорваты — поляковъ. Сходство сербскихъ селяковъ особенно въ Сербіи съ малоруссами, а хорватовъ приморцевъ съ мазурами поразило меня чрезвычайно. Это мнѣніе я сообщилъ и другимъ наблюдателямъ и слышалъ отъ нихъ, что они сами замѣчали это сходство. Католицизмъ и *дворянская* конституція хорватовъ, православіе и относительный демократизмъ сербовъ еще болѣе увеличиваютъ это сходство, которое основано, вѣроятно, на томъ, что сербы и хорваты въ первоначальной своей родинѣ, Восточной Галиціи, принадлежали уже къ двумъ племенамъ: хорваты къ ляшскому, а сербы къ тому славянскому племени, которое впослѣдствіи стало называться русскимъ, Русью, русичами, руснаками, въ единств. русинъ.

стилъ въ Гласникѣ обширное и обстоятельное историко-юридическое изслѣдованіе о старомъ сербскомъ законодательствѣ. На этотъ добросовѣстный трудъ мы желали бы обратить вниманіе нашихъ историковъ-юристовъ. Оно помѣщено въ Гласникѣ (Св. VI, стр. 88—149; св. VII, стр. 22—85; св. IX, стр. 60—126; св. XI, стр. 204—261). Первыя главы этого сочиненія написаны не такъ подробно и обстоятельно, какъ послѣднія, и нельзя не пожелать, чтобы авторъ издалъ свой трудъ отдѣльною книгою, передѣлавъ и исправивъ его, особенно вначалѣ, ибо первыя статьи писаны были до выхода въ свѣтъ сочиненія Майкова и драгоцѣнныхъ сербскихъ сборниковъ г. Шафарика и Гр. М. Пучича, греческаго г. Миклошича. Г. Кретичъ, кромѣ того, написалъ краткій учебникъ сербской исторіи для училищъ, уже напечатанный, и подробную исторію Сербіи, которая въ рукописи была представлена въ сербскую матицу въ Пештѣ и получила награду. Она скоро также должна быть напечатана.

Г. Николаевичъ помѣстилъ въ Гласникѣ свое изслѣдованіе о сербскихъ Комненахъ, которое свидѣтельствуетъ о его трудолюбіи и большой начитанности; здѣсь онъ, изъ народныхъ лѣтописей, преданій, пѣсенъ, сербскихъ граматъ и византійцевъ, собралъ всѣ доступныя ему свѣдѣнія о различныхъ сербскихъ родахъ и отдѣльныхъ лицахъ, которые дѣйствительно или, по его мнѣнію, происходили отъ Комненовъ.

Новѣйшею сербскою исторіею уже много лѣтъ занимается почтенный Л. Арсеніевичъ Баталака, бывшій нѣсколько лѣтъ министромъ при Кара-Георгіевичѣ. Онъ обладаетъ обширными рукописными матеріалами для исторіи возстанія Сербіи при Кара-Георгіѣ, къ лицу котораго этотъ старецъ горитъ самымъ горячимъ энтузіазмомъ. Быть можетъ, нелюбовь къ Милошу и пристрастіе къ Кара-Георгію слишкомъ увлекаютъ почтеннаго автора; но требованіе полнаго, безучастнаго объективизма отъ новѣйшаго историка едва-ли возможно, и мы, во всякомъ случаѣ, въ правѣ ожидать отъ г. Баталаки сочиненія, важнаго не для однихъ сербовъ. Авторъ обращался съ просьбою къ французскому правительству и получилъ изъ французскихъ архивовъ копіи съ нужныхъ для него документовъ. Позволимъ себѣ надѣяться, что Россія, куда онъ также и не разъ обращался съ подобною же просьбою, не откажетъ ему въ сообщеніи копій съ документовъ, касающихся Кара-Георгія и Сербіи въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Послѣ языка и исторіи первое мѣсто въ познаніи отечества занимаетъ столь тѣсно съ нею связанная статистика, эта исторія современности. Въ этомъ отношеніи Сербія имѣетъ двухъ почтенныхъ

представителей, именно г. Гавриловича, бывшаго министромъ финансовъ, одного изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей Сербіи. Онъ положилъ твердое основаніе сербской статистикѣ изданіемъ своего замѣчательнаго «Географико-статистическаго словаря Сербіи». Нѣсколько важныхъ статей помѣщено имъ въ Гласникѣ. Другой ученый сербскій статистикъ, г. Владиміръ Якшичъ, напечаталъ въ Гласникѣ нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій, которыя совершенно соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки. Его же стараніямъ обязано образованіе въ Сербіи для офиціальнаго собиранія свѣдѣній особаго статистическаго комитета.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ Сербіи, въ собственномъ смыслѣ, еще вовсе нѣтъ общества. Въ ней есть очень образованные и ученые люди, но ихъ очень мало и они стоятъ одиноко; посему нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя явленія сербской гражданственности отличаются такою дикостью и рѣзкостью, что самые просвѣщенные сербы несвободны отъ такихъ странностей, на которыя въ зрѣлыхъ обществахъ никогда не рѣшатся люди хотя сколько-нибудь почтенные. Слабость общества составляетъ отличительное явленіе и нашего отечества, и потому для насъ, русскихъ, изученіе общихъ законовъ и явленій общественнаго развитія имѣетъ особенную важность. Какъ для характеристики Сербіи, такъ и въ общемъ назидательномъ смыслѣ считаю нужнымъ обратить вниманіе читателей на предложеніе г. Якшича, представленное имъ Андреевской Скупштинѣ 1858 г. и послѣ изданное имъ отдѣльною брошюрою. Разсказавъ вкратцѣ свою жизнь, какъ онъ воспитывался и учился въ Сербіи, какъ потомъ прожилъ нѣсколько лѣтъ за границею, въ Германіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, изучая статистику и политическую экономію, г. Якшичъ переходитъ затѣмъ къ экономическому состоянію современной Сербіи и положительными статистическими данными доказываетъ, что хотя она и развивалась постепенно въ послѣдніе годы, однако мало и слабо, не такъ, какъ бы можно было и какъ бы слѣдовало. Для успѣшнаго раціональнаго развитія страны нужно, по его словамъ, раціональное управленіе, для сего же необходимо образовать статистическій комитетъ и предпринять извѣстныя мѣры, требуемыя современною наукою. Въ чемъ должны онѣ состоять — г. Якшичъ полагаетъ нужнымъ сохранить въ тайнѣ, пока высшее правительство сербское не назначитъ особой коммисіи, которой онъ сообщитъ *свой секретъ*, но съ условіемъ, чтобы правительство обязалось платить ему извѣстную сумму за этотъ секретъ, который имѣетъ въ нѣсколько лѣтъ увеличить населеніе Сербіи, ея

производительныя силы и т. д. Г. Якшичъ представляетъ семь доводовъ, по которымъ онъ имѣетъ право на награду. И способъ убѣжденія, и самыя требованія г. Якшича такъ оригинальны, что нельзя не привести ихъ цѣликомъ.

1. Если кто выкупитъ раба—говоритъ г. Якшичъ—то заслуживаетъ почтенія; но какъ же выше тотъ, который прибавитъ отечеству сотни тысячъ жителей, безъ кровопролитныхъ сраженій.

2. Еслибы кто удѣлилъ бѣднымъ десятую часть своего имѣнія, то, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы богоугодное дѣло; но во сколько почтеннѣе тотъ, который сдѣлаетъ то, что его сограждане будутъ носить одежду изъ сукна въ пять разъ высшаго достоинства, чѣмъ теперь, вдвое экономнѣе будутъ жить, вдвое будутъ имѣть денегъ.

3. Юнаки за защиту отечества украшаются безсмертными лаврами; но во сколько больше тотъ юнакъ, который отечеству доставитъ вдвое болѣе храбрыхъ юнаковъ, чѣмъ оно теперь имѣетъ.

4. Если кто помиритъ двухъ поссорившихся пріятелей, то онъ, конечно, совершитъ душеспасительное дѣло; но какъ неизмѣримо *человѣколюбивое чувство радости*, когда кто сдѣлаетъ, что отнынѣ двѣ трети его согражданъ не будутъ заводить тяжебъ и совершать разныхъ преступленій.

5. Если кто построитъ церковь, то, безъ сомнѣнія, учинитъ великую *задушбину*; но какъ же выше задушбина, когда вдвое болѣе церквей пропоютъ славу божію.

6. Если кто кого просвѣтитъ наукою, то обязалъ его на вѣки; но каково же болѣе восхищеніе для патріота (родолюба), когда подаритъ лучи мудрости тысячамъ своихъ братій?

7. Если кто напишетъ ученое сочиненіе, того хвалитъ все образованное человѣчество; но во сколько же большей похвалы достоинъ тотъ, кто сотнями книгъ поддерживаетъ свое существованіе?

Затѣмъ г. Якшичъ переходитъ къ наградѣ, которую ему слѣдуетъ назначить:

1) За мѣрило моей награды слѣдуетъ взять народонаселеніе, какъ главный элементъ въ государствѣ, по переписи 1846-го и по будущей 1859-го г., и ежели окажется ежегодное приращеніе въ 11,000 душъ на мильйонъ, какъ и вѣроятно, то, значитъ, населеніе удваивается въ 60 лѣтъ, а весь излишекъ долженъ быть разсматриваемъ единственно, какъ приплодъ отъ новыхъ законовъ и онъ долженъ быть взятъ за мѣрило награды такъ, что на двѣ души пришлось бы по дукату, именно столько, сколько теперь правительство имѣетъ дохода отъ своихъ подданныхъ.

2) Больной не легко излечивается отъ смертной болѣзни, потому и слабое развитіе нашей земли не можетъ вдругъ измѣниться, и перепись населенія и народнаго имущества слѣдуетъ предпринимать всякій пятый годъ; но какъ исключеніе изъ правила, надо предпринять слѣдующую перепись въ 1865-мъ г. Послѣ первыхъ шести лѣтъ реформъ, можно будетъ примѣтить различіе прежняго и новаго положенія.

3) До истеченія первыхъ шести лѣтъ, не нужно мнѣ платить никакой награды: я на это время останусь или въ нынѣшней службѣ, или буду управлять статистическимъ комитетомъ, если то правительство найдетъ полезнымъ; а что онъ долженъ быть образованъ, объ этомъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ.

4) Только послѣ шести лѣтъ должны мнѣ платить 10 процентовъ съ капитала, образующагося отъ увеличеннаго населенія; черезъ 30 лѣтъ плата должна удвоиться, а послѣ другихъ пяти лѣтъ, со втораго капитала — 10 же процентовъ, и такъ до моей смерти. Послѣ того слѣдуетъ платить, кому я завѣщаю.

5) Но прежде нежели сообщить мои реформы, нужно, чтобы правительство обязалось привести ихъ въ дѣйствіе, и притомъ, во всей ихъ совокупности, ибо одинокія мѣры не будутъ соотвѣтствовать ожиданію, и наконецъ

6) Если правительство мой проектъ разсмотритъ, и въ цѣлости его не усвоитъ, а послѣ нѣкотораго времени начнетъ управлять страною въ его духѣ, то я буду считать, что правительство пристало на мое предложеніе, и буду требовать награды круглою суммою.

Любезные братья! За время, пока я постигъ *святыя* государственныя истины, о томъ, какъ лучше управлять страною, я много потратилъ силъ и здоровья, много денегъ, для пріобрѣтенія библіотеки и совершенія путешествій, *потому и правильно*, чтобы мнѣ давали *одинъ новацъ отъ тысячи*, какъ народную награду, въ первыя 30 лѣтъ; какъ потомъ въ подобномъ же размѣрѣ и въ другіе періоды будетъ развиваться отечество, то требуемая мною награда выйдетъ гораздо менѣе суммы, *которую я ежемѣсячно трачу на милостыню нищимъ. Сверхъ того, я, какъ человѣкъ, подверженъ нѣкоторому тщеславію (некой суеты) и намѣренъ большую часть капитала при жизни и по смерти, оставить на благотворительныя заведенія, на память о моемъ земномъ существованіи; а награда, какъ уже замѣчено, требуется не отъ нынѣшняго народнаго имущества, а отъ того, которое вслѣдствіе благотворныхъ мѣръ вновь будетъ создано въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ теперь.*

Заключеніе народной скупщины пусть будетъ какое ей угодно: я не

хочу внушать его недостойнымъ способомъ, ибо мнѣ насущный хлѣбъ обезпеченъ и внѣ отечества; но теперь можно будетъ видѣть, сколько имѣетъ Сербія искренныхъ и преданныхъ ея успѣхамъ друзей; я же, утѣшаясь мыслью, что представилъ такой велеважный предлогъ сербскому народу, какъ доселѣ еще никто, а впослѣдствіи не знаю, представитъ ли кто (*), остаюсь славной скупштинѣ, найприверженный гражданинъ Владиміръ Якшичъ, проф. въ княж. сербскомъ лицею.

Въ Бѣлградѣ 1 дек. 1858.

Это неприличное предложеніе г. Якшича можетъ служить отличнымъ доказательствомъ того различія, которое состоитъ между образованіемъ и просвѣщеніемъ, что успѣхи въ первомъ не всегда идутъ въ параллель съ успѣхами просвѣщенія, или духовно-нравственнаго развитія. Такъ и г. Якшичъ, прекрасно изучилъ свой предметъ, статистику и политическія науки, совершенно неизвѣстныя простымъ, православнымъ сербамъ, но его ученость и знанія не помѣшали ему забыть самаго простаго правила нравственности, которое извѣстно всякому необразованному православному человѣку, всякому селяку-сербу, именно то, что всякое доброе дѣло перестаетъ быть подвигомъ, когда виновникъ его нетолько самъ себя расхваливаетъ, но и проситъ за него награды; что повѣщать на весь міръ, какъ сдѣлалъ г. Якшичъ, о томъ, сколько онъ раздаетъ милостыни бѣднымъ, нетолько неприлично и неумѣстно, но даже безнравственно. Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ образованные сербы въ княжествѣ были похожи въ этомъ отношеніи на г. Якшича. Напротивъ, намъ извѣстно, что въ Сербіи многіе осуждали его за это неприличное выраженіе; тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что еслибы общество сербское было болѣе развито, то никогда бы г. Якшичъ съ своимъ умомъ и образованіемъ, не рѣшился бы представить скупштинѣ, и тѣмъ менѣе, напечатать своего дикаго предложенія. Онъ бы разсчиталъ тогда, что оно можетъ совершенно уронить его въ общественномъ мнѣніи. Неразвитость общества ослабляетъ даже вину г. Якшича, ибо недостатки отдѣльныхъ людей объясняются и оправдываются недостатками общественными, тѣмъ болѣе, что г. Якшичъ, обнародовавъ свое предложеніе, предавалъ себя общественному суду, слѣдовательно, нисколько не сознавалъ неумѣстности и неприличія въ просьбѣ своей о наградѣ, за предложеніе скупштинѣ разныхъ полезныхъ мѣръ для народа, о благосостояніи котораго долженъ забо-

(*) И дай Богъ, чтобы никто и никогда болѣе не представлялъ.

титься каждый гражданинъ. Предложеніе г. Якшича свидѣтельствуетъ только о той неясности и путаницѣ понятій, которая еще господствуетъ въ Сербіи объ отношеніяхъ общества къ народу и государству. До какой степени еще наивны эти сербскія понятія, можно видѣть изъ споровъ, которые возникли въ 1858-мъ г., между правительствомъ сербскимъ и обществомъ словесности въ Бѣлградѣ. Русскимъ читателямъ, конечно, неизвѣстно, что въ 1830-хъ годахъ, по образованіи сербскаго княжества, правительство князя Милоша стало заботиться и о народномъ просвѣщеніи: обращено было вниманіе на школы, заказаны были въ Россіи словолитня и типографія, наконецъ, даже издань указъ, который установлялъ сербскую аристократію, и запрещалъ печатать что-либо посербски другою, не казенною, не государственною орѳографіею. Надо замѣтить, что и нынѣ, въ сербской словесности не установилось правописаніе, и старые горячіе споры о *-j-*, *ѣ*, *ъ* нѣсколько унялись, но отнюдь не рѣшены къ общему удовольствію споривших сторонъ. По образованіи общества сербской словесности, было принято рѣшеніе о томъ, какихъ держаться правилъ правописанія. Они были напечатаны въ IV кн. Гласника. Въ 1858-мъ г., со вступленіемъ въ секретари общества г. Даничича, въ Гласникѣ появилось иное правописаніе, разные новые термины. Министръ просвѣщенія, г. Цернобарацъ, препроводилъ тогда въ общество слѣдующій циркуляръ, который мы передаемъ въ сокращеніи. «Министерство примѣтило, что съ нѣкоторыхъ поръ, общество въ своемъ офиціальномъ дѣлопроизводствѣ въ названіи нѣкоторыхъ идей употребляетъ не тѣ слова, которыми эти идеи названы въ уставѣ и и учрежденіи, что оно значительно отступаетъ отъ правилъ правописанія, которыя само себѣ установило. Такъ общество не пишетъ *засѣданіе*, а *сѣдница*, не *почестный членъ*, а *почастный чланъ*, не употребляетъ буквы *ѣ* въ корняхъ словъ и т. п., чѣмъ нетолько нарушаетъ существующіе законы, но и производитъ смуту въ понятіяхъ. Имѣя своею обязанностію заботиться о томъ, чтобы подобныя обстоятельства впредь не случались, министерство предписываетъ, чтобы общество впредь слѣдовало правиламъ прежняго своего правописанія и т. д. Затѣмъ, министерство указываетъ въ образецъ обществу на сербскую грамматику г. Вуича, и Словарь г. Исайловича, *одобренные надлежащими властями и введенные въ употребленіе въ школахъ*». По этому случаю въ обществѣ было назначено чрезвычайное засѣданіе, на которомъ оно отстояло свою свободу, и въ отвѣтѣ своемъ доказало правительству неумѣстность такого вмѣшательства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Сербіи уже настало движеніе и раз-

витіе понятій о взаимныхъ отношеніяхъ общества и государства. Но что оно идетъ туго, это доказывается приведеннымъ нами циркуляромъ министерства и его замѣчаніями на возраженія общества. Тотъ же г. Цернобарацъ, въ очень длинной бумагѣ снова настаиваетъ на необходимости обществу слѣдовать грамматикѣ Вупча и Исайловича, и въ своемъ циркулярѣ вдается даже въ подробныя филологическія разсужденія о различныхъ словахъ и выраженіяхъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ Исайловича.

Кромѣ г. Якшича, статистикою и политическою экономіею занимаются въ настоящее время гг. Цукичъ, нынѣшній министръ финансовъ, недавно издавшій курсъ политической экономіи, и г. В. Іоанновичъ, очень талантливый и трудолюбивый молодой человѣкъ, напечатавшій нѣсколько экономическихъ статей. Онъ также перевелъ, но еще не издалъ, на сербскій языкъ политическую экономію Рошера, лекціи Шлейдена о ботаникѣ и проч. Здѣсь не можемъ не повторить мнѣнія нашего о необходимости преподаванія русскаго языка въ сербскихъ гимназіяхъ или лицеѣ, ибо, конечно, нельзя и недолжно ожидать, чтобы всѣ сербы могли легко и свободно читать на иностранныхъ языкахъ, какъ то могутъ сербы въ Австріи, изъ которыхъ всякій маломальски грамотный человѣкъ можетъ свободно говорить и писать по-нѣмецки, мадьярски и въ Далмаціи поитальянски. Нѣкоторыя выгоды, получаемыя сербами и вообще славянами въ Австріи отъ такого знанія иностранныхъ языковъ, покупаются слишкомъ дорогою цѣною въ ущербъ народности. Сербы княжества имѣютъ въ этомъ отношеніи большое преимущество передъ своими братьями въ Австріи. Они не обязаны, не принуждены, въ такой степени, изучать иностранные языки. Сербы княжества имѣютъ потребность въ переводахъ на сербскій языкъ разныхъ иностранныхъ сочиненій, особенно ученыхъ, но отъ многочисленности сербскаго народа умственныя рабочія его силы такъ ограничены, что рѣшительно не въ состояніи хотя сколько нибудь удовлетворить этой потребности, постоянно возрастающей. Такимъ образомъ сербамъ предстоитъ или послѣдовать примѣру своихъ австрійскихъ братьевъ относительно изученія иностранныхъ языковъ и лишиться одного изъ главнѣйшихъ преимуществъ своихъ передъ ними, возможности образованія въ духѣ сербскомъ и славянскомъ—или же сохранить это преимущество и пользоваться для своего образованія русскою переводною литературою, которая въ послѣднее пятилѣтіе сдѣлала значительные успѣхи. Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, конечно, полезно и необходимо для сербовъ, но оно неудобно для огромнаго большинства и недостижимо для всѣхъ , иначе какъ только

послѣ многолѣтнихъ занятій, между тѣмъ какъ порусски легко можетъ выучиться всякій сербъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль, ибо и обязательное для него знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ чрезвычайно облегчаетъ ему изученіе русскаго языка. Каждый сербъ, хотя нѣсколько знакомый съ своею исторіею и старою литературою, уже не можетъ не знать порусски, ибо сочиненія Рапча и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ писателей сербскихъ носятъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія русскаго языка. Такимъ образомъ знаніе русскаго языка ознакомило бы сербовъ съ богатствами ученыхъ литературъ французской, нѣмецкой и англійской, ибо даже въ самомъ далекомъ будущемъ нельзя надѣяться на богатую сербскую переводную литературу, по той простой причинѣ, что для этого требуется много свободныхъ рабочихъ силъ, которыхъ не можетъ представить слишкомъ малочисленное племя сербское. Въ настоящее же время труды, подобные трудамъ г. Іованновича, являются совершенно почти безполезными, ибо сербскіе переводы ученыхъ иностранныхъ сочиненій по малости публики не могутъ окупить издержекъ на трудъ и изданіе. Отвлекая силы отъ другихъ работъ, болѣе производительныхъ, сербскіе переводчики иностранныхъ ученыхъ, а не поэтическихъ, произведеній, могутъ только истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ къ недостижимой цѣли передать на сербскомъ языкѣ богатства ученой литературы Франціи, Англіи, Германіи, ибо тамъ въ одинъ годъ выйдетъ столько ученыхъ сочиненій, достойныхъ перевода, которыя удобно и выгодно перевести и издать на русскомъ языкѣ въ какіе нибудь два-три года и невозможно на сербскомъ втеченіе пятнадцати-двадцати лѣтъ, а между тѣмъ, русскій языкъ такъ легокъ и удобопонятенъ для каждаго серба. Такъ мы полагаемъ, сербскіе юноши, занимающіеся нетолько своею исторіею, но и политическими и естественными науками, должны знать порусски.

Распространившись о главнѣйшихъ современныхъ литературныхъ дѣятеляхъ Сербіи, мы долгомъ считаемъ вкратцѣ упомянуть и объ остальныхъ сербскихъ писателяхъ, особенно о тѣхъ, труды которыхъ помѣщены въ различныхъ книгахъ Гласника. Съ 1847-го г., когда открыто друштво србске словесности, по настоящее время, оно издало XV томовъ Гласника, каждый отъ 20 до 40 слишкомъ печатныхъ листовъ. Съ теченіемъ времени, содержаніе книжекъ постоянно становилось дѣльнѣе и занимательнѣе. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ г. Шафарика, Даничича, Кретича, Николаевича, Якшича, нельзя не указать на замѣчательныя и любопытныя статьи гг. Бранковича, профессора и ректора, почтеннаго автора учебниковъ логики, психологіи (по Кругу), Спасича—о православной церкви въ Турціи, статистическія дан-

ныя о народномъ просвѣщеніи въ Сербіи, г. Хаджича (*).—Примѣчанія на предисловіе Вука С. Караджича къ его переводу новаго завѣта, топографико-статистическія и этнографическія описанія различныхъ окружій княжества сербскаго, какъ-то: *Пожаревецкаго*—г. Медовича, *Краинскаго*—г. Ивановича и г. Пчелара, *Ужицкаго*—г. Обрадовича. Описаніе рыбъ въ Сербіи, г. Панчича; Новый годъ у старыхъ сербовъ, г. Сретеновича; Исторія перваго періода сербской церкви, преосвященнаго митрополита Михаила, автора прекрасныхъ учебниковъ по богословію и церковной исторіи и назидательныхъ проповѣдей, сербскій переводъ г. Аврамовича съ изданіемъ греческаго текста. Повѣсти монаховъ Комнина и Прокла, о деспотахъ Эпира, по новому списку, доставленному г. Верковичемъ и болѣе исправному, чѣмъ напечатанный въ боннскомъ изданіи византійцевъ (Epirotica). Что сербы сами чувствуютъ потребность въ знакомствѣ съ русскою литературою, можно видѣть изъ самаго Гласника, въ которомъ помѣщено нѣсколько переводовъ съ русскаго языка. Кромѣ того, сербское общество издало въ Гласникѣ нѣсколько матеріаловъ для новой сербской исторіи и отдѣльною книгою: «Извори за нову србску исторію, дѣловодный протоколъ одъ 1812 мая 21-го до 1813 авг. 5-го Кара Борза Петровича.» Присоединивъ къ этому сборникъ сербскихъ документовъ изъ архива Дубровницкаго, составленный графомъ М. Пучичемъ и изданный на счетъ сербскаго правительства, мы найдемъ, что Сербія въ теченіе послѣднихъ 12, 13 лѣтъ развернула литературную дѣятельность, которая истинно приноситъ ей честь. Соображая юность Сербіи и различныя обстоятельства, нельзя не замѣтить, что дружство бѣлградское дѣйствуетъ энергичнѣе и заслуживаетъ бо̀льшихъ похвалъ, чѣмъ загребское общество южно-славянской исторіи и сербская матица въ Пештѣ. При извѣстномъ и стародавнемъ антагонизмѣ хорватовъ и сербовъ, нельзя не пожелать, чтобы онъ исчезалъ или слабѣлъ въ политикѣ и замѣнился бы благороднымъ соревнованіемъ на мирной почвѣ литературы и науки. Въ настоящее время образуется въ Загребѣ юго-славянская академія. Пожелаемъ, чтобы и бѣлградское общество равномѣрно усилило свою дѣятельность. Справедливо замѣчая, что Гласникъ слишкомъ серьёзенъ для большинства сербской публики, нѣкоторые члены дружства предлагали въ послѣднее время замѣнить его популярнымъ, литературнымъ ежемѣсячнымъ журналомъ. Не отвергаемъ пользы и даже необходимости такого популярнаго изданія; думаемъ однако, что было бы невознаградимою потерею, еслибы «Гласникъ» пере-

(*) Австрійскаго серба.

сталъ выходить совсѣмъ или утратилъ бы свой нынѣшній ученый характеръ и сдѣлался бы чѣмъ-то въ родѣ новосадскихъ журналовъ Явора или Даницы, въ которыхъ элементъ *забавляющій* преобладаетъ почти исключительно надъ элементомъ поучающимъ и серьёзнымъ. Намъ кажется, что сербамъ въ Австріи именно можно поставить въ вину, что они слишкомъ легко смотрятъ на литературу. Побольше строгости взгляда, побольше труда, поменьше самохвальства и самодовольства было бы очень полезно для сербской интеллигенціи. Мы бы считали большимъ несчастіемъ для Сербіи, если дилеттантизмъ и всѣ эти качества овладѣли бы друштвомъ бѣлградскимъ, которое, продолжая и даже усиливъ свою дѣятельность въ направленіи, данномъ ему гг. Шафарикомъ и Даничичемъ, можетъ оказать отечеству и всему славянскому міру большія услуги. Пусть члены, недовольные нынѣшнимъ «Гласникомъ», издаютъ свои *популярныя* произведенія особыми сборниками, на счетъ друштва, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ. «Гласникъ» отъ этого-можетъ только выиграть, ибо въ немъ тогда будутъ помѣщаться только чисто ученые труды такихъ членовъ, какъ гг. Шафарикъ, Даничичь, Кретичь, Николаевичь и др. Теперь же, признаемся, очень непріятно иногда видѣть рядомъ съ изслѣдованіями и статьями гг. Шафарика и Даничича, важными для каждаго слависта, переводы архимандрита Гавріила и письма г. Плюша родственнику Амедею о пространствѣ и границахъ человѣческаго разума, изъ житій славянскихъ святыхъ А. Н. Муравьева или переводъ г. Матича статьи Пельтана о взаимной связи между науками. Сравнивая дѣятельность бѣлградскаго друштва съ трудами загребской матицы, не можемъ не замѣтить, что въ послѣднихъ гораздо болѣе обращено вниманія на этнографію, чѣмъ въ «Гласникѣ». Правда, сербы въ сочиненіяхъ В. С. Караджича имѣютъ превосходные этнографическіе матеріалы, но намъ кажется, предметъ этотъ далеко не исчерпанъ и друштво должно бы было обратить на него гораздо болѣе вниманія, чѣмъ оно дѣлало понынѣ, ибо въ XV книгахъ «Гласника» можно найти развѣ одну статью чисто-этнографическую, г. Милпчевича, о сербской задругѣ. Она была помѣщена и въ «Русской Бесѣдѣ». Будемъ надѣяться, что бѣлградское общество серьёзно, наконецъ, займется этнографіею и поспѣшитъ собраніемъ различныхъ сербскихъ пѣсенъ, сказокъ, народныхъ преданій, еще незаписанныхъ, и особенно заговоровъ, которыхъ такъ много въ сербскомъ народѣ, а между тѣмъ они никогда не были обнародованы. Желательно также, чтобы наше общество озаботилось описаніемъ нравовъ, обычаевъ, собраніемъ данныхъ языка, народной словесности чрезвычайно любопытнаго народа валаховъ, которыхъ въ княжествѣ сербскомъ насчитывается слишкомъ сто тысячъ душъ.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	стр.	*Напечатано:*	*Читай:*
22	38	грозно	оригинально
28	5	сношеніяхъ	сношеніяхъ съ Россіею
30	33	сочувствія Австріи, южно-слав. пров.	сочувствія южно-славянскихъ провинцій Австріи къ сербамъ и т. д.
33	17	чешскій	словенскій
—	въ прим.	ниже, хуже	выше, лучше
38	18	около мильйона	около семи мильйоновъ
41	7	любимаго прошлаго	любаго практическаго
—	19	между тѣмъ стараются	между тѣмъ не стараются
48	4	всего	своего
52	24	унизительное и тѣсное	унизительное и опасное.

